

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2022 г., том 29, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

Щеглова Т.К., Рыков А.В. Экспедиция архитектора Е.А. Ащепкова в Каменское Приобье Алтайского края: датировка и результаты	5
Бадмаев А.А. Образ хорька в традиционной культуре бурят	15
Рублева А.А. Старообрядцы Притомья: к вопросу о сохранении этнокультурной идентичности в XX в.	21
Аксенова И.Ю. Локальные календарные обычаи русских Алтая как отражение социальных процессов 1920–1960-х гг.	28

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Административные инициативы гражданских губернаторов Оренбургской губернии в первой половине XIX в.	37
Матханова Н.П. Сибирский период деятельности В.А. Арцимовича: новое прочтение источников	45
Чуркин М.К. «Ссылный реформатор»: репрезентации М.М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии сибирских областников	53
Мамкина И.Н. Становление и развитие государственного образования в Восточной Сибири в первой половине XIX в.	60

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Костров А.В., Бураева С.В. Три взгляда на «разорение» старообрядческих Дубчесских скитов в 1951 г.	68
Саввинов П.О. Реформирование городского самоуправления г. Якутска в 1917 г.	74
Аброськин С.В. Коммерческая реклама на страницах первых частных периодических изданий Томска	82
Тинникова Е.Е. Городские поселения республик Саяно-Алтая в 1945–2020 гг.: структурно-функциональная типология	89
Гонина Н.В. Население сибирских городов во второй половине XX в.: вопросы историографии	98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Базаров Б.В., Плеханова А.М., Нолев Е.В. Вековой юбилей Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук	107
Майничева А.Ю. Рец. на кн.: Бушуева Е.С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 300-летию основания монастыря) / Науч. ред. П. А. Новиков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. 319 с., ил.	111
Куперштох Н.А., Ценюга И.Н. Рец. на кн.н.: Славина Л.Н. История современной России. Часть 1: Российская Федерация в период радикальной трансформации (1990-е гг.): учебное пособие. Красноярск, 2021. 256 с.	114

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.06.22. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 229.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2022, vol. 29, N 2

CONTENTS

ARCHAEOGRAPHY

Shcheglova T.K., Rykov A.V. Architect E.A. Ashchepkov's expedition in Kamenskoe Priobie in the Altai Region: dating and results . . .	5
Badmaev A.A. Ferret in the traditional culture of the buryats	15
Rubleva A.A. Old Believers of the Pritom'e in the XX century: on preserving the ethnocultural identity	21
Aksenova I.Y. Local calendar customs of the Russians of Altay as a reflection of socio-cultural processes in the 1920–1960s	28

PUBLIC ADMINISTRATION

Semenova N.L., Lyubichankovskiy S.V. Administrative initiatives of the civil governors of Orenburg Province in the first half of the XIX century	37
Matkhanova N.P. Siberian period of V.A. Artsimovich's activity: revisiting the sources	45
Churkin M.K. «Exiled Reformer»: representations of M.M. Speransky in the journalism and epistolary heritage of Siberian regionalists	53
Mamkina I.N. Establishment and Development of the State education system in Eastern Siberia at the first half of the XIX century . . .	60

NATIONAL HISTORY

Kostrov A.V., Buraeva S.V. Three views on the «devastation» of the Old Believers' Dubchessky sketes in 1951	68
Savvinov P.O. Reforming self-government in Yakutsk in 1917	74
Abroskin S.V. Commercial advertising in the pages of the first private periodicals of Tomsk	82
Tinikova E.E. Urban settlements of the Sayan-Altai republics in 1945–2020: the structural and functional typology	89
Gonina N.V. Siberian Urban Residents in the second half of the XX century: historiography issues	98

SCIENTIFIC LIFE

Bazarov B.V., Plekhanova A.M., Nolev E.V. Centennial anniversary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Science	107
Mainicheva A.Y. Book review: Bushueva E.S. The legacy of the Nerchinsk Holy Dormition Monastery: the parish church and its abbots 1775–1930. (to the 300th anniversary of the founding of the monastery) / Edited by P. A. Novikov. Irkutsk: IGU, 2016. 319 p., ill.	111
Kupershtokh N.A., Irina N. Tsenyuga. Book review: L.N. Slavina. History of modern Russia. Part 1. The Russian Federation during the radical transformation period (1990s): A textbook. Krasnoyarsk, 2021. 256 p.	114

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l   a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220201
УДК 39 (571.15)''194/195''

Т.К. ЩЕГЛОВА, А.В. РЫКОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ АРХИТЕКТОРА Е.А. АЩЕПКОВА В КАМЕНСКОЕ ПРИОБЬЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ДАТИРОВКА И РЕЗУЛЬТАТЫ

Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

В статье анализируется экспедиция известного специалиста по народному зодчеству Е.А. Ащепкова, касающаяся изучения архитектуры русского населения Каменского Приобья Алтайского края. Основными источниками данной публикации являются документы личного фонда Е.А. Ащепкова в Государственном архиве Новосибирской области. Авторы отмечают, что эта экспедиция мало изучена, ее материалы редко используются. В ходе анализа экспедиционных материалов авторы опровергают установившиеся в историографии даты проведения экспедиции и, используя метод реконструкции и биографический метод, делают вывод о проведении полевых работ на территории Каменского Приобья в 1944 г. В статье частично реконструируется маршрут экспедиции по территории Каменского района Алтайского края, выявляются ранее неопубликованные материалы, дается оценка их источникового потенциала. Особого внимания заслуживает проблема расширения поиска возможных новых экспедиционных выездов, совершенных, по словам архитектора, «единолично», о чем косвенно говорят подписи рисунков, чертежей и фотографий, сделанных собственноручно Е.А. Ащепковым.

Ключевые слова: Е.А. Ащепков, полевые исследования, Государственный архив Новосибирской области, Алтайский край, русские старожилы, архитектура, методика полевой работы.

T.K. SHCHEGLOVA, A.V. RYKOV

ARCHITECT E.A. ASHCHEPKOV'S EXPEDITION IN KAMENSKOE PRIOBYE IN THE ALTAI REGION: DATING AND RESULTS

Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation

The article analyzes the expedition organized by Evgeny Andreevich Ashchepkov, well-known specialist in folk architecture, to study the Russian population architecture in Kamenskoe Priobye of the Altai Region. The authors state that it has never been a research object, moreover there is unreliable information in scientific literature. The study's main sources are the documents of E.A. Ashchepkov's personal archive in Novosibirsk

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

Татьяна Кирилловна Щеглова – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: tk_altai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>.

Алексей Викторович Рыков – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: avrykov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>.

Tatiana K. Shcheglova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National history, Altai State Pedagogical University.

Aleksey V. Rykov – Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of National history, Altai State Pedagogical University.

Regional State Archive. The research relevance is determined by the fact that the field materials collected by E.A. Ashchepkov are little used in his summarizing monograph on Altai, and are still not in demand by other investigators of old-timer culture of the Russian population. Therefore, the research objectives and tasks are focused on revealing the terms and routes of expedition; analyzing the sources kept in Novosibirsk Regional State Archive to determine their potential for studying traditional culture of Russian Siberians. Using reconstruction and biographical methods, the authors managed to identify the terms of expedition – August of 1944, and reconstruct the route of his field research. The article describes the main ways of recording the information (black and white pencil sketching with further drawing in color, photographic recording, charting). E.A. Ashchepkov's professionalism as an architect contributed to fixing multicultural information, not limited by architecture only. That, on the one hand, makes this information available to different social-humanitarian specialists, especially ethnographers, art historians and cultural studies scholars; on the other hand, due to notes left under the materials, it is possible to suppose that the geographical frames of his «personal» field voyages were much wider and included other regions of Altai Region and the Republic of Altai. The authors conclude that the revealed unpublished expedition materials make it possible to better understand both folk architecture, and other household traditions of old-time residents of forest steppe in Kamenskoe Priobie as well. The expedition materials concerning the territories bordering on the Altai Region allow reaching the comparative level of local variants of Russian Siberians' culture under different geographical and ethnic-cultural conditions.

Key words: E.A. Ashchepkov, field research, Novosibirsk Regional State Archive, Altai Region, Russian old-timers, architecture, field work methodology.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения этнографии русского населения Алтая в середине XX в. в немалой степени связана с полевой работой известного сибирского архитектора Евгения Андреевича Ащепкова – кандидата архитектуры (1942 г.), доктора искусствоведения (1947 г.), Заслуженного архитектора РСФСР (1969 г.). Его исследования по истории сибирской архитектуры и, прежде всего, деревянного народного зодчества дополнили сокровищницу мировой культуры [Ащепков, 1950, 1953, 1964].

В 1930–1950-е гг. на территории Сибири Е.А. Ащепков осуществил самостоятельные (в его определении – «единоличные») экспедиции по обследованию памятников народного зодчества в сельских районах Тюменской, Томской, Новосибирской, Омской областей, Алтайского и Красноярского краев, а также в современной Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан¹.

В отечественной историографии личность Е.А. Ащепкова и его деятельность освещены в ряде научных статей, энциклопедиях, а также в монографии [Долнаков, 1992]. Несмотря на наличие научных биографических статей, его экспедиционная работа на территории Алтайского края остается малоизученной. В основном рассматриваются или используются результаты его деятельности в других регионах [Гаркуша, Филонов, 2017; Комиссаров, Азаренко, 2014; Майничева, Рудая, 2008; Слабуха, 2016], либо авторы кратко стараются обобщить итоги всей экспедиционной работы Е.А. Ащепкова, не делая акцент на каком-либо из регионов, в котором им проводилась полевая работа [Некрасова, 2006; Туманик, 2010].

Наиболее полной работой об экспедициях Е.А. Ащепкова, в том числе и на территории Алтая,

является монография А.П. Долнакова «Сибирский архитектор Е.А. Ащепков». В ней затрагивается только одна из экспедиций – в Рудный Алтай, который с 1921 г. входит в состав Республики Казахстан (Восточно-Казахстанская область). Автором характеризуются предмет исследования архитектора, особенности застройки изучаемой местности, а также специфика проведения экспедиции. Информация об экспедиции собственно на территории современного Алтайского края в Каменский район отсутствует [Долнаков, 1992], как и сведения о поездках в другие районы региона, о чем свидетельствуют материалы из личного фонда Е.А. Ащепкова в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО).

Кроме того, некоторые опубликованные данные нуждаются, на наш взгляд, в корректировке. Среди них следует отметить ошибочную датировку проведенных экспедиций, в том числе Каменской в 1942 г. Полевую работу в указанное время не подтверждают ни экспедиционные материалы в ГАО (за этот год они отсутствуют), ни сохранившийся в личном фонде архитектора краткий список экспедиционных исследований, который он составил лично. Ошибочное датирование Каменской экспедиции 1942 г. приведено в энциклопедических статьях, в которых представлена биография Е.А. Ащепкова. В качестве примера можно привести статью Т.П. Некрасовой, где указывается, что «в 1942 и 1945–1947 годах Евгений Андреевич провел экспедиции по обследованию памятников деревянного зодчества в Алтайском крае, Кемеровской и Северо-Казахстанской областях, Красноярском крае, Иркутской области» [Некрасова, 2007, с. 67]. Эта же информация используется и расширяется в обзоре личного фонда Е.А. Ащепкова, выполненном М.О. Акишиным. Согласно его обзору, экспедиции исследователя в Сибири проводились в 1938–1940, 1942, 1945–1947 гг. Там же перечислены и населенные пункты, в которых Е.А. Ащепков делал зарисовки. К Алтайскому краю автор обзора отнес такие населенные пункты, как: «д. Алтай, д. Амак,

¹ Ащепков Евгений Андреевич // Полевые исследования по этнографии и устной истории на территории Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. URL: <https://etnografy.altspu.ru/2020/03/13/ашчепков-евгений-андреевич/> (дата обращения: 15.02.2022).

д. Белая, с. Брянь, д. Бураново, д. Дыроватка, д. Ключи, д. Коробиха, д. М. Красная, д. Малетино, с. Большой Нарым, д. Печи, д. Согренная, д. Соколово, д. Фыкалка, с. Чингис, д. Язовая» [Акишин, 2014, с. 656]. Эти сведения в значительной степени являются неверными, так как большая часть перечисленных поселений к моменту проведения экспедиции входила в состав КазССР. Непосредственно на территории современного Алтайского края из этого списка находятся только Ключи, Малетино, Соколово, а также Аллак, который в статье ошибочно указан как «Амак». Возможно, эти неточности связаны с использованием Е.А. Ащепковым в своих записях общего топонима Алтай, из-за прежней территориальной принадлежности Бухтарминского края и Рудного Алтая к Алтайскому округу и Алтайской губернии. Такое обобщение вполне было правомерно, поскольку оно отражало единые в прошлом этнокультурные и исторические процессы в формировании русского населения на юге Западной Сибири. Закрепила эту фактологическую неточность о проведении Каменской экспедиции в 1942 г. информация, опубликованная в монографии о Е.А. Ащепкове: «в 1942 году Е.А. Ащепков уходит с преподавательской работы в НИВИЖТе и в течение двух полевых сезонов по заданию Академии архитектуры обследует районы Алтайского края и Рудного Алтая (Северо-Казахстанская область Казахской ССР). Маршруты экспедиции пролегли в бассейнах рек Иртыша, Бухтармы, Нарыма, Сарым-Сака» [Долнаков, 1992, с. 39].

Актуальность заявленной исследовательской проблеме придает и тот факт, что собранный в Каменской экспедиции материал мало проанализирован самим автором в монографии по народному зодчеству Западной Сибири и слабо востребован до сегодняшнего дня исследователями старожильческой культуры русского населения. В совокупности все факторы требуют выявления времени, сроков и результатов Каменской экспедиции и вклада Е.А. Ащепкова в изучение этнографии русских. Основными источниками для исследования экспедиции на территории Каменского района Алтайского края являются, прежде всего, материалы личного фонда Е.А. Ащепкова в ГАНУ. Среди них – экспедиционный дневник обследования деревянного зодчества, в котором сохранились черновые зарисовки. Другим источником является альбом «Материалы по зодчеству в Западной Сибири», который служит приложением к докторской диссертации 1946 г. В нем имеются фотографии окрестностей населенных пунктов, а также отдельных изб, сопровождающиеся чертежами их отдельных элементов, сделанные Е.А. Ащепковым. В неопубликованной статье исследователя «Народное зодчество в некоторых районах Алтая. Материалы

экспедиции» также имеются фотографии и чертежи отдельных домов и их элементов, сделанные в Каменской районе. Кроме того, в отдельных делах личного фонда сохранились фотографии и черновые чертежи для монографии домов и их отдельных элементов, выполненные в данной экспедиции. Дополнением являются материалы из личных документов Е.А. Ащепкова (составленный им список проведенных экспедиций, а также итоговые решения заседания Академии архитектуры СССР)². К источникам также относятся материалы из электронного банка документов «Память народа 1941–1945 гг.», в котором находятся документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), а именно наградные дела и документы по оперативному управлению боевыми действиями. Здесь были обнаружены и использованы документы о службе М.А. Юдина (архитектора, адресата Е.А. Ащепкова, см. ниже) и нахождении его на лечении в г. Ленинграде, которые позволили подтвердить предполагаемую дату проведения экспедиции.

Для решения поставленных задач в анализе архивных источников использовались метод реконструкции и биографический метод. В совокупности они позволили максимально полно восстановить сроки, ход и результаты проведения Каменской экспедиции. Вместе с тем полевые исследования Е.А. Ащепкова не ограничивались территорией данного района. Свидетельствами в пользу этого служат те материалы ГАНУ, которые относятся к территории Алтайского края и Республики Алтай, но не имеют точной датировки и не введены самим исследователем в научный оборот. В частности, в альбоме фотоматериалов «Материалы по зодчеству в Западной Сибири», который стал приложением к докторской диссертации, есть фото с описаниями: «Селение на берегу Телецкого озера Алтай»³, «Окрестности деревни Белокуруха»⁴, «На пути в Калтык-Колло – Телецкому озеру. Алтай»⁵, «Река Катунь. Сплав леса. Алтай», «Окрестности Телецкого озера»⁶, «В верховьях р. Катунь. Ойротки в пути. Алтай»⁷. Данные о времени съемки отсутствуют. Понятно только, что эти фотографии сделаны до защиты докторской диссертации в 1947 г.⁸ Само по себе их наличие свидетельствует о том, что ученый бывал на юге современного Алтайского края и на территории современной Республики Алтай. Но ни-

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНУ). Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

³ ГАНУ. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 171. Л. 17.

каких других экспедиционных материалов (зарисовок, записей) об этом не сохранилось, как нет и информации об этом в опубликованных монографиях и статьях [Долнаков, 1992; Некрасова, 2007; Туманик, 2010].

Еще одним свидетельством выездов Е.А. Ащепкова на территорию Алтайского края, кроме известных экспедиций, служит альбом с фотографиями деревянных зданий, построенных в 1930-х гг. в населенных пунктах Новосибирской области и Алтайского края. На них зафиксированы преимущественно общественные деревянные здания – клубы, чайные, закулочные, магазины, отделения сберкасс, расположенные на значительной территории Алтайского края. Практически на всех фотографиях отсутствует не только датировка, но и подписи о том, какие объекты на них изображены. Но ряд фотографий показывает нахождение объектов в разных концах алтайского региона – сберкасса на территории современного Павловского района (это видно и на табличке на здании), расположенного в центральной лесостепной зоне, магазин Ельцовского сельпо (видно на табличке здания) в Ельцовском, самом восточном районе региона, расположенном в Предсалаирье, а также чертеж строения в с. Тальменка Алтайского края⁹.

Помимо полевых материалов по архитектуре в личном фонде Е.А. Ащепкова сохранился ряд фотографий с этнографической информацией. Их не так много, и они не являются характерными для всего фонда, но свидетельствуют о более широкой географии его полевых работ, чем о ней пишут в опубликованных работах. Прежде всего это фотографии женщин в народных костюмах, часть из которых впоследствии была им раскрашена. В фонде они выделены в отдельное дело с заголовком «Фотографии народной одежды в селах Алтая», датированное 1940–1949 гг.¹⁰

Для изучения этнографии населения алтайского региона определенный потенциал содержится в полевых материалах сопредельных областей, граница с которыми менялась. Например, в монографии Е.А. Ащепкова «Русское народное зодчество в Западной Сибири» в схематической карте маршрута обследования южных районов Новосибирской области указываются изученные им села Тальменка и Курочкино, которые сейчас относятся к Алтайскому краю [1950, с. 9]. Возможно наличие материалов и по другим территориям. Данные источники не вошли в его монографии и до сих пор не востребованы другими исследователями.

ЭКСПЕДИЦИЯ Е.А. АЩЕПКОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ АРХИТЕКТУРЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В КАМЕНСКОЕ ПРИОБЬЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1944 г.

В данной публикации авторы пытаются восполнить пробелы в истории экспедиции Е.А. Ащепкова в современный Каменский район Алтайского края. По сравнению с первой его экспедицией в Бухтарму и Рудный Алтай эта экспедиция менее изучена, но представляет самостоятельный научный интерес. В отличие от изучения Е.А. Ащепковым старожильческой архитектуры в горной местности в среде русских старообрядцев, Каменская экспедиция проходила в лесостепной части Приобья. Поэтому оставленные им материалы представляют интерес для изучения локальных вариантов культуры этнотерриториальных групп русских старожилов. По нашим полевым исследованиям территория Каменского Приобья (правобережье Оби) являлась зоной проживания некоторых этнотерриториальных групп старожилов, например, «чалдонов», что, по-видимому, и привлекло внимание исследователя народного зодчества сибиряков [Щеглова, 2005, с. 117–118]. Одним из сложных вопросов оказалось определение сроков проведения самой экспедиции. Это вторая известная на Алтае экспедиция в районе современного Каменского района Алтайского края, по нашему мнению, состоялась в 1944 г. Ранее в публикации А.В. Рыковым называлась другая дата – 1938 г. [2021, с. 138]. Но на сегодняшний день появились источники, которые позволяют выдвинуть иное предположение. В качестве подтверждения можно привести несколько фактов. Как уже было отмечено, Е.А. Ащепков в своем списке научных экспедиций указывал, что в 1943 г. была «экспедиция в Зап. Алтай», а в 1944 г. – «эксп. в Юж. Алтай и на Восток», тогда как в 1938 г. указывалось только «обследование сельских районов б. Томской губернии по рекам Томи, Оби и Чумышу. Нарымский край»¹¹.

Определить год помогают данные из экспедиционного дневника. Этот дневник обозначен в описи личного фонда Е.А. Ащепкова как «Экспедиционный дневник обследования деревянного зодчества в Томской области (с. Ямы, с. Ключи, д. Титово, д. Малетино, д. Аллака)»¹². В нем на первых страницах действительно есть зарисовки из с. Ямы и д. Титово и указаны они автором как находящиеся в «Томском крае»¹³, а в монографии уже отнесены к Томской области [Ащепков, 1950, с. 35, 41]. Все остальные упомянутые населенные пункты определяются им и по факту относятся к Алтайскому краю.

⁹ ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 2. Д. 66., Л. 6/н.

¹⁰ Там же. Д. 133.

¹¹ ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

¹² Там же. Д. 85.

¹³ Там же. Л. 3, 5.

Возвращаясь к характеристике дневника, необходимо отметить, что на нем имеются числа, выстроенные в ряд. Некоторые из них обведены или зачеркнуты. Всего их 22, и они охватывают период от 12 до 31¹⁴. Можно предположить, что это указаны числа месяца. На основании этого, а также того, что экспедиции, как писал сам Е.А. Ащепков «проводились в основном в летнее время, свободное от работы в институте»¹⁵, можно сделать осторожный вывод, что это указаны дни экспедиции. Напротив числа 22 мелким почерком подписано «вторник». Если посмотреть по календарю, то в 1944 г. в летние месяцы вторник выпадал на 22 августа, а в 1938 г. он не выпадал на вторник ни одного из летних месяцев. Август также подходит и по количеству дней – 31.

Кроме того, на последней странице блокнота экспедиции есть запись: «Ленинград 53 п/я 580т Юдину Михаил Андреевич».

Именно эта запись почтового адреса позволяет установить год экспедиции – 1944-й. Для понимания научной логики авторов настоящей статьи необходимо учитывать, что Михаил Андреевич Юдин – архитектор и известный исследователь промышленного зодчества Сибири, в том числе Алтая¹⁶, в 1935–1940 гг. учился на архитектурном факультете Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева, который окончил с отличием [Егорова, 2009, с. 113]. Именно тогда, как мы предполагаем, он и познакомился с Евгением Андреевичем Ащепковым, который в это время (1936 г.) его заканчивал, а в 1938 г. поступил туда же в аспирантуру и начал работать в должности ассистента¹⁷. В 1940–1941 гг. Михаил Андреевич трудился инженером-проектировщиком в г. Златоусте и г. Новосибирске [Егорова, 2009, с. 113].

Для использования почтового адреса М.А. Юдина в целях определения времени полевых исследований Е.А. Ащепкова необходимо реконструировать ряд фактов из биографии архитектора М.А. Юдина, который 23 июня 1941 г. был призван в ряды действующей армии¹⁸. В середине 1944 г. в звании подполковника он командовал 394-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком, который в июне перебросили на Ленинградский фронт¹⁹, а 30 июня

1944 г. был тяжело ранен, награжден орденом Красного Знамени²⁰. С декабря 1945 г. по 1968 г. Михаил Андреевич работал в Новосибирском инженерно-строительном институте им. В.В. Куйбышева. Впоследствии он заведовал кафедрой архитектуры промышленных и сельскохозяйственных сооружений и зданий.

Возвращаясь к записи адреса и его использованию для установления времени проведения Каменской экспедиции Е.А. Ащепкова, следует отметить, что указанный почтовый ящик (п/я 580) с разными литерами использовался несколькими воинскими частями и одним из военных госпиталей²¹. На сайте «Память народа 1941–1945 гг.» можно найти документы, посвященные службе М.А. Юдина в годы Великой Отечественной войны. Из них следует, что после ранения он 4 июля 1944 г. из сортировочного эвакогоспиталя (СЭГ) № 1170 выбыл в эвакогоспиталь (ЭГ) № 1015²². Оба этих эвакогоспиталя находились в Ленинграде. В частности, СЭГ № 1170 располагался на территории Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в здании Православной духовной академии (наб. Обводного канала, д.17)²³, а ЭГ № 1015 – в здании, которое сейчас занимает Научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта РАМН (Менделеевская линия, д. 3)²⁴. Как следует из документов, на излечении в ЭГ № 1015 М.А. Юдин находился до 15.10.1944 г., после чего выбыл в тот же 394-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк²⁵. Таким образом, эту запись в блокноте Евгений Андреевич мог оставить только в период между июлем и октябрём 1944 г., так как именно в данное время Михаил Андреевич Юдин находился в Ленинграде на излечении и именно этот его адрес был актуален.

Косвенным свидетельством датировки Каменской экспедиции в 1944 г. может быть то, что в этом же блокноте перед началом зарисовок из данной экс-

¹⁴ ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 100. Л. 1.

¹⁶ В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Особенности промышленного зодчества в Сибири в XVIII–XIX вв.».

¹⁷ ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

¹⁸ Юдин Михаил Андреевич (1910–1988) // Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altairregion22.ru/authorities/culture/yudin-mihail-andreevich-19101988/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁹ 394-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк // Танковый фронт. URL: <http://tankfront.ru/ussr/sap/gvsap394t.html> (дата обращения: 15.02.2022).

²⁰ Юдин Михаил Андреевич (1910–1988) // Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altairregion22.ru/authorities/culture/yudin-mihail-andreevich-19101988/> (дата обращения: 15.02.2022); см. также: Юдин Михаил Андреевич // Память народа: Подлинные документы о Второй мировой войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie_43056402/ (дата обращения: 15.02.2022).

²¹ Номера почтовых ящиков шестой сотни (от п/я 500 до п/я 599) // Форум Поискных Движений. URL: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=99737.80> (дата обращения: 15.02.2022).

²² Юдин Михаил Андреевич // Память народа...

²³ Дислокация госпиталей в 1941–1945 // Военно-исторический форум Military. URL: <https://istorya.pro/disllokatsiya-gospitaley-v-1941-1945-t.html>

²⁴ Мемориальная доска в здании, где работал эвакогоспиталь // Книга Памяти Северо-Западного федерального округа. URL: <https://memgid.ru/object/2169> (дата обращения: 15.02.2022).

²⁵ Юдин Михаил Андреевич // Память народа...

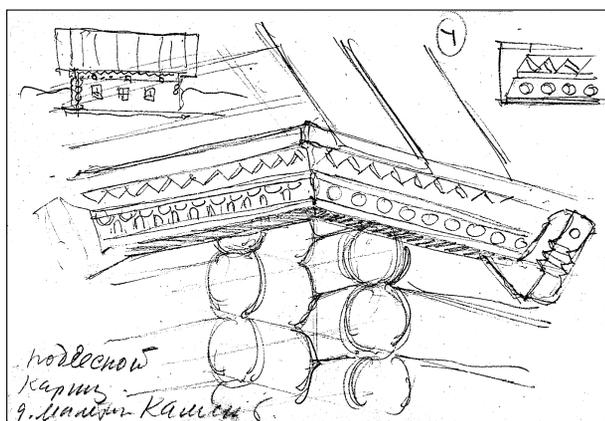

Рис. 1. Зарисовка подвесного карниза в с. Малетино Каменского района Алтайского края из экспедиционного дневника обследования деревянного зодчества (ГАНУ. Ф.Р-2102. Оп. 1. Д. 85. Л. 10).

Fig. 1. The sketch hanging cornice in Maletino village, Kamensky District, Altai Region, in the expedition diary of examining folk wooden architecture. NRSA. Fund -2102. List 1. Case 85. Sheet 10.

педиции имеются проекты разных вариантов обложки будущей книги с названием «Русское народное зодчество в Сибири»²⁶. Логично предположить, что идеи написания книги, скорее всего, появились в начале 1944 г. после выступлений Е.А. Ащепкова в Москве на заседании Академии архитектуры СССР (14 февраля 1944 г.), где обсуждались результаты его экспедиции в Рудный Алтай. Прделанная Е.А. Ащепковым работа получила всемерную поддержку со стороны Академии²⁷. В связи с этим логично заметить, что после защиты кандидатской диссертации и получения поддержки следующим этапом должно было бы стать издание обобщающей монографии, а не в 1938 г., когда он был только аспирантом первого года обучения.

Имеющиеся материалы, прежде всего заметки и зарисовки из экспедиционного блокнота Е.А. Ащепкова, содержат отрывки его маршрутов и полевые зарисовки, которые позволяют говорить, что на территории современного Каменского района он работал в селах Малетино, Ключи, Столбово, Аллак, а также в г. Камне-на-Оби. В экспедиционном блокноте есть зарисовки маршрутов из с. Малетино через Ключи и Столбовую в Аллак, а также из д. Столбовой в Аллак с пометками по километражу, а также основными перекрестками и ответвлениями²⁸.

Очередность зарисовок объектов позволяет восстановить часть маршрута экспедиции: д. Малетино – д. Ключи – д. Столбовая – д. Аллак. В частности,

в экспедиционном блокноте имеются рисунки подвесного карниза, карнизных досок в с. Малетино (рис. 1), чертеж старого дома с отдельной отрисовкой венцов, стыков бревен, стяжки бревен, рисунок карниза и трех разных калиток в д. Ключи. В с. Аллак сделаны черно-белая зарисовка наличника старой избы, наброски чертежа наружной двери и наличника с указанием цветов для дальнейшего раскрашивания. По этому же селу сделаны зарисовки причелин. Всего в блокноте из данной экспедиции имеется 34 зарисовки²⁹.

Основными методами исследования и фиксации информации во время экспедиции в Каменский район Алтайского края являлись черно-белая карандашная зарисовка, а также фотографирование. Е.А. Ащепков с нескольких ракурсов фотографировал дома и делал зарисовки их элементов. Прежде всего, он фиксировал дома с интересными архитектурными элементами (чаще всего с наличниками) или жилища с традиционной планировкой (например, дома-связи, изба клетью, двойные дома и т.п.).

Реже Е.А. Ащепков использовал в данной экспедиции чертежи домов и прорисовки с указанием цвета. Чертежи домов сделаны только для самых интересных экземпляров (например, двойной дом Малетина в д. Малетино³⁰). Прорисовки с указанием цвета делаются в блокноте для нескольких наличников, но они остаются неопубликованными. В итоге до монографии из этой экспедиции в цвете доходят только роспись печи в д. Ключи и наличника в д. Соколово. Необходимо отметить, что в отличие от экспедиции в Рудный Алтай, в исследованиях на территории Каменского района Е.А. Ащепков не выполнил чертеж общего плана исследуемых сел.

Тщательность исследователя способствовала фиксации поликультурной информации, что позволяет использовать ее специалистами разных социогуманитарных профилей, особенно этнографами, искусствоведами, культурологами и др. Профессиональные навыки архитектора являются преимуществами всего наследия Е.А. Ащепкова по народному зодчеству. В альбоме «Материалы по зодчеству в Западной Сибири», который является приложением к докторской диссертации 1946 г., фотографии изб сопровождаются чертежами их отдельных элементов. Например, фотография двойной избы связью в с. Ключи Каменского района снабжена чертежом устройства ее подвесного карниза³¹. В д. Малетино Каменского района к фотографии приложен чертеж карниза старой избы, устроенный на «остатках» верхних венцов, и наличники окон, украшенные выпилкой и резь-

²⁶ ГАНУ. Ф.Р-2102. Оп. 1. Д. 85. Л. 7–8.

²⁷ Там же. Д. 100. Л. 7.

²⁸ Там же. Д. 85. Л. 1, 13 об.

²⁹ ГАНУ. Ф.Р-2102. Оп. 1. Д. 85. Л. 9–13, 14–19.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 24, 25.

³¹ Там же. Л. 17.

бой³². А в с. Соколово к фотографии крестовой избы сделана зарисовка цветной акварелью наличника окна с указанием масштаба³³.

Архивные материалы, содержащие этнографический контент, включают традиционные объекты полевых исследований, начиная от фотофиксации общих видов населенных пунктов Каменского района с характеристикой тех местностей, которые их окружают. Общие виды сел приведены в первой части альбома «Материалы по зодчеству в Западной Сибири». Здесь имеются фотографии окрестностей и дороги в д. Аллак³⁴, улиц с. Малетино и Ключи³⁵ Каменского района.

А во второй части этого альбома, посвященной избам Алтая, размещены фотографии и чертежи отдельных элементов изб данных населенных пунктов³⁶. Интересными являются фотографии с разных ракурсов, а также план избы «двойного дома М. Малетина» с кратким описанием его ориентировки, планировки и использования разных частей из с. Малетино. При этом в критериях отбора искусствоведческая ценность часто перекрывалась этнографичностью памятника архитектуры. Этому способствовало и внимание архитектора к памятникам старины. В частности, среди общих видов с. Соколово и его окрестностей по р. Оби размещены фотографии самого старого строения в селе – избы клетью с чертежом ее карнизной доски³⁷. В с. Дресвянка была сделана фотография пятистенного дома, оформленного выпиловочным фризом с чертежами наличника и фриза³⁸. В альбоме также представлены три фотографии наличников окон из «д. Камень»³⁹. Учитывая карту экспедиционных обследований, которую Е.А. Ащепков приводит в своей монографии, нужно полагать, что имеется в виду современный город Камень-на-Оби, который до 1933 г. назывался Камень и так же именуется на его карте [Ащепков, 1950, с. 9].

Всего по Каменской экспедиции в альбоме представлено 20 фотографий и 9 зарисовок (рис. 2).

Часть новых материалов Каменской экспедиции использована Е.А. Ащепковым в неопубликованной статье «Народное зодчество в некоторых районах Алтая. Материалы экспедиции». Среди них фотографии старой избы клетью Чумакова в с. Соколово, избы клетью с «братинной» в д. Ключи, и карандашная зарисовка оформления двора скворечниками в д. Малетино (рис. 3). При выборе объектов для фиксации архитектор использует либо архаичные маркеры кре-

стьянской культуры, например, окна с глубинной резьбой ставней и наличники с лобанью, обработанной на мотив «солнышка с лучами» в д. Камень (Камень-на-Оби). Иногда фиксируются памятники архитектуры, которые являются типичными для данного населенного пункта или отражают сформировавшийся локальный вариант. Например, Е.А. Ащепковым приводится как типичный для Каменского района чертеж интерьера избы Малетина в с. Малетино с масштабом. Всего в приложении к этой статье имеется 8 фотографий и 5 зарисовок из рассматриваемой экспедиции⁴⁰. Но в отличие от проанализированных в статье памятников архитектуры по материалам экспедиции в Южный Алтай в 1943 г., полевые материалы Каменского района за 1944 год не проанализированы Е.А. Ащепковым. Автор ограничился их публикацией в виде приложения к статье. Возможно, предполагался их последующий разбор.

Наконец, материалы экспедиции в Каменский район Алтайского края, кроме альбома «Материалы по зодчеству в Западной Сибири» и упомянутой выше неопубликованной статьи «Народное зодчество в некоторых районах Алтая», сохранились в отдельных делах личного фонда Е.А. Ащепкова. Среди них рисунки калитки в огороде из переулка в д. Аллак⁴¹ (которая будет впоследствии опубликована в монографии), черно-белые зарисовки калиток, черновики для цветного рисунка росписи печи из д. Ключи, зарисовки подвесного карниза из д. Малетино и Соколово, а также цветной рисунок наличника окна из д. Соколово⁴². Также имеются фотографии двойного дома М. Малетина (д. Малетино), старой избы клетью Чумакова (д. Соколово)⁴³. Всего в этих делах сохранилось 16 черно-белых и цветных зарисовок и также 2 фотографии.

Значительный материал из данной экспедиции был использован Е.А. Ащепковым в его монографии «Русское народное зодчество в Западной Сибири». В нее включены фотографии, зарисовки, чертежи улиц, домов, строений, отдельных архитектурных элементов построек, схемы планировок усадеб, сел. Ключи, Малетино, Аллак, Соколово, а также г. Камень [Ащепков, 1950, с. 25, 31, 56, 76, 87, 114, 119–120]. Всего в монографии использовано 6 фотографий и 6 зарисовок из экспедиции в Каменский район Алтайского края. При этом ряд использованных материалов не имеют исходных черновики в фонде Е.А. Ащепкова; это свидетельствует о том, что не все первичные полевые материалы могли сохраниться в его личном фонде.

³² ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 5. Л. 24–25, 27 об, 37.

³³ Там же. Л. 5 об., 12, 20 об.

³⁴ Там же. Л. 5 об.

³⁵ Там же. Л. 8 об.

³⁶ Там же. Л. 17, 24–25, 27 об, 37.

³⁷ Там же. Л. 5 об., 12, 20 об.

³⁸ Там же. Л. 29 об.

³⁹ Там же. Л. 37 об.

⁴⁰ ГАНО. Ф.Р.-2102. Оп. 1. Д. 102. Л. 68, 69, 75, 82, 87, 101, 102

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 43. Л. 1–3, 7–9.

⁴³ Там же. Д. 102. Фото 4–5.

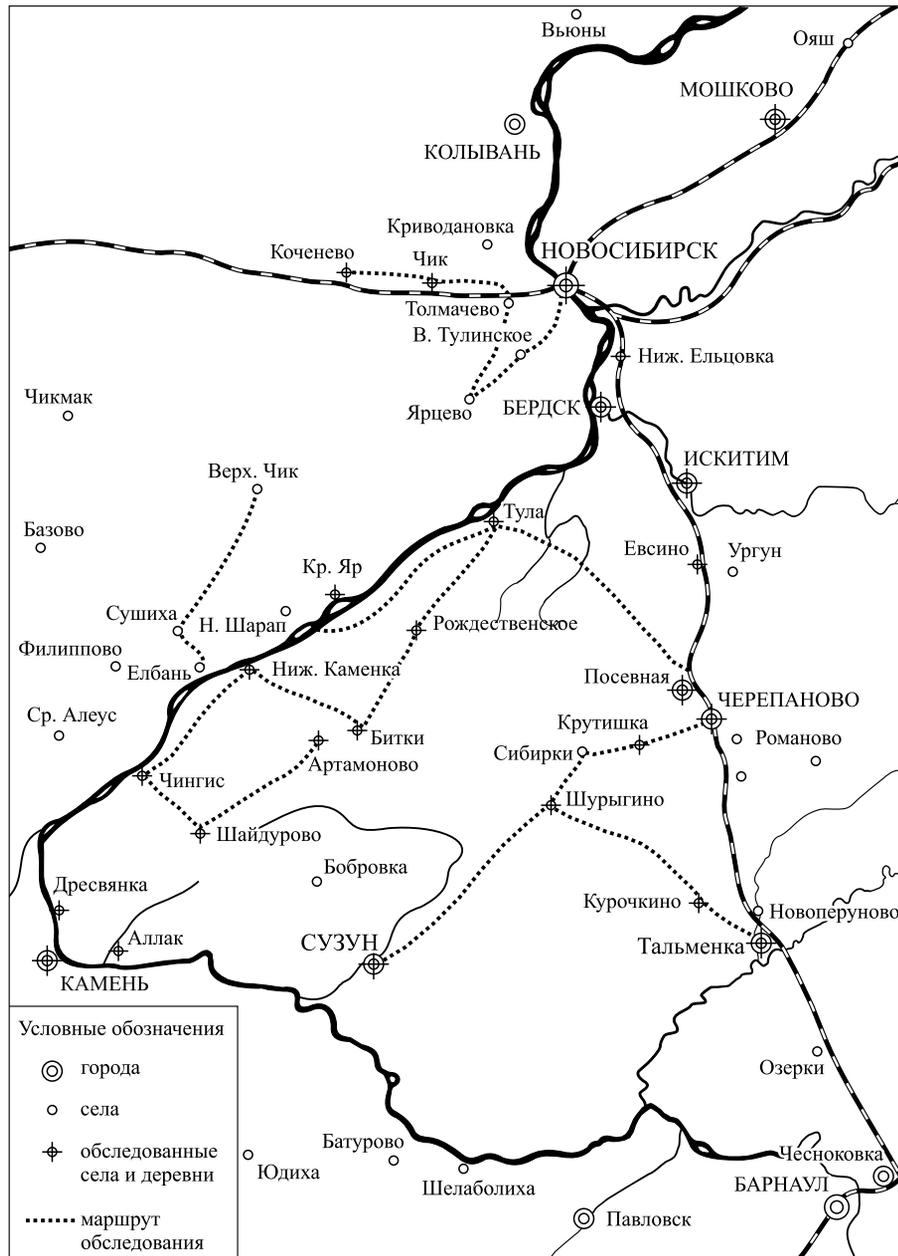

Рис. 2. Схематическая карта маршрута обследования южных районов Новосибирской области // Ашепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950. С. 9.

Fig. 2. The schematic map of the routes of southern Novosibirsk Region investigation // Ashchepkov E.A. Russian folk architecture in West Siberia. Moscow: USSR Architecture Acad. Publ., 1950. P. 9.

Рис. 3. Зарисовка оформления двора скворешниками в д. Малетино Каменского района Алтайского края из неопубликованной статьи Е.А. Ащепкова «Народное зодчество в некоторых районах Алтая. Материалы экспедиции» (ГАНУ. Ф.Р-2102. Оп. 1. Д. 102. Л. 102).

Fig. 3. A sketch of decorating a yard with birdhouses in Maletino village, Kamensky District, Altai Region, in Ashchepkov's unpublished article «Folk architecture in some areas of Altai. Expedition materials». NRSA. Fund -2102. List 1. Case 102. Sheet 102.

Рис. 4. Зарисовка росписи печи в д. Ключи Каменского района Алтайского края (ГАНУ. Ф.Р-2102. Оп. 2. Д. 43. Л. 3).

Fig. 4. A sketch of heater painting in Klyuchi village, Kamensky District, Altai Region. NRSA. Fund -2102. List 2. Case 43. Sheet 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом проведенное исследование позволило не только частично реконструировать ход экспедиции Е.А. Ащепкова в Каменский район Алтайского края, но и выявить неопубликованные материалы, которые позволяют существенно расширить

представление о традициях крестьянского зодчества в лесостепной зоне Каменского Приобья, прежде всего такой группы, как «чалдоны». В совокупности они могут служить источниками для изучения традиций русского старожильческого населения Алтая, особенно при написании обобщающих этнографических исследований по этнотерриториальным группам рус-

ских Алтая и Сибири в целом. Перспективной является и возможность сравнить застройку, планировку сел, архитектуры и убранства усадеб русских крестьян Каменского Приобья, Рудного Алтая и Бухтармы. Материалы экспедиций на сопредельных с Алтайским краем территориях позволяют выйти на сравнительный уровень локальных вариантов культуры русских сибиряков в разных географических и этнокультурных условиях. В итоге использование методов реконструкции и биографического метода с привлечением источников, касающихся различных сторон жизни Е.А. Ащепкова и его коллеги М.А. Юдина, позволило установить более точное время проведения экспедиции – август 1944 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М.О. Обзор личного фонда Е.А. Ащепкова // Новосибирском связанные судьбы. Тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области. Новосибирск, 2014. С. 649–658.
2. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 140 с.
3. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 279 с.
4. Ащепков Е.А. Особенности развития архитектуры народного жилища в Сибири. М.: Наука, 1964. 8 с.
5. Гаркуша Д.Д., Филонов С.В. Характеристика персонального архива Е.А. Ащепкова в собрании МИАС им. С.Н. Баландина // Баландинские чтения. 2017. Т. XII. С. 153–163.
6. Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск: Наука, 1992. 117 с.
7. Егорова Е.Д. 100 лет со дня рождения архитектора М.А. Юдина (1910–?) // Алтайский край, 2010 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: ПринтЭкспресс, 2009. С. 113–114.
8. Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. «Китайский след» в творчестве Е.А. Ащепкова // Баландинские чтения: сб. стат. VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 2014. С. 286–291.
9. Майничева А.Ю., Рудая И.М. Наследие Е.А. Ащепкова: Фотографии построек верхоленских сел (1970-е гг.) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 58–60.
10. Некрасова Т.П. 100 лет со дня рождения архитектора, исследователя и педагога, заслуженного архитектора РСФСР Ащепкова Евгения Андреевича // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2007 год. Новосибирск: Новосибир. гос. обл. науч. б-ка, 2006. С. 67–69.
11. Рыков А.В. Материалы личного фонда архитектора Е.А. Ащепкова как источник по изучению этнографических исследований Алтайского региона // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 138.
12. Слабуха А.В. Е.А. Ащепков: «Красноярск – один из значительных и интересных в архитектурном отношении городов Сибири» (о проекте ненаписанной книги) // Баландинские чтения. 2016. Т. XI. С. 225–227.
13. Туманик А.Г. Ащепков Евгений Андреевич // Историческая энциклопедия Сибири. в 3 т. / гл. ред.: В.А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 1: А-И. С. 150.
14. Щеглова Т.К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. / отв. ред. И.В. Октябрьская, С.В. Соболева, Л.И. Шерстова. Новосибирск, 2005. С. 111–124.

REFERENSES

1. Akishin M.O. (2014). Overview of the personal fond of E.A. Ashchepkova. *Novosibirskom svyazannye sud'by. Tematicheskij putevoditel' po dokumentam lichnogo kharaktera, fondam lichnogo proiskhozhdeniya i kollektivnykh Gosudarstvennogo arkhiva Novosibirskoy oblasti*. Novosibirsk, pp. 649–658. (In Russ.)
2. Ashchepkov E.A. (1964). Features of Russian folk architecture development in Siberia. Moscow, Nauka, 176 p. (In Russ.)
3. Ashchepkov E.A. (1953). Russian folk architecture in East Siberia. Moscow, Gos. izd-vo lit. po str-vu i arkhitekture, 279 p. (In Russ.)
4. Ashchepkov E.A. (1950). Russian folk architecture in West Siberia. Moscow, Izd-vo Akad. Arkhitektury SSSR, 140 p. (In Russ.)
5. Garkusha D.D., Filonov S.V. (2017). Characteristics of E.A. Ashchepkov's personal archive in the collection of S.N. Balandin MIAB. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, vol. 12, pp. 153–163. (In Russ.)
6. Dolnakov A.P. (1992). Siberian Architect E.A. Ashchepkov. Novosibirsk, Nauka, 117 p. (In Russ.)
7. Egorova E.D. (2009). 100th anniversary of Architect M.A. Yudin birth (1910–?). *Altayskiy kray, 2010 g.: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat*. Barnaul, pp. 113–114. (In Russ.)
8. Komissarov S.A., Azarenko Yu.A. (2014) "Chinese trace" in E.A. Ashchepkov's work. *Balandinskie chteniya: sbornik statey VIII nauchnykh chteniy pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk, pp. 286–291. (In Russ.)
9. Maynichcheva A.Yu., Rudaya I.M. (2008). E.A. Ashchepkov's heritage: photos of buildings in Verkholensk villages (1970s). *Vremya i kul'tura v arkhheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii: materialy Zapadnosibirskoy arkhheologo-etnograficheskoy konferentsii*. Tomsk, pp. 58–60. (In Russ.)
10. Nekrasova T.P. (2006). 100th anniversary of RSFSR Honored Architect Evgeny Andreevich Ashchepkov, an architect, researcher and teacher. *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat po Novosibirskoy oblasti, 2007 god*. Novosibirsk, pp. 67–69. (In Russ.)
11. Rykov A.V. (2021). Materials of Architect E.A. Ashchepkov's personal fond as a source to study ethnographic investigations in Altai Region. *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov (Tomsk, 6–9 iyulya 2021 g.)*. Moscow, Tomsk, p. 138. (In Russ.)
12. Slabukha A.V. (2016). E.A. Ashchepkov: "Krasnoyarsk is a significant and architecturally interesting city of Siberia" (on an unwritten book project). *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, vol. 11, pp. 225–227. (In Russ.)
13. Tumanik A.G. (2010). Ashchepkov Evgeny Andreevich. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, vol. 1, p. 150. (In Russ.)
14. Shcheglova T.K. (2005). Russian population of Altai Region: ethno-cultural diversity and identity. *Narody Evrazii: etnos, etnicheskoe samosoznanie, etnichnost': problemy formirovaniya i transformatsii*. Novosibirsk, pp. 111–124. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2022

Дата рецензирования 17.04.2022

Статья принята к публикации 05.05.2022

DOI: 10.15372/HSS20220202

УДК 39(571.54)

А.А. БАДМАЕВ

ОБРАЗ ХОРЬКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТИнститут археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Статья посвящена характеристике образа хорька в традиционной культуре бурят. В задачи исследования входят: общая характеристика хорька в культуре бурят; выяснение роли образа животного, его символики в мифологических воззрениях и традиционной обрядности бурят. Используются различные методы исследования, в том числе сравнительно-сопоставительный. Анализ показывает, что в традиционной культуре бурят образ хорька несет неоднозначную коннотацию. В бурятской лексике и фольклоре выделяется в основном негативная характеристика данного хищника (хтоническая природа, связанный с ним мотив оборотничества и др.). Вместе с тем в традиционной шаманской обрядности бурят имеет место положительная коннотация образа хорька, проявляющаяся в придании ему сакральных черт. Буряты приписывают хорьковым фетишам функцию духа-помощника шамана, проводника в иные миры. В бурятской семейной обрядности они выступают оберегом для членов семьи, прежде всего для детей, они также наделяются лечебной функцией.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, хорек, фольклор.

А.А. BADMAEV

FERRET IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The work objective is to characterize the image of the ferret in the Buryat traditional culture. Its novelty is determined by the lack of research on this topic in Russian ethnography. The study is based on written and field sources and carried out with a structural-semiotic and comparative methods.

The paper's first section provides a general description of the ferret image in the Buryat traditional culture. It shows this animal's place in the folk zooclassification, reveals its utilitarian use. Lexical data from languages of Buryat and northern Inner Asia peoples indicate the general Mongolian origin of the Buryat names of the ferret. The article pays attention to the edibility criterion of this animal; notes that the Buryat vocabulary and folklore reflect the ferret's main biological characteristics.

The work's second section examines the ferret image in the Buryat folklore and rituals. There is an interchangeability of the images of the ferret and Siberian weasel in the Buryat epic. The ferret is associated with the motif of werewolf, which manifests itself in the plot of the cultural hero's successive reincarnation into different representatives of the marten family. In general, a predominantly negative connotation of this predatory animal is revealed in the Buryat vocabulary and folklore.

This animal's positive connotation, its sacralization can be traced in the Buryat traditional shamanic rituals. Ferret fetishes are credited with a function of a shaman's assistant spirit, a guide to other worlds. In the Buryat family ritual they act as a talisman for family members, primarily for children, they are also endowed with a therapeutic function.

The author concludes that the ferret image has an ambiguous characteristics in the traditional Buryat culture.

Key words: Buryats, traditional worldview, shamanism, ferret, folklore.

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Андрей Андреевич Бадмаев – д-р ист. наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: badmaeva@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>.

Andrew A. Badmaev – Doctor of History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Среди диких животных, образы которых встречаются в традиционном мировоззрении народов Евразии, выделяются представители семейства куньих. Образы этих мелких хищных животных, например у славян, присутствуют в их представлениях о доме и скоте, демонологии, содержатся в обрядовой и вербальной системах и т.п. При этом данные зверьки наделяются разнообразной символикой (хтонической, женской, брачной, эротической и др.) [Гура, 1997]. К семейству куньих принадлежат хорьки, с которыми ассоциируется определенный круг представлений.

Для традиционного мировоззрения бурят образ хорька тоже характерен, однако в бурятской этнографии он до сих пор остается нераскрытым. Целью настоящей работы является характеристика образа хорька в традиционной культуре бурят.

В исследовании привлекались различные виды источников (лингвистические, фольклорные, этнографические), включая полевые материалы автора. При этом основными являются этнографо-фольклорные сведения, собранные отечественными исследователями (Н.Н. Агапитовым, Г.Н. Потаниным, М.Н. Хангаловым и др.). Лексический материал представлен данными из двуязычных национальных словарей, прежде всего двухтомного академического словаря бурятского языка «Буряад-ород толи» [2010]. В статье применяются различные методы исследования, включая сравнительно-сопоставительный метод.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОРЬКА
В КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Хотя в Байкальском регионе обитают такие виды хорьков, как колонок (сибирский колонок) (*Mustela sibirica*), степной (светлый) хорек (*Mustela eversmanii* Lesson), горноста́й (*Mustela ermine*), ласка (*Mustela nivalis*) и солонгой (сусленник) (*Mustela altaica*), но в фольклоре и обрядности бурят образ хорька связан лишь с первыми двумя видами.

Включение образа хорька в мифологические представления и традиционную обрядность диктовалось утилитарной пользой данного животного, ценившегося за свой мех. Он, по этнической зооклассификации бурят, входит в группу *уһэлиг ан гуроол* ‘пушистые звери’, которые являются объектом охотничьего промысла. Правда, в отличие от белки и соболя, на хорька не устраивали специальную охоту. При выборе пушного сырья для изготовления элементов одежды предпочтение отдавалось меху лесного хорька. Буряты выбирали также мех колонка, из которого шили мужские головные уборы.

По критерию съедобности хорька относили к числу «нечистых» животных, употребление мяса которых строго запрещалось. Первое упоминание об

этом обнаруживается в сочинении Г.Ф. Миллера [2009, с. 256]. Пищевое избегание мяса этого хищного зверька обуславливалось не только его качествами, но также и сложившимися народными воззрениями о самом животном. Вероятно, такой запрет имел архаичные тотемистические корни. В пользу этого свидетельствует, в частности, существование у хоринских бурят фамилии Куныров, производной от мужского имени Хунери [Митрошкина, 1987, с. 82].

Анализ лексического материала указывает на параллельное использование в языке бурят двух обозначений хорька: *хунери* ‘куница, хорек’ и *һолонго* ‘колонок, хорек’. Причем последнее название следует признать основным, так как с ним связывается дифференциация животного: по половому признаку на *азарга һолонго* ‘хорь’, *улэгшэн һолонго* ‘хорек (самка)»; по месту обитания – *боролжын һолонго* ‘кустарниковый хорек’, *һолой һолонго* ‘степной хорек’, *ойн* (или *хубшын*) *һолонго* ‘лесной (таежный) хорек»; по окрасу меха – *хара һолонго* ‘черный колонок’ (осторожно предположим, что речь идет о черном (лесном) хорьке (*Mustela putorius*), но зоологи считают, что его ареал лежит намного западнее), *шара һолонго* (*һолой һолонго*) ‘желтый хорек’ [Буряад-ород толи, 2010, с. 558–559].

Языковые материалы по другим народам севера Центральной Азии указывают на единый монгольский генезис этого наименования хищного животного: у хамниганов – *солонго* ‘колонок, хорек’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 253]; у монголов – *солонго* ‘колонок, желтый хорек’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 821]; у дагуров – *соолге* ‘хорек’ [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 143]; у дербетов – *солонга* ‘колонок’ [Потанин, 1881, с. 140]; у тувинцев – *солонго* ‘колонок’, у дархатов – *солонго* ‘колонок’ [Потанин, 1883, с. 160]. Как видно, у указанных выше народов, за исключением дагуров, данное название ассоциируется главным образом с колонком.

Сравнение со сведениями из других языков приводит на мысль об общемонгольском происхождении и слова *хунери*: у хамниганов – *кунэрэ* ‘хорек’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 185]; у монголов – *хурнэ* ‘хорек’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 1432]; у калмыков – *курн* ‘хорек’ [Русско-калмыцкий словарь, 1964, с. 761; Хальмг-орс толь, 1977, с. 328]; у дербетов – *курня* ‘хорек’, у котов – *курня* ‘хорек’ [Потанин, 1881, с. 140].

Приведенный лексический материал дает примеры общих названий для представителей разных видов куньих (хорька и куницы, хорька и колонка). В первую очередь, это свидетельство того, что в традиционном мировоззрении бурят один зооморфный

образ мог объединять близкие виды животных. В определенной степени это обусловлено и тем, что в природе наблюдается скрещивание кунных: так, в Байкальском регионе отмечаются случаи гибридизация колонка со степным хорьком.

В лексике и фольклоре бурят нашли отражение некоторые биологические признаки зверька. Например, в загадке нож, вложенный в ножны, уподобляется хорьку, проскальзывающему в нору: «Сделавшись человеком, мяса съел, сделавшись хорьком – в нору вошел» (нож в ножнах) [Базаров, 1903, с. 27]. Тот же образ ножа в ножнах повторяется и в калмыцкой загадке: *Курн кевтэ нукид орад, кун кевтэ мах идэд* 'входит в нору, как хорек, ест мясо, как человек' (нож с футляром) [Хальмг-орс толь, 1977, с. 328]. Тот факт, что в качестве убежища хорек нередко использует заброшенные норы, мог вызвать у бурят представление об его хтоническом происхождении.

Способность хорька выделять секрет в случае опасности нашла отражение в использовании применительно к нему соответствующего эпитета: *унэртэй хунери* 'вонючий хорек'. Обратившись к языкам других народов севера Центральной Азии, можно убедиться в распространенности данного выражения: у хамниганов – *унэртэй курэроор хубилдэжи* 'превратившись в хорька вонючего' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 185]; у монголов – *омхий хурнэ* 'хорек вонючий' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 1432]; у дербетов – *умукя курня* 'хорек вонючий' [Потанин, 1881, с. 140]; у тувинцев – *джидыг кырса, бозы джидек* 'вонючий рот' [Потанин, 1883, с. 160]. То же отмечается в языках славян, причем происхождение слова *хорь* ведется от праславянского *дхорь* 'хорь, первонач. вонючка, связано с *дух, дохнуть*' [Фасмер, 1987, с. 270]. Действительно, выделяемый зверьком запах напоминает трупное зловоние.

Еще одну физическую особенность хорька передает иносказание, используемое бурятскими охотниками во время промысла, *будуун хузуун* 'толстая шея, хорек'. Примечательно, что такое выражение употребляли охотники и у некоторых алтайских тюрков: у теленгитов – *кузэнь* 'толстая шея', у алтайцев – *бон моин* 'толстая шея' [Потанин, 1883, с. 160]. Данное обстоятельство позволяет говорить о былых этнокультурных контактах предков части бурят с тюрками Алтая.

ОБРАЗ ХОРЬКА В МИФОЛОГИИ, ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДНОСТИ БУРЯТ

Касаясь мифологических воззрений бурят о хорьке, укажем, что хорек в их фольклоре – редкий персонаж. Стоит констатировать, что в эпике обнаруживается взаимозаменяемость его образа образом колонка. Проиллюстрировать это можно фрагментом

из улигера «Мерген Цохондой с быстрым пестрым конем»:

Меня обмануть сумели
Женщины коварные.
Они сумели изловить
Душу мою, оборотившись
В **хорька** вонючего,
В сучку **колонка**» (выделено мною. – А.Б.).

[Жамцарано, 1982, с. 260].

Как видим, с данным зверьком был связан мотив оборотничества. В качестве иллюстрации этого можно привести еще отрывок из героического эпоса «Гэсэр»:

А след горностая вдруг исчез
И превратился в след колонка.
<...> И вот уж ни колонка, ни горностая нет,
Перед ней обыкновенный человеческий след.
<...> Смотрит она, не спуская глаз:
Унты, отряхивая от мокрого снега,
Запахавшись, как после быстрого бега,
Не горностай и не колонок, а Хан Хурмас.

[Гэсэр, 1986, с. 86–87].

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание сюжет последовательных перевоплощений героя по ходу действия в один, потом в другой вид хорька.

Отрицательная коннотация образа этого животного читается в народной примете, согласно которой, дурным предзнаменованием считали, если хорек поселится в зимнике [Потанин, 1883, с. 133]. Учитывая его хтоническую природу, буряты, вероятно, боялись его негативного воздействия на свою семью.

Образ хорька представлен в шаманской обрядности бурят: он связывается с фетишами-онгонами. При проведении шаманских обрядов было принято вывешивать наряду с другими онгонами (шкурами почитаемых животных, считавшихся духами-помощниками шамана) мех хорька и/или колонка. Так, в числе фетишей, именуемых *табан хушуута* 'с пятью мордами' (согласно космогоническому мифу, это дикие животные, бывшие при сотворении мира [Хангалов, 1960, с. 12]), фигурирует шкура хорька, обычно обвязанная желтыми нитками (вероятно, так акцентировали цвет волоса данного зверька) [Хангалов, 1958, с. 361]. Во время обряда посвящения шамана *хуурай* и обряда *угалга* 'мытьё' (ритуального очищения шамана) у предбайкальских бурят выставляли *Юнэн хушуута онгон* 'Онгон из девяти морд', среди шкур девяти диких животных, будто бы защищающих и помогающих шаману в его мистических путешествиях, была и шкура хорька (соответственно, располагаемая третьей в ряду). Причем у агинских бурят в обряде посвящения шамана *шанар* одновременно были представлены хорьковый и колонковый фетиши [Нацов, 1995, с. 81–82].

К одному из важных атрибутов шамана – *моринной хорьбо* ‘конской трости’ – привязывали помимо шкур горностая и белки шкуру хорька [Агапитов, Хангалов, 1883, с. 118]. Считалось, что «конская» трость обозначает восьминогую коня шамана, якобы переносившего его в разные миры, а духи животных должны сопровождать его в дороге, играя роль проводников в иной мир.

Кроме того, в ритуальный костюм шамана, в частности агинского, входила подвеска-амулет хорька [Жамцарано, 2001, с. 290], опять-таки символизирующая одного из его духов-помощников.

В семейной обрядности бурят образ хорька тоже увязывается с различными фетишами. Так, роль оберега для младенца выполняла шкурка хорька, привешиваемая к его колыбели [Потанин, 1883, с. 702]. Кроме того, в бурятском жилище находились онгоны, олицетворявшие духов-покровителей, в том числе умерших шаманов; они представляли собой шкуру хорька с украшениями.

Онгон *Нолонго эжин* ‘Хозяин хорька/колонка’, под другим названием известный как *Холонгото убгэн* ‘Старик с хорьком/колонком’, почитался у предбайкальских бурят, особенно у эхиритов, как дух шамана *Мэндэйн хубуун Эргэл буга* [Жамцарано, 2001, с. 74], иначе: *Эргэл буга тунхэ галзуу Мандахеева* ‘Редкий олень, мрачный, бешеный Мандахеев’, зятя шаманки *Хукиюгут* (от *хугиэн* ‘старуха’) [Потанин, 1883, с. 117]. К нему обращались, например, со следующими словами:

Шар тэнигир гэзиге шара холонго мена
Мандахэй кубун иргул бугэ тункэ галдзу
Куден голю хугохуга ушюта газыр худыл.

[Там же].

То же в нашей интерпретации:

*Шар тэнигэр гэзэгэ шара холонго мэнэ
Мандахай хубуун эргэл буга тунхэ галзуу
Худа гол хугохуга ушюта газар нуудал.*

Ровная коса, желтый хорек сейчас
Сын Мандахая, редкий олень, мрачный, бешеный
На реке Куде в местности Хугохуга ушюта живет.

(Перевод мой. – А.Б.).

Согласно одной из легенд, он родился от того, что семилетняя девочка проглотила небесную градинку [Зеленин, 1936, с. 281]. Заметим, что подобные сюжеты чудесного зачатия нередки в фольклоре степных народов Центральной Азии с древности и обычно объясняют легендарное рождение основателя государства или отдельного племени и рода.

В материалах Ц.Ж. Жамцарано также фиксируется версия божественного происхождения этого шамана: «Одна девушка забеременела от божества ... Хотя она не имела сношения с мужчиной, но родите-

ли оскорбились ее поведением... и когда надо было родить, крепко-накрепко заперев юрту, оставили ее одну. Некто Мэндэ из рода Ханьид был табунщиком у одного богача. Вдруг слышит крик и плач в юрте. Взобрался на юрту (деревянную), посмотрел – лежит девушка, всю ее раздуло. Она говорит: «Приди, ложись рядом, тогда я рожу». Мэндэ отворил двери и исполнил просьбу девушки. Божественный мальчик родился, ибо он ждал, чтоб был исполнен человеческий обычай» [2001, с. 74].

У кударинских бурят, потомков мигрантов из Предбайкалья, осевших в Восточном Прибайкалье, произошла трансформация биографии данного мифического персонажа, в частности, в их шаманском призывании изменены его имя и имя его отца, упоминается сын:

*Нолонгошо убгэн
Гэндэйн хубуун
Эргэн богдо Тулхэй галзуу
Барууни ерэн нашаа
Юэн ёдоогоо
Гурбан ёдоогоо
Тулхэйн хубуун Ухаандайда угоо
Ергоон ёдоогоо
Хандаган хундэ угоо
Хударайн бурядууд
Гушан модо хадхана
Гурбан хушуун болгоно». Старик [имеющий] колонка
Сын Гындына (Соболя),
Народный святой Тулхэй бешеный,
С запада пришедший сюда.
Девять посвящений.
Три посвящения.
Сыну Тулхэя Ухаандаю даны
Шесть посвящений,
Лосиный вес дан.
Кударинские буряты
Тридцать деревьев втыкают,
В третью [по счету] морду превращают.*

(Перевод мой. – А.Б.) (ПМА).

Последние две строки призыва содержат некоторые детали проведения обряда посвящения шамана данными бурятами: обычай вкапывать на месте обряда определенное число молодых березок и вешать на них третьим по счету хорьковый онгон. Примечательно также, что здесь воспроизводится известная в фольклоре бурят идея о старшинстве соболя (отца) по отношению к хорьку/колонку (сыну).

У бурят имелись локальные варианты такого фетиша, общей деталью которых являлась располагаемая посередине онгона небольшая антропоморфная фигурка из жести, которая олицетворяла собой духа-хозяина хорька. Как можно понять из описаний, приводимых в литературе, этот семейный пенат помещался в женской половине юрты над супружеской постелью или вешался с уличной стороны жилища

[Зеленин, 1936, с. 106]. Судя по его местоположению во внутреннем пространстве юрты, его ритуальным кормлением занималась хозяйка дома. Очевидно, что он наделялся охранительной функцией.

Другой фетиш *Уентэ хунеритэ* ‘С горностаем и хорьком’ или, согласно Г.Н. Потанину, *Шабаршин хойр хубут* (*Шабартай хоер хубууд*) ‘Злокозненные два парня’ (по смыслу вместо *хубууд* правильное писать *хухууд* ‘девочки’) [Потанин, 1883, с. 115]. Согласно легенде, некий шаман Мандай выжег оплавленным свинцом глаза своим дочерям Булхан и Мундхан в наказание за совершенный проступок; после смерти они стали зловредными духами, изводившими младенцев. Однажды пойманые приглашенным шаманом они обратились в горностаю и хорька, поэтому вошло в традицию использовать мех упомянутых зверьков при изготовлении данного фетиша [Баторов, Хороших, 1926, с. 9]. Функцией такого семейного пената являлась защита детей от нечистой силы. Этот онгон представлял собой вильчатую палку; к каждому концу ее развилки привязывали шкуру одного зверька – хорька или горностаю.

Между тем, по Г.Н. Потанину, дух-покровитель при жизни был рыболовом: «Ему брызгают, когда глаза болят. Жертву приносят рыбой, а за неимением ее – конским жиром» [Потанин, 1883, с. 115]. Отсюда можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с наложением двух различных историй появления этого онгона. Заметим, что функционально этот вариант фетиша отличается от рассмотренного ранее, так как ему приписывают исключительно лечебное свойство: полагали, что он помогает при глазных болезнях.

Его призывали, произнося следующее:

*Унын дыгыл уин
Забукты заян
Хошун дыгыл хуныри
Боло булынды бурхан боло.*

[Там же].

Жаркая шуба горностаю,
Занятой покровитель,
Двойная шуба хорька,
Божеством всех углов стал.

(Перевод мой. – А.Б.).

Фетиши подобного рода были известны у некоторых тюрков Южной Сибири (хакасов, тувинцев, шорцев), например, хакасским фетишам также вменялись лечебные свойства (исцеление от сердечных недугов и др.) [Бурнаков, 2020, с. 120–121].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что в бурятской культуре образ хорька имел неоднозначную характеристику. В лексике и фольклоре бурят выяв-

ляется преимущественно негативная коннотация этого хищного животного. Полагали, что хорек имеет хтоническую природу. Кроме того, с ним был связан мотив оборотничества, проявляющийся в сюжете последовательного перевоплощения культурного героя в разных представителей семейства куньих. В эпике бурят также отмечается взаимозаменяемость образов хорька и колонка.

Между тем в традиционной культуре бурят обнаруживаются вероятные следы локального тотемистического культа хорька, который, в частности, связан с отнесением его к категории «нечистых» животных.

Положительная коннотация образа хорька, его сакрализация прослеживается в традиционной шаманской обрядности бурят. Хорьковым фетишам приписывают функцию духа-помощника шамана, проводника в иные миры. В бурятской семейной обрядности они выступают оберегом для членов семьи, прежде всего для детей, их также наделяют лечебной силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агатитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск, 1883. 169 с.
2. Базаров Ш.Л. Пословицы агинских бурят // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1903. Т. 6, вып. 1. С. 21–39.
3. Баторов П.П., Хороших П.П. Материалы по народному скотолечению иркутских бурят. Иркутск, Власть труда. 1926, 13 с.
4. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
5. Бурнаков В.А. Фетиши – тесы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
6. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. II: О-Я. 708 с.
7. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
8. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. I. 288 с.
9. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 14: Этнографическая серия, вып. 3. 436 с.
10. Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
11. Жамцарано Ц.Ж. Улигеры ононских хамниган. Новосибирск: Наука, 1982. 274 с.
12. Краткий даурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
13. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
14. Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
15. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.

16. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1: Дневники путешествия. Материалы для физической географии и топографии Северо-Западной Монголии. 425 с.
17. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
18. Русско-калмыцкий словарь / под ред. И.К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1977. 768 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
20. Хальмг-орс толь. Калмыcko-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
21. Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
22. Хангалов М.Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
23. Хангалов М.Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.

REFERENCES

1. Agapitov N.N., Khangalov M.N. (1883). Materials to study shamanism in Siberia. Shamanism among the Buryats of Irkutsk Region. Irkutsk, 169 p. (In Russ.)
2. Batorov P.P., Khoroshikh P.P. (1926). Materials on folk cattle breeding of Irkutsk Buryats. Irkutsk, Vlast' truda, 13 p. (In Russ.)
3. Bazarov Sh.L. (1903). Proverbs of Agin Buryats. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 6, iss. 1, pp. 21–39. (In Russ.)
4. Burnakov V.A. (2020). Fetishes – tyos in the Khakass traditional worldview (the late XIX – mid XX centuries). Novosibirsk, IAET SB RAS, 188 p. (In Russ.)
5. Cheremisov K.M., Shagdarov L.D. (Comps.) (2010). Buryaad-oroḍ toli. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, vol. 2, 708 p. (In Buryat, Russ.)
6. Damdinov D.G., Sundueva E.V. (Eds.) (2015). Khamnigan-Russian dictionary. Irkutsk, Ottisk, 364 p. (In Hamnigan, Russ.)
7. Fasmer M. (Ed.) (1987). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, Progress, vol. 4, 864 p. (In Russ.)
8. Gobol E.-T.T., Tsybenov B.D. (Eds.) (2014). Short Dagur-Russian dictionary. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 236 p. (In Dagur, Russ.)
9. Gura A.V. (1997). The symbolism of animals in Slavic folk tradition. Moscow, Indrik, 912 p. (In Russ.)
10. Ilishkin I.K. (Ed.) (1964). Russian-Kalmyk dictionary. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 803 p. (In Kalmyk, Russ.)
11. Khangalov M.N. (1958). The collected works. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 1, 551 p. (In Russ.)
12. Khangalov M.N. (1960). The collected works. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 3, 421 p. (In Russ.)
13. Miller G.F. (2009). Description of the Siberian peoples. Moscow, 456 p. (In Russ.)
14. Mitroshkina A.G. (1987). The Buryat anthroponymy. Novosibirsk, Nauka, 222 p. (In Buryat., Russ.)
15. Naidakov V.Ts., Chagdurov S. (Eds.) (1986). Geser. Buryat national heroic epic. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 1, 288 p. (In Russ.)
16. Natsov G.-D. (1995). Materials on the Buryat history and culture. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 155 p. (In Russ.)
17. Muniev B.D. (Ed.) (1977). Khal'mg-ors tol'. Kalmyk-Russian dictionary. Moscow, Russian language, 768 p. (In Kalmyk, Russ.)
18. Potanin G.N. (1881). Essays on northwestern Mongolia. Saint Petersburg, iss. 1, 425 p. (In Russ.)
19. Potanin G.N. (1883). Essays on northwestern Mongolia. Saint Petersburg, iss. 4, 1026 p. (In Russ.)
20. Pyurbeev G.Ts. (Ed.) (2001–2002). Large academic Mongolian-Russian dictionary. Moscow, Academia, 2198 p. (In Mong, Russ.)
21. Zelenin D.K. (1936). The Ongon cult in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of Siberian peoples. Moscow, Leningrad, Institute of Anthropology, Archeology & Ethnography, 436 p. (In Russ.)
22. Zhamtsarano Ts.Zh. (1982). Tales of the Onon Hamnigan. Novosibirsk, Nauka, 274 p. (In Buryat, Russ.)
23. Zhamtsarano Ts.Zh. (2001). Travel diaries 1903–1907. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 382 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.03.2022

Дата рецензирования 01.04.2022

Статья принята к публикации 14.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220203

УДК 392.9(47)“19”

А.А. РУБЛЕВА

СТАРООБРЯДЦЫ ПРИТОМЬЯ: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XX в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

В статье обсуждаются причины сохранения староверами Притомья этнокультурной идентичности в XX в. на фоне размывания культурных границ между разными группами населения в данном регионе. Основным источником являются материалы интервью сельских жителей Притомья, чьи родственники были староверами. Этнографические данные показывают, что в первой половине XX в. сельские старообрядцы еще сохраняли традиционный уклад жизни: соблюдали религиозные запреты, жили большими патриархальными семьями и придерживались предписанного брачного поведения. Сохранение культурной идентичности группы стало возможным благодаря в значительной степени религиозным убеждениям, которые влияли на бытовую и культурную жизнь староверов. Потомки старообрядцев даже при утрате многих основных культурных маркеров группы во второй половине XX в. продолжали сохранять внешнюю идентичность, свой статус «быть кержаком» в условиях смешанного в конфессиональном отношении населения Притомья.

Ключевые слова: Притомье, вторая половина XX века, старообрядцы, кержаки, российские переселенцы, идентичность.

А.А. RUBLEVA

OLD BELIEVERS OF THE PRITOM'YE IN THE XX CENTURY: ON PRESERVING THE ETHNOCULTURAL IDENTITY

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The ethnographic expeditions took place in Pritom'e (Chebulinsky, Tyazhinsky, Mariinsky districts of Kemerovo Region) in 2018–2021, where the author managed to work with the descendants of the Old Believers (who called themselves Kerzhaks) retaining a stable cultural identity to this day. The article objective is to identify the stable identity reasons of the Old Believers in the XX century. The main source of research was the story by A. V. Lepshakova, born in 1955, a resident of Prokop'evo village, Tyazhinsky District, Kemerovo Region, whose maternal relatives were Old Believers. Besides, materials collected from informants, whose ancestors were Old Believers as well, were added. The author used the interview method (in-depth interview) and audio recording at the stage of field study. The methodology is based on an ethnocultural approach to understanding identity, where an important marker of the latter is the continuity of the cultural choice of a group united by a common memory, belief, common material and spiritual culture. The study applies descriptive and comparative-historical research method as well.

Old Believers of Prokop'evo village, despite the active processes of the family and social life transformation in the XX century, show the stability of cultural identity. The reason for this was the Old Believer's religious beliefs, which left their mark on the social and family way of life. Kerzhaks did not marry people of another faith, distanced themselves from the outside world (they settled in a separate village, then a separate street), were distinguished by household cleanliness and the long-term preserving a large patriarchal family. The policy of the Soviet leadership (attracting women to social and cultural activities, joint work of the Old Believers and Russian settlers on the collective farm, the younger generation mobility, etc.) led to the loss of cultural markers by the Old Believer's descendants and their mixing with Russian settlers through marriage. However, the descendants of the Old Believers (being such only through one parent) retained their identity under such conditions that should be explained by the prestige of the Old Believer identity in their families.

Key words: Pritom'e, second half of the XX century, Old Believers, Kerzhaks, Russian settlers, identity.

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Анастасия Анатольевна Рублева – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>.

Anastasia A. Rubleva – Research Engineer, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В 2018–2021 гг. состоялись этнографические экспедиции в Притомье – в Чебулинский, Тяжинский и Мариинский районы Кемеровской области, где удалось поработать с потомками старообрядцев. В ходе интервью информанты также называли старообрядцев кержаками. Как известно, кержаки – это одна из групп старообрядцев, чье происхождение связано с р. Керженец в Нижегородской области. На территории Сибири термин «кержак» применялся более широко – к группам старообрядцев разного происхождения [Фурсова, 2006, с. 433], поэтому далее в тексте термины «кержак», «старовер» и «старообрядец» будут использоваться как синонимы.

Согласно полевым материалам, этнокультурный состав населения Притомья является весьма разнообразным. Так, на одной территории в XX в. проживали потомки украинских, белорусских и российских переселенцев; представители старожильского населения Сибири – «чалдоны»; «ясачные» (потомки автохтонного населения Сибири, облагавшиеся налогом – ясаком); мордва, депортированные немцы и др. Этнокультурные группы, в разное время населявшие данный регион, в XX в. активно взаимодействовали друг с другом [Любимова, Рублева, 2019]. Все эти процессы, как показывают этнографические материалы, могли приводить либо к смене идентичности среди различных групп русского населения [Рублева, 2021, с. 831], либо к размыванию культурных границ и потере локальной этнокультурной и культурной идентичности. Так, значительная часть информантов, чьи предки были выходцами из различных российских губерний, уже в ходе интервью не могли вспомнить мест выхода своих предков и просто называли себя русскими. Особой группой, которая сегодня выделяется на общем фоне в плане сохранения идентичности, стала группа старообрядцев–кержаков, чьи культурные особенности позволяли им противопоставлять себя остальному населению Притомья, а также выделять себя в глазах представителей других этнокультурных групп.

Цель данного исследования – выявить причины устойчивой идентичности кержаков в XX в. Основу принятой нами методологии составляет культурное (или этнокультурное) понимание идентичности. Согласно этому представлению, «культурная идентичность маркирует принадлежность индивида к объединенной общими ценностями и культурными установками группе» и является смыслообразующим стержнем, организующим коллективную идентичность группы. Культурная идентичность утверждается через участие членов группы в общих культурных практиках, которые социально значимы для данной группы. В таком понимании идентичности важным

ее маркером выступает преемственность культурного выбора группы, которая объединена общей памятью, верованиями, общей материальной и духовной культурой. В рамках данного подхода определяющими признаками общности выступают те признаки, которые сама эта группа и выбирает [Семененко, 2017, с. 312]. На стадии полевых сборов использовался метод интервью (глубинного интервью) и аудиофиксация материалов. Кроме того, применялся дескриптивный и сравнительно-исторический методы исследования.

Главным источником в данном исследовании является сообщение жительницы д. Прокопьево Тяжинского района Кемеровской области, Лепшаковой Анны Владимировны (1955 г.р.), чьи родственники по материнской линии были старообрядцами, приехавшими из Прибалтики в начале XX в., а родственники по линии отца – российскими переселенцами. В ходе беседы Анна Владимировна рассказала о трех поколениях своей семьи: 1890-х, 1920-х, 1950-х годов рождения, по линии кержаков. Кроме того, в качестве сравнительных использовались материалы, собранные от информантов, которые в родословной имели староверов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Сибирские старообрядцы, являясь специфической культурной группой, нередко привлекали внимание исследователей. Изучением многообразия групп старообрядцев Сибири, их материальной и духовной жизни занимались такие сибирские исследователи, как П.Е. Бардина, Ф.Ф. Болонев, И.В. Куприянова, В.А. Липинская, Н.С. Мурашева, Л.Р. Фаттахова, Е.Ф. Фурсова, Н.И. Шитова и др. [Старообрядчество, 2011, с. 329–337]. Несмотря на значительное количество работ, вопрос о сохранении идентичности старообрядцев на сибирских полевых материалах является недостаточно изученным. Так, поднимая проблему идентичности староверов и ее сохранения, на основе сибирских этнографических материалов некоторые исследователи делают вывод о связи религиозной и культурной идентичности старообрядцев, что нашло отражение во внешнем виде старообрядцев, религиозных запретах и т.п. [Шитова, 2020, с. 167; Липинская, 1992, с. 217]. Проблему идентичности разных групп старообрядцев, в том числе ранее неизвестных в научном мире сибирских сообществ, а также их взаимоотношений между собой поднимает в своих трудах Е.Ф. Фурсова [1998, с. 494–496]. В контексте сохранения и трансформации культуры и идентичности старообрядцев интерес представляют работы зарубежных авторов [Морис, 1992, с. 17–22; Робсон, 1992, с. 27–33], описывающих группы старообрядцев зарубежья.

ИСТОРИЯ СТАРОВЕРОВ

Д. ПРОКОПЬЕВО ТЯЖИНСКОГО РАЙОНА

Старообрядцы д. Прокопьево приехали из Прибалтики в Сибирь в начале XX. В настоящее время не представляется возможным выяснить, к какому точно согласию принадлежала данная группа. Но учитывая, что старообрядцы д. Прокопьево имели свою церковь, можно отнести их к сторонникам поповского согласия. Информант отмечала, что кержаки приехали в Сибирь, спасаясь от раскулачивания, но д. Большая Бобровка, где изначально обосновались старообрядцы, была образована согласно «Списку населенных мест Сибирского края» в 1906 г. Эта дата совпадает с волной переселений староверов из западных губерний России (Белоруссии, Литвы, Латвии) на юг Западной Сибири в 1903–1907 гг. по причине малоземелья [Фурсова, 1998, с. 494].

Кержаки основали д. Бобровку в 12 км от д. Прокопьево, где построили церковь. Позднее в связи с политикой укрупнения колхозов Бобровка в 1950-е гг. была расформирована, и часть кержаков, в том числе дед Анны Владимировны – Иван Сущенко, вместе со всей его семьей, переехали в д. Прокопьево, где жили потомки российских переселенцев. Сумев договориться с председателем совхоза, староверы обустроились обособленно, целой улицей на краю деревни, получившей название по месту их выхода – «Бобровская».

БЫТ И НРАВЫ КЕРЖАКОВ Д. ПРОКОПЬЕВО

На основе сообщения Анны Владимировны были реконструированы быт и нравы староверов в XX в. Описывая кержаков, информанты всегда отмечают особенности их внешности. По их словам, кержаки носили бороды, обладали высоким ростом – «под два метра». Жительница д. Ключевая Тяжинского района, описывая своего родственника-кержака, отмечала: «У нас дядя был кержак. Всегда с бородой был, никогда не брился». Рослость и крепкое здоровье, как отличительные черты староверов, отмечают и другие исследователи [Болонев, 1998, с. 90].

Главной отличительной особенностью данной группы была их религиозность, приверженность старой вере: «Они соблюдали все каноны». Кержаки крестились двумя перстами, любой праздник, семейный или календарный, сопровождался молитвой, запрещалось употребление алкоголя. Молитва сопровождала приемы пищи староверов. Проживая в Бобровке, кержаки ходили на службу в храм. Грехом в кержацкой среде считалось работать в воскресный день. После закрытия храма дед Анны Владимировны в собственном доме оборудовал моленное место, куда были перенесены иконы из разрушенной кержацкой церкви.

Быт староверов поражал своеобразием. По воспоминаниям Анны Владимировны, кержаки никогда не покупали магазинного хлеба, а пекли его сами. Дома кержаков отличались стерильностью: «У них в доме до такой степени была стерильность! Вот вы знаете, ни одной соринки-пылинки». Дед имел отдельный рукомоиник, отдельную кадку с водой, отдельный шкаф с деревянной посудой. Внуки, приходя в дом деда, не смели пользоваться его посудой: «Не дай Бог подойдешь из кадки попьешь, все! Он и кадку выкинет, и ковш выкинет. Вот такой был». Зная эту особенность деда Ивана, Анна Владимировна, будучи ребенком, ради хулиганства специально могла поесть из его тарелки. После чего дед Иван выбрасывал использованную посуду, что вызывало недоумение у его внуков.

Интересной фигурой был дед Иван, который обладал знаниями о народной медицине. Когда во взрослом возрасте заболел его сын Харитон, то Иван вылечил его «молитвами и еловыми ветками». Кроме того, пройдя всю войну и вернувшись домой, Иван не получил ни одного ранения, что было связано, по мнению Анны Владимировны, с тем, что дед «знал много».

Отличия у кержаков фиксируются и в погребальной обрядности. Хоронили кержаки своих родственников только в деревянных, необбитых тканью гробах. Поверх погребальной одежды покойного оборачивали в белый саван, оставляя открытым только лицо. После молитв лицо также закрывали саваном.

Как правило, староверы жили большими патриархальными семьями, объединявшими несколько малых семей. Во главе каждой семьи стоял женатый мужчина. Патриархальные семьи состояли из сыновей с их семьями, которые жили в доме своего отца. Главой семьи был мужчина. Он принимал важные решения относительно членов семьи. Отмечались особенности у староверов и в брачном поведении: браки разрешались только внутри группы старообрядцев. Если же один из будущих супругов принадлежал другой вере, то его должны были перекрестить [Фурсова, 2001, с. 100–101]. Схожую модель семейных взаимоотношений и брачного поведения можно наблюдать у кержаков д. Прокопьево. Так, Иван Сущенко, дед Анны Владимировны, женился на ее бабушке Капитолине, которая также происходила из семьи староверов, приехавших в Сибирь из Пензенской губернии. Как отмечала информант, у пензенских староверов были взгляды «послабее».

Капитолина и Иван поженились уже в Сибири, деду приглянулась девушка, он сам попросил родителей ее сосватать. А поскольку семья деда была зажиточной, то за невесту дали богатый выкуп. Капитолина не хотела выходить замуж за Ивана, но не смогла перечить воле родителей. Позднее, будучи беремен-

ной первым ребенком, Капитолина предприняла попытку вернуться в дом к родителям. Причиной этого, как объяснила информант, стали властные родители мужа и тяжелый физический труд в новой семье: «Они вставали ни свет ни заря. Пока не помолются. Начинили там [работать], скотина, надо. А жили-то большой семьей... Приходилось работать за троих. Вот она [Капитолина] говорит: “Я была беременная. А приходилось работать, как лошадь. Пахала”. Но и они [остальные домочадцы] не сидели. Они тоже все работала. Но вот она уставала». Но родители Капитолины не приняли дочь и вернули ее в новую семью. У Капитолины и Ивана родилось восемь детей, из которых до взрослого возраста дожили только пятеро. Авторитетом в семье был муж и отец, он распоряжался имуществом семьи. В рассказах Анны Владимировны дед Иван предстает честным, спокойным и трудолюбивым человеком: «Относился к нам [внукам] с уважением». Но при этом информант отмечает властный характер деда.

В жизни старообрядческой общины д. Прокопьево мужчина также занимал главную роль. Положение мужчин и женщин в общине кержаков можно реконструировать по нескольким эпизодам. После закрытия храма в Бобровке в доме деда Ивана, как уже было сказано выше, была оборудована отдельная комната для молитв, здесь висели храмовые иконы. На молитву в дом деда приходили только мужчины-староверы. Даже жена деда Ивана, хозяйка дома, уходила в другую комнату вместе с внуками и в молитве не участвовала, хотя в храм, когда он функционировал, женщины и девушки ходили на службы; «Там [в доме деда Ивана] еще одна комнатка. И там этих икон очень-очень много было... И вот вечером...мы всегда там [в доме деда] находились. И вот к ним приходили староверы все, когда церковь разобрали... И к ним приходили деды... Ни одной бабушки не было. Крестились, молились, поклоны клали». Причем и в праздники, и во всей бытовой жизни кержаков, на передний план выступают мужчины: «Там жили, кержаки были. Они тоже деды... Степан, Андрей, Трофим, Тимофей. Они никогда не ругались... Их все в деревне уважали. Им всегда места уступали». Из женского состава типичной кержачкой в рассказе Анны Владимировны выступает только «тетя Шура»: она «тоже была коренная кержачка. Это был человек что-то! ... до такой степени была кержачка!».

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ («КЕРЖАКОВ») И РОССИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ («ХРИСТИАН»)

Более ярко проблема идентичности староверов Притомья раскрывается в контексте взаимоотношений кержаков и их соседей – российских переселенцев. Анна Владимировна вспоминала, что старообрядцы называли российских переселенцев «хохлами»

или «христианами». «Хохлами» на территории Сибири могли называть, как правило, южнорусских, украинских и белорусских переселенцев [Фурсова, 2006, с. 430–437]. Обозначение старообрядцами российских переселенцев как «христиан» было вызвано, скорее всего, религиозными различиями между представителями этих двух групп, хотя и те, и другие были приверженцами христианства. Как уже отмечалось, изначально кержаки поселились отдельно, обосновав д. Большая Бобровка, рядом с д. Прокопьево, которая, согласно «Списку населенных мест Сибирского края» [Новосибирск, 1929, т. 2, с. 300] образовалась в 1836 г. Следовательно, «христиане» пришли в Сибирь раньше, чем сюда переселились староверы. В 1950-е гг. в связи с политикой укрупнения часть староверов была вынуждена переехать в Прокопьево. Но и там кержаки обособились обособленно. Староверы, как свидетельствует Анна Владимировна, проявляли снисходительное отношение к «хохлам». Они неодобрительно относились к праздникам «хохлов», так как тогда они, по мнению старообрядцев, много пили. Запрещались браки между староверами и переселенцами. Кержаки не хоронили своих умерших единоверцев рядом с «христианами», требовали от своих детей, чтобы те хоронили их на отдельном кладбище.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КЕРЖАКОВ ПРИТОМЬЯ

Специалисты отмечают, что в XX в. в культуре и быту различных староверческих групп происходили изменения. Так, Ф.Ф. Болонев, говоря о трансформации культурной и хозяйственной жизни староверов Алтая и Забайкалья, подчеркивал ослабление замкнутости групп, а иногда и их сближение с аборигенным населением, что проявлялось в смешанных браках староверов с бурятами, татарами, казаками и др. [1998, с. 92]. Т.И. Дронова, описывая жизнь старообрядческой группы Республики Коми (с. Усть-Цильма), отмечает, что в XX в. с укреплением советской власти сельские девушки и женщины в среде староверов начинают вовлекаться в общественное производство, работают наравне с мужчинами. Уже в 1930-е гг. девушки сами принимают решение о своем замужестве, нередко вопреки воле родителей [Дронова, 2019, с. 162]. Постепенно начинает исчезать большая патриархальная семья [Там же, с. 172].

Трансформация традиционного уклада жизни кержаков д. Прокопьево ярко прослеживается на втором поколении староверов, описанных Анной Владимировной. Представителями второго поколения выступают дети Ивана и Капитолины – четыре дочери и сын Харитон, 1910–1920-х годов рождения. Харитон до 30 лет не мог найти себе невесту. Уходя на фронт в 1941 г., он попросил родителей найти ему к моменту

возвращения с войны хорошую невесту-кержачку. Харитона под Херсоном подбили на танке. В семье остались дочери – Августина, Устинья, Соломонида (мать Анны Владимировны) и Анастасия. Если Харитон просил отца найти ему невесту-кержачку, то дочери вышли замуж за «хохлов», т.е. нестарообрядцев, тем самым нарушив традиционную модель брачного поведения кержаков. Старшую дочь отец долго не мог выдать замуж. Причиной этого, как считает Анна Владимировна, была «схожесть» сложных характеров отца и дочери. Касаясь брака своих родителей – Соломонида и Владимира, информант сообщает, что Соломонида вышла замуж тайком, поскольку браки между «христианами» и староверами были под запретом: «Мать моя кержачка, а отец христианин. Им не разрешалось, но они украдкой [поженились]».

Так Соломонида, несмотря на протест отца, сама выбрала себе мужа, тогда как ее мать, Капитолина, не смогла противиться воле родителей. Более того, именно властная Соломонида была безусловным авторитетом в своей семье. Анна Владимировна отмечала: «Отца я любила, а мать боялась». Если дочери не выполняли ее поручений, то за этим следовало наказание. Наказывала Соломонида и собственного мужа: если заставляла мужа на празднике «хохлов» в состоянии опьянения, могла применять к нему и физическую силу.

В общественной жизни кержаков, большую активность начала проявлять молодежь. Так, дочери Ивана, став взрослыми девушками, хотели уехать в город из деревни, но последовал запрет со стороны отца. Тогда старшая дочь «...нарядилась и уехала в город». Однажды приехав в деревню, она вывела деда Ивана из себя, так как была по-городскому «расфуфыренная». Не последнюю роль в процессе трансформации общественной жизни сыграло совместное проживание российских переселенцев и староверов, которые были вынуждены работать в одном совхозе. Жительница д. Прокопьево, являясь потомком российских переселенцев «христиан», уже не наблюдала различий в бытовой жизни кержаков и российских переселенцев: «Мы уже стали при работе, вот мой как возраст. Они [кержаки] пожилого возраста. Мы все вместе с одного бочка, с одной фляги, с одной трубочки пили, как раньше. Мы косим, возчик к нам водичку подвозит» (Егорова Вера Николаевна, 1936 г.р.). Как и староверы д. Усть-Цильмы, женщины-кержачки д. Прокопьево привлекались к совхозным работам. Соломонида, не сумев уехать в город, занимала активную позицию в совхозе. Она была телятницей, ее боялись даже мужчины-управляющие (в том числе кержаки). Женщина строго следила за тем, что мужчины выполняли свои обязанности. И могла «оттаскать» их за шиворот, если работники совхоза не выполняли работу в срок.

Тем не менее староверы 1920-х годов рождения старались сохранять кержацкий образ жизни – соблюдали посты, праздновали религиозные праздники, не употребляли алкоголь. Они четко идентифицировали себя в качестве кержаков, особенно в оппозиции свои-чужие. Так, Соломонида, выйдя замуж за «хохла», отказывалась вместе с мужем присутствовать на праздниках переселенцев: «Еще с хохлами я не пила!».

В контексте данного исследования наиболее интересным выступает идентичность третьего поколения. Оно представлено детьми Соломонида – нашим информантом и ее сестрой. У Соломонида родились две дочери – Анна и Любовь (1955 и 1956 годов рождения соответственно). Анна Владимировна относилась к кержакам: «У нас у кержаков не пьют. И христиане не любили с кержаками гулять». Но она уже не сохраняла кержацкий образ жизни – ходила на сельские молодежные вечерки. Вместе с остальной деревенской молодежью посещала сельский клуб, где отмечали праздники. Участвовала в самодеятельности, ездила по деревням с концертами. Сестры закончили 9 классов школы в Прокопьево, затем уехали учиться в соседний город – Новокузнецк, к тетке. Сестра Анны Владимировны поступила в педагогический университет, Анна Владимировна работала в городе и училась на вечернем отделении на воспитателя детского сада. Потом она вместе со знакомой девушкой уехала в Вологду, откуда поступил запрос на специалистов их профиля: «Что ж мы, всю жизнь в Сибири живем и нигде не побываем». Там информант познакомилась со своим будущим мужем. У пары родился сын. Затем Анна Владимировна все же вернулась на родину, чтобы присмотреть за матерью, так как та категорически отказывалась уезжать из родной деревни в город. Не придерживаясь староверческого образа жизни, Анна Владимировна причисляет себя к кержакам, хотя отмечает, что взгляды у нее уже не такие «кержацкие»: «Я могу из той же чашки поесть, из той же кружки попить». В контексте выяснения идентичности третьего поколения интерес представляет отношение деда Ивана к представителям этого поколения. Он не разрешал, как уже отмечалось, своим внукам пить с ним из одной кадки, брать его посуду и умываться в его умывальнике. Схожее отношение к своим «нечистокровным» внукам демонстрировали старики (кержаки) из д. Ключевой: «Дед был кержак. С бородой. Кружка отдельно, ложка, все по отдельности. Вот внуки к нему приходят, так он: “Мои вещи не трогать!”». Поел, сполоснул [посуду]». Такое отношение в традиционной староверческой среде старообрядцы демонстрировали в отношении «иноверцев». Староверам запрещалось «соединяться с иноверными в еде, питии и молитве», что укладывается в модель поведения ухода от общения с иноверными

[Дронова, 2019, с. 147]. Таким образом, со стороны деда Ивана, «чистокровного кержака», наблюдается неприятие внуков как представителей своей веры и своего круга.

В связи с этим возникает вопрос об устойчивости идентичности кержаков в условиях не только ассимиляции их с представителями другой религиозной и этнокультурной группой, но и в условиях потери главных маркеров группы, как это можно видеть на примере третьего поколения. В.А. Липинская, анализируя старообрядческие группы Западной Сибири, сделала вывод, что причиной сохранения идентичности староверов стали особенности быта, которые нашли отражение в чашничестве, особом костюме, чистоте и замкнутости быта. Для самих же староверов главной чертой, отличавшей их от других групп, являлись их религиозные убеждения [Липинская, 1992, с. 217]. Этнографические данные о кержаках д. Прокопьево Тяжинского района Кемеровской области подтверждают выводы В.А. Липинской. Главной причиной устойчивости идентичности кержаков в первом и втором поколениях, как было показано выше, стали религиозные убеждения. Закрытость группы проявилась в способе поселения (отдельная деревня, а затем обособленная улица), запрете экзогамных браков, ограничении контактов с носителями другой культуры. Кроме того, группа кержаков обладала другими маркерами, выделяющими их на фоне российских переселенцев: рослость, чистоплотность, отказ от алкоголя, ношение длинной бороды. Но как можно видеть на примере Анны Владимировны, она, не являясь «чистокровной» кержачкой по происхождению и образу жизни, все же подчеркивала свое кержачье происхождение. На наш взгляд, причиной такой самоидентичности могла стать престижность статуса кержака в той среде, где выросла Анна Владимировна. Являясь ребенком представителей двух разных этнокультурных групп, Анна Владимировна с детства наблюдала специфику взаимоотношений кержаков и «христиан». В первую очередь это касалось ее матери Соломонины, демонстрировавшей снижительно-пренебрежительное отношение к образу жизни «христиан». Однако со стороны «христиан» в отношении к дедам-кержакам прослеживается, по свидетельству информанта, уважение. Особый статус кержаков отмечала еще одна информантка, чья бабушка была кержачкой из д. Ключевой Мариинского района. На вопрос о своем происхождении, она ответила: «Бабушка была кержачка. А по отцу я не кержак. Он [отец] простой мужик был... И муж простой».

Схожая ситуация выбора идентичности (исходя из ее статуса) описана в с. Большая Покровка Тяжинского района Кемеровской области. В ходе интервью информанты отмечали, что в их селе проживали «чалдоны»: «Помню, дядя Сенька всегда ... про чал-

донов рассказывал» (А.Д. Орлова 1962 г.р., с. Большая Покровка Тяжинского района). «Чалдоны в Большепокровке жили. Я чалдонка» (Н.М. Дмитриенко 1958 г.р., д. Малопичугино Тяжинского района). Но согласно данным А.А. Кауфмана, во второй половине XIX в. поселок Большепокровский был населен курскими переселенцами: «поселок состоит исключительно из курян... Главная масса населения пришла в 1888 году; позже – с 1889 по 1892 г. – прибыло еще 13 семей, из которых пять, прибывших в 1889 г., ко времени производства населения осталось непричастными». Как писал Кауфман, на территории участка заселения новоселы не нашли старожильческих построек, но земли участка были засеяны старожилами, с которыми у переселенцев отношения были «вполне удовлетворительные» [1895, с. 124–125]. Кроме того, как показал сравнительный анализ, жители с. Большая Покровка сохранили курские свадебные традиции [Рублева, 2021, с. 830–831]. Все это может указывать на смену идентичности российских переселенцев в связи с более статусным положением старожилов на территории Сибири [Фурсова, 2006, с. 430].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали экспедиционные материалы, староверы-кержаки Притомья, несмотря на активные процессы трансформации их бытовой и культурной жизни, в XX в. сохраняли свою идентичность и сохраняют ее до настоящего времени. Главная причина их устойчивой идентичности связана с их религиозными убеждениями, благодаря которым кержаки противопоставляли себя остальному миру. Религиозные убеждения наложили отпечаток на бытовую, семейную и общественную жизни данной группы – стремление к закрытости группы от внешнего мира, запрет браков с нестарообрядцами, бытовая чистоплотность, сохранение большой патриархальной семьи и т.д. В XX в. происходило постепенное размывание культурных границ между представителями староверов и российскими переселенцами д. Прокопьево, что вызвано политикой советского руководства – привлечение женщин наравне с мужчинами к общественной, производственной и культурной жизни государства, обязательные работы представителей старообрядцев и российских переселенцев в одном совхозе. Но даже эти процессы не повлияли на ослабление культурной идентичности потомков староверов в первом–третьем поколениях. Как показал пример Анны Владимировны, она, являясь потомком кержаков в третьем поколении лишь по одной родственной линии и не придерживаясь кержачьего образа жизни, определяла себя как кержачку, что, на наш взгляд, было обусловлено высоким статусом именно такой идентичности в семье Анны Владимировны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 85–93.
2. Дронова Т.И. Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар: Коми Респ. тип., 2019. 280 с.
3. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, дворянских на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования: СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1895. Т. 1. 177 с.
4. Литинская В.А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 213–217.
5. Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 708–713.
6. Моррис Р. Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 17–22.
7. Робсон Р. Культура поморских старообрядцев в Пенсильвании // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 27–33.
8. Рублева А.А. Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по материалам полевых исследований 2018–2021 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 827–832.
9. Семенов И.С. Идентичность в социокультурном измерении. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов / М.: Изд-во Весь Мир. 2017. С. 312–317.
10. Старообрядчество: история и культура: библиогр. указ. : кн. и ст. на рус. и иностр. яз. (1900–2009) / сост.: Т.Я. Брискам [и др.]. М.: Пашков дом, 2011. 463 с.
11. Фурсова Е.Ф. Белорусские москали или сибирские кержаки: кто они? // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 494–501.
12. Фурсова Е.Ф. История жизни духовного наставника Р.И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 90–118.
13. Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 427–441.
14. Шитова Н.И. Этнокультурная идентичность русских и ее трансформации по материалам Алтайской духовной миссии (начало XX в.) // Томский журн. лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 2. С. 160–170.

REFERENCES

1. Bolonev F.F. (1998). Old Believers of Altai and Transbaikalia. Experience of comparative characteristics. *Sibir' v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk, vol. 2, pp. 85–93. (In Russ.)
2. Dronova T.I. (2019). Religious canon and folk traditions of the Old Believers of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution. Syktyvkar, Komi Respublikanskaya tipografiya, 280 p. (In Russ.)
3. Kaufman A.A. (1895). The economic situation of the settlers settled on the state lands of the Tomsk province, according to the data of the household study carried out in 1894, on behalf of the Tomsk governor Saint Petersburg, V. Bezobrazova & Co, vol. 1, 177 p. (In Russ.)
4. Lipinskaya V.A. (1992). On the stability of small confessional groups in a one-nation environment (based on materials of South Western Siberia). *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 213–217. (In Russ.)
5. Lyubimova G.V., Rubleva A.A. (2019). Ritual scenario of the Russian Siberian wedding: traditions and innovations of the second half of the XX century (based on field materials 2018–2019). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 25, pp. 708–713. (In Russ.)
6. Morris R. (1992). The world of young Old Believers in Oregon. *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 17–22. (In Russ.)
7. Robson R. (1992). Culture of the Pomeranian Old Believers in Pennsylvania. *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 27–33. (In Russ.)
8. Rubleva A.A. (2021). Common and special in the wedding customs of the descendants of Siberian old-timers of the Tom' Region in the second half of the XX century (on field research materials of 2018–2021). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 27, pp. 827–832. (In Russ.)
9. Semenenko I.S. (2017). Identity in the socio-cultural dimension. Cultural, socio-cultural, civilizational identity. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Moscow, pp. 312–317. (In Russ.)
10. Briskam T.Ya. (2011). Old Believers: history and culture. Moscow, 463 p. (In Russ.)
11. Fursova E.F. (1998). Belarusian Muscovites or Siberian Kerzhaks: who are they? *Sibir' v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk, vol. 2, pp. 494–501 (In Russ.)
12. Fursova E.F. (2002). The life story of the spiritual mentor R.I. Oparin in the manuscript collection of the prayer of the Old Believers-Pomorians. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkhologiya. Ezhegodnik*. Moscow, pp. 90–118 (In Russ.)
13. Fursova E.F. (2006). Ethnographic groups of Eastern Slavs in Western Siberia: typology, identity, intercultural interactions. *Etimokul'turnoe vzaimodeistvie v Evrazii*. Moscow, vol. 1, pp. 427–441 (In Russ.)
14. Shitova N.I. (2020). Ethnocultural identity of Russians and its transformations based on the materials of the Altai Spiritual Mission (the early XX century). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No 2, pp. 160–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

Дата рецензирования 30.04.2022

Статья принята к публикации 05.05.2022

DOI: 10.15372/HSS20220204

УДК 392(571.15)"192/196"

И.Ю. АКСЕНОВА

**ЛОКАЛЬНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ РУССКИХ АЛТАЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ 1920–1960-х гг.**Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Статья посвящена характеристике и анализу локальных календарных обычаев русских селян Алтая в 1920–1960-е гг. Цель данного исследования – проследить трансформации социокультурных процессов в плане адаптации традиционной культуры к новым условиям существования (в условиях новой идеологии, культурной политики советского государства, антирелигиозной пропаганды и других реалий). Задачи исследования – выявить основные причины трансформационных процессов в праздничном календаре русских Алтая в 1920–1960-е гг., дать характеристику некоторым праздникам «новой советской обрядности», обозначить элементы обычаев и обрядов традиционных календарных праздников, которые были включены в сценарии новых советских праздников. В результате проведенного исследования удалось установить, что введение новых советских праздников спровоцировало возникновение новых адаптационных форм. Это способствовало формированию новой советской идентичности людей, которую позднее назвали «советикус». Исследование основано на полевых изысканиях автора в 2014–2022 гг., а также на архивных материалах Государственного архива Алтайского края и Поспелихинского архива Алтайского края.

Ключевые слова: Алтай, календарные праздники, календарные традиции, этнокультурная идентичность, самоидентификация, новая календарная обрядность.

I.Yu. AKSENOVA

**LOCAL CALENDAR CUSTOMS OF THE RUSSIANS OF ALTAI
AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE 1920–1960s**Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study is devoted to the local calendar customs formation of the Russians in the Altai region in the 1920–1960s. The author examines in detail the adaptation mechanisms of traditional culture in the region at different stages of this period (under the conditions of a new ideology, the cultural policy of the Soviet state, anti-religious propaganda, etc.) of the Russians in Altai. The research objectives are to identify the main causes of transformational processes in the festive calendar of Altai Russians in the 1920s–1960s, characterize the features of some holidays of the “new Soviet ritual”, designate elements of customs and rituals of traditional calendar holidays included in the scenarios of new Soviet holidays.

The study aim is to trace transformations of socio-cultural processes in terms of adaptation of traditional culture to the new, crisis conditions of existence. The research novelty is to solve the problem at the specific regional level (district, village).

As a result, the author has recorded important changes in the system of traditional calendar holidays, such as violation of the ban to work on holidays, shifts and transfers in performing rituals, changes in the recipe of festive dishes, and others. The article notes that many informants born in the 1940s and later do not remember the meanings of performing certain ritual actions, cannot explain their purpose yet. The author managed to establish some borrowings from traditional festive rituals regarding «new holiday rituals»: for example, curling birch branches with ribbons when rewarding a collective farm unit, decorating cars with birch branches (Holiday of the Russian Birch). There were a number of adaptive forms during the period of ritual rounds of courtyards on Christmas time, Maundy Thursday, Easter and Radunitsa, Trinity. The study confirms that since the late 1920s – early 1930s there was a division of views of the older and younger generations, which was expressed in relation to the «old» and «new» holidays («your» and «our» holidays). These processes influenced the formation of a new Soviet identity of people later called «Sovieticus».

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Ирина Юрьевна Аксенова – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: a_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7831-7815>

Irina Yu. Aksenova – Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

The study is based on the author's field research in 2014–2022: interviews with descendants of old-timers and settlers of Altai Region, employees of rural Houses of Culture, teachers of rural schools, librarians, leaders of folklore ensembles, etc. Besides, it uses materials from the State Archives, Pospelikhina Archives of the Altai Region.

Key words: transforming holiday calendar; new Soviet rituals; culture transformation; customs and rituals; adaptation mechanisms.

ВВЕДЕНИЕ

Особую актуальность в настоящее время приобретают исследования, посвященные механизмам складывания локальных этнокультурных традиций и обычаев, связанных с адаптацией традиционной культуры к новым условиям жизни. Именно культурно-бытовой фактор (обычай, религия, стереотипы поведения и пр.) наряду с исторической памятью и духовной связью с пространством (природой, ландшафтом) является решающим в формировании основы идентичности на уровне группы [Фурсова, 2019, с. 33]. На протяжении всего XX в. в календарных обычаях русских Алтая происходят значительные изменения, порожденные социальными процессами. На наш взгляд, формирование «локальных обычаев» на Алтае возможно рассматривать как способ становления «новой» самоидентификации общества. Так, рассматривая престольный праздник, к примеру, Л.А. Тульцева пишет о том, что он был знаком «идентичности», поскольку объединял конкретную социально-пространственную среду вместе с празднующим социумом в единое целое [Тульцева, 2011а, с. 66]. Для 1920–1960-х гг. характерны колоссальные трансформационные процессы, которые отложили отпечаток не только на формирование конкретных «локальных» обычаев и обрядов, но и в целом способствовали созданию «единого праздничного календаря» в сознании жителей Алтая.

По воспоминаниям наших информантов, в их детстве (в 1930–1950-х гг.) сложилась интересная ситуация: «Праздники праздновали и «старинные», и советские». (Пономаренко А.Н., 1929 г. р., с. Коробейниково, Шипуновский район). Момент «признания» новых праздников, включения их в традиционный праздничный календарь также подчеркивается информантами, детство которых пришлось на военные и послевоенные годы. «Мама все праздники признавала, готовились, праздновали» (Уткина В.А., 1938 г. р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский район). За этими высказываниями скрываются стремительные изменения в социальной и культурной среде, произошедшие в 1920–1960-е гг. В связи с этим данная тема требует, на наш взгляд, детального рассмотрения.

Вся жизнедеятельность людей была подчинена высшему порядку, реализовывавшемуся через последовательность календарно фиксированных ритуально-праздничных циклов [Тульцева, 2011в, с. 340]. Анализ материалов, полученных в ходе этнографиче-

ских экспедиций в 2014–2022 гг., позволяет заключить, что информанты, рожденные в 1920–1930-х гг., при описании календарных праздников располагают их в связке один за другим: «Их три праздника идут: 17 декабря – Варвары, 18 – Савы, а 19 – Никола зимний. Летом он 22 мая – летний» (Горохова М.Ф., 1929 г. р., с. Гилев Лог, Романовский район). Часто друг за другом описывают Спасы: «14 августа – первый Спас, Медовый, 19 августа – второй, Яблочный, потом 29 – третий Спас, Хлебный» (Мишина Е.И., 1927 г. р., Кособоково, Шипуновский район). Таким же образом рассказывают о постах: «Есть Мясоед, Петровка, Филипповка и Великий пост» (Рытвина А.С., 1924 г. р., Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Некоторые информанты старшего возраста объясняют временные рамки соответствующих событий, характерных для того или иного дня или периода: «Свадьбы играли в мясоед, на Масленку идут, играют. Опять же до Петрова дня не было свадьбы. А сейчас играют» (Горохова М.Ф., 1929 г. р., с. Гилев Лог, Романовский район).

Особенно полно описывают предпасхальные и пасхальные традиции: «В субботу красуют. Завтра-то уже «Христос Воскрес»! А следующее воскресенье – Красная горка называлась, но яйца эти же. А потом есть специальный день – Помины. Поминать родителей» (Ананьева О.А., 1931 г. р., старожил, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). К некоторым праздникам информанты добавляли приметы и поговорки: «14 марта бывает «Евдоки». «Евдоки – с гор потоки» все назывались. Таять уже будут. «Сороки» – это 22 марта. Сорок птичек прилетят, 40 холодов принесут. А 30 марта будет «Теплый Алексей». Уже тада тепло. А 8 апреля «Болговещенье». На этот праздник «птица гнезда не вьет, девка косы не плетет». А дальше Пасха (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район).

Многие информанты, рожденные в конце 1930-х–1940-х гг., редко системно выстраивали рассказы о традиционных календарных праздниках, уделяя внимание лишь некоторым из них: Новый год, Рождество, Масленица, Пасха. Часто ими дается перечисление советских и «старых» праздников как дополняющей друг друга «единой системы праздников»: «При моей памяти – 7 ноября, на Новый год, 1 мая собирались, на Троицу может быть, но на Пасху было запрещено» (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). Интересны некоторые

формулировки о православных и советских праздниках, находящихся по времени близко друг к другу: «У нас в Объездном было «Казанское»¹ (под 7 ноября) 4 ноября (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). Или, к примеру, подчеркивается единое празднование православных и советских праздников: «А у нас тут соседка была, дак она ветку большую на ворота прибьет на Троицу, а када 9 мая, она флаг вывешает! Учительница была. Она все праздновала!» (Копытова Г.Ф., 1924, с. Гуселетово, Романовский район). На нашу просьбу перечислить праздники, которые праздновались ранее, некоторые информанты, рожденные в военные и послевоенные годы, дают перечисление лишь советских праздников. Они объясняют любовь к советским праздникам их торжественностью, массовыми гуляниями, награждениями за доблестный труд, концертной частью: «7 ноября, День победы! На 9 мая – все митингуют, потом все идут гулять. 1 мая – это всегда. Потом день молодежи! Очень любила я эти праздники!» (Панина Н.Н., 1940 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИЧНОГО КАЛЕНДАРЯ В 1920-е гг.

По мнению И.И. Шангиной, «перевоспитание» крестьян началось с борьбы за новый быт, за отказ от народных традиций и прежде всего за отказ от празднично-обрядового календаря, который с его приметами, ритуалами, верованиями, магическими действиями, богатым фольклором продолжал определять ритм жизни крестьян и в 1920-е гг. [Традиционная культура, 2016, с. 454]. По данным наших исследований, в конце 1920-х–1930-е гг. происходят нарушения в отношении запретов на работу в праздничные дни: «Кто их раньше праздновал? Все работали, работа-бригада, душили как...» (Кузьменко М.Е., 1929 г. р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский район). Однако в это время во многих селах все же остается обычай воздерживания от работы: «Святки – это от Рождества до Крещения. Это больше в церковь ходили каждый день, покушать старались получше, отдохнуть. На Святках все же воздерживались от работы. Молодежь колядовала, ходили по дворам, женихов спрашивали. (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Косообоково, Шипуновский район).

Как отмечает С.И. Бондаренко, лозунги и призывы партии «Лицом к деревне», «Крестьянин – активный участник новой жизни», утверждение, что без поворота крестьянства в сторону советской власти новая жизнь не будет построена, оставались лишь лозунгами [2018, с. 28]. Из рассказов информантов вид-

но, что крестьяне дистанцируются от таких призывов к новой жизни, ссылаясь на грубость и навязчивость представителей новой власти. Это обстоятельство наложило отпечаток на святочные традиции: «Тада по дворам ходили, славили. Собирались человека 3–4, молодые девчонки, по дворам ходили, да тада еще такие были, что двери запирали, не пускали. Считали, что советская власть агитирует» (Рытвина А.С., 1924 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Из рассказа информанта следует, что некоторые семьи не открывали дверь «славильщикам», считая их агитаторами новой советской власти.

Одним из важнейших факторов, повлиявших на трансформацию системы обычаев календарных праздников в селах, являлось закрытие и разрушение церквей в 1930-е гг., проведение антирелигиозной пропаганды. Это вело к разобщению религиозных взглядов внутри семьи, конфликтам, непониманию старшим поколением «иногo отношения» к вере младших поколений. «Я помню, у нас такие иконы были красивые, а отец (партийный), был председателем колхоза. А дед был богомольный. Все при должности. Дед на колени утром и вечером садился, молился. Отец пришел и сказал, чтобы все иконы убрать на чердак. Дед умопомрачился, как так? А тут убрали большие иконы. Маленькую поставили на полку, закрыли занавеской, дед откроет, помолится и закроет. Так он заболел от этого, что убрали красивые», – вспоминает информант Е.И. Мишина. Нередко информанты, описывая отношение к вере и реалиям первой половины XX в. своих матерей, отцов, бабушек и дедушек, указывают на то, что их уважали, и, несмотря на постановления о запрете держать дома иконы, ничего не делали против их воли: «Тада же были старики-то горяченькие. Что ты не ставил и иди, не убирай. Ну ругали мужичье, ну уважали их» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). «У меня у мамы и свекрови были иконы в Андреевке, они с 1912 года рождения». Повсеместно распространены рассказы о том, что старшее поколение игнорировало угрозы и просьбы от представителей новой власти снять иконы: «Так они ничего не принимали и ничего не боялись. У них висели» (Абакумова В.И., 1945 г. р., с. Коробейниково, Шипуновский район).

8 апреля 1929 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Согласно постановлению устанавливался запрет на проведение «каких-либо религиозных обрядов и церемоний культа, а также помещение каких-либо предметов культа». Он действовал «во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях», за отдельными исключениями. При этом порядок действия постановления разъяснялся иными подзакон-

¹ Праздник Казанской иконы Божией Матери.

ными актами. Условия проведения религиозных обрядов в домашних условиях были прописаны в инструкции № 328 НКВД РСФСР «О правах и обязанностях религиозных объединений» от 1 октября 1919 г. В ней указывалось, что «отправление в семье, в изолированных комнатах или квартирах всякого рода религиозных обрядов, как-то: молебнов, панихид, крещения, принесения на дом икон и т.п., происходит без разрешения или уведомления органов власти. В комнатах общего пользования отправление религиозных обрядов может быть совершаемо только при наличии согласия всех проживающих в них или пользующихся этими комнатами» [Батченко, 2017, с. 320]. Это вынуждало крестьян проводить традиционные обряды в домашних условиях. Освящение яиц и выпечки во Всенощную совершалось в избе у одного из сельских жителей. Старые иконы использовали также при освящении пасхальных яств дома. «А когда в церковь не ходили, дома молитвы читали, читали бабушки верующие, приходили, псалтыри читали. Дворов 5 собираются в 1 двор, она читает молитвы, чтобы окропить “паску”, пирожочки всякие приносили» (Ананьева О.А., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Как видим, сохранение культурной памяти лежало на плечах пожилого поколения, преимущественно женщин. Совершение пасхальных обрядов являлось, на наш взгляд, в некотором смысле подтверждением собственной идентичности. Отметим, что представители старшего поколения старались привлекать к обрядовым практикам детей, обучали их молитвам.

РОЖДЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Святков и на Рождество, как отмечают информанты, местным жителям приходилось работать, нарушая традиционные запреты: «В войну, можно сказать, что и не праздновали праздники. И в Рождество все равно работали» (Копытова Г.Ф., 1924 г. р., с. Гуселетово, Романовский район). На праздники можно было отпроситься из бригады при условии успеть вернуться в срок: «Ну если ты попросишься, то тебя отпустят с бригады ... в баню сходить или на праздник. Они тебе: ну иди, ну чтоб ты к работе успела» (Козлова З.Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Встречаются рассказы, где информанты вспоминают, что отказывались участвовать в обходах, выбирая остаться в бригаде: «Я в бригаде была, не славила» (О.А. Ананьева, 1931, старожил, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). По данным экспедиционных записей, постепенно знания содержания обрядовых обходов дворов забываются молодым поколением, поэтому возникают конфликтные ситуации: «Мы пришли с девочками сеять, а нас бабушка прогнала! Сеют на Новый

год, сказала, только мальчики!» (Чеботарева А.И., 1933 г. р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский район). Таким образом, мы видим резко негативное отношение к «слову» старых смыслов новогодних обрядов среди старшего поколения по отношению к младшим. По мнению И.А. Морозова, ключевым фактором является возникающий межпоколенческий разрыв в мировоззрении, установках, ценностях, оценках... [2015, с. 5]. Рассматривая трансформацию функциональной основы праздника, исследовательница Л.А. Тульцева отмечает, что стали утрачиваться механизмы ритуальной последовательности или ритуального порядка праздника, понимания семантики того или иного действия, в том числе понимания сакральной значимости каждой возрастной категории старых и молодых участников праздника [2011, с. 231].

Вследствие снижения материального благосостояния крестьянства в военное время обрядовые обходы дворов становились дополнительным источником пропитания. Это также зафиксировано в приговорке, записанной в с. Гилев Лог Романовского района: «Рождество твое-мое, тятка, дайте, что у вас «е»!».

По нашим полевым материалам, запреты на обходы дворов в канун Рождества в Алтайском крае фиксируются для 1940-х гг.: «Да, «вафлиемскую-то» звезду делали, носили. Раньше-то, конечно, деды. А при мне-то нет, могли и срок дать» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). В связи с этим обходы дворов в ряде районов совершались преимущественно вечером: «Вечером побегут славить, а в школе спросят: «Славили»? А они ответят – «не-не!» (О.А. Ананьева, 1931, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Украинские переселенцы, как и другие восточнославянские переселенцы большое значение придавали обрядам новогодья называвшимся, как и у русских, «Святками» [Фурсова, Васеха, 2004, с. 26]. Приведем описание одного обряда, записанного от украинских переселенцев, исполнявшегося в послевоенные годы: «Як вытягивали из печки, несли и казали. На пороге сядешь: “квок-квок, кутя на покути”². То кажут, чтоб куры квоктали, чтобы квочки были, цыпушки водились. В хату лицом. 3 раза кричали! Никто ниче не отвечал. Детьми не квокали еще. Як же я замуж вышла, тада квокала. Должна делать женщина замужем, хозяйка. Мы уже при советской власти женилися, тада еще делали» (Василенко М.С., 1927 г. р., с. Мамонтово, Мамонтовский район). Таким образом, даже в сложное военное и послевоен-

² «Покуть (святый кут)», расположенная по диагонали от печи, занимала особое место в жизни украинцев [Фурсова, Васеха, 2004, с. 184].

ное время сохранялось празднование больших религиозных праздников (Рождество, Пасха, Троица), несмотря на запреты, идеологическое и психологическое давление со стороны советских органов. Отметим, что в военное и послевоенное время в домах собирались женщины для пения молитв в канун Рождества: «В нашем доме собирались, я маленькая была. К нам даже из Быково приезжали, церкви-то были уже разрушены» (Боброва Л.А., 1945 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район).

ПАСХА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война многими информантами отмечается как тяжелое время, когда было «не до праздников». «А в войну какие были праздники? Ничего не праздновали! Но большие праздники никто не обходил» (Панина Н.Н., 1940 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район). Одним из результатов ухудшения экономической ситуации стала вынужденная трансформация календарной обрядности, характеризовавшаяся адаптацией к новым условиям. В праздновании Рождества, Пасхи, Троицы и других праздников мы фиксируем изменения прежде всего в подготовке праздничного стола. Так, в сельской местности в годы Великой Отечественной войны приготовление «пасок» не фиксируется повсеместно, а в некоторых семьях не считалось обязательным. Прежде всего, это было связано с сокращением набора ингредиентов, необходимых для выпечки сдобных пасхальных куличей (молоко, масло, яйца, сметана, сахар и др.). Нередко количество ингредиентов для выпечки куличей ограничивалось или заменялось имевшимися на тот момент продуктами: «А мы с чего “паску” пекли? Нам дадут немного муки ржаной. Мы картошечку, тыкву потолком, дрожжей туда, а дрожжи сами варили. Пойдем в забочку, нарвем хмель, его заквасим, и стряпали колобочки такие, да еще картошечки вырежем, да на эту булочку³ положим. Немного тесто разрежешь и в булочку в эту положишь, она не вывалится. Она туда воткнется, жаром обдастся. Так ее, эту булочку, об дороге не разобьешь!» (Козлова З.Н., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Продукты старались готовить заранее, считалось важным припасти яйцо на каждого члена семьи.

Главное ритуальное действие на Пасху – это посещение кладбища с целью «помина» родителей [Корнева, 2012, с. 27]. По нашим исследованиям фиксируется посещение кладбищ в военное и послевоенное время наряду с существующими запретами: «Нам запрещали ходить на кладбище. Если только узнают,

в школе втык будет. За мать пошлют, или там матери поддаст директор. А шо было такого? Поминать родителей – это святое!» (Шапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). Отметим, что в этой связи посещение могил совершалось порой тайно, в вечернее время.

В период Великой Отечественной войны нарушение запретов на работы в праздничные дни продолжалось: «А в колхозе кто праздновал праздники? Нас в колхозе на первый день Пасхи заставляли контору белить! Белили, а что сделаешь?», – вспоминает М.И. Бирюкова (с. Шипуново, Шипуновский район). Фиксируются случаи, когда на Пасху не пускали праздновать домой из бригады: «Уже в бригаде жили. Приехал бригадир: О! Девщонки! Зря я вас не пустил домой! Там бабки как “в круга” играют, как поют! Сами бабки играют, поют. Это раньше старики ходили, а советские уже не ходили, не понимали. Мы не ходили домой на праздники, нам в бригаде лучше было (Сотникова Е.М., 1929 г. р., с. Гуселетово, Романовский район). Такие ограничения были элементами антирелигиозной пропаганды. Они могли инициироваться на местах управляющими, председателями колхозов, бригадирами, т.д.

Отметим перенос по времени исполнения обрядовых омовений на Чистый четверг. Как известно, истопить баню и вымыться в ней необходимо было до восхода солнца. Однако, по замечаниям информантов, время обрядового омовения возможно было сдвинуть, если была необходимость в работе: «Раньше в Чистый четверг старались баню истопить до восхода солнца, надо ночью встать и начинать топить ее. И до восхода вымыться. Это тада считалось уже обрядом. А если не получалось, топили только вечером» (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район).

ТРОИЦА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Некоторые троичные обряды в военное время воспроизводились девочками, одноклассницами. «Кумились как. На Троицу стулья унесем туда в кусты, квасу нальем, кто картошки, кто че. Принесем, стол закроем какой-то тряпкой, стопочки принесем, стаканы ли... Вот квасу этого наливаем, стукоемся: Вот ты кума, ты кума. А ребятишки с нами нет. Они нет. Ну лет 11 было. Наши ровесники, в школе какие ребятишки были. И наши с нами не ходили мальчишки со школы» (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). Были случаи, когда девушки в бригадах плели венки на Троицу большего размера и вешали их через плечо: «Троица – венки, мы лазоревые цветочки, веноч сделаем на голову и такие, как военные, на грудь вешали цветы, как выпускни-

³ Здесь: «булочка» – кулич.

цы, лента – через плечо. Мы вот такие веночки делали. А дома – любую траву на пол ставили. И березовые веточки на полу клали. Песни пели» (Козлова З.Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Утрата смыслов традиционных обрядов продолжалась среди молодого поколения.

Интересные ситуации возникали в семьях, где родители были коммунистами, а старшее поколение все же придерживалось исполнения традиционных обычаев: «Нет, у нас в семье не верующие, не знаю. Никто не показывал, что они верующие. А мы веточки сосны, лапки эти и березу – венки с них вешали, на дом на ворота и везде» (Чернышев В.И., 1936 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район). Украшение дома на Троицу остается в военное и послевоенное время, в том числе в семьях коммунистов.

В осенний период отмечалось совместное времяпрепровождение в женском кругу за рукоделием: «У каждого в хати собирались. Кто принимал, к тому приходили прясть. Это после войны больше, ну и в войну было. Кто с коноплем, кто с шерстью, кто с семечками» (Павленко А.Г., 1939 г. р., с. Кашино, Алейский район).

В отношении других традиционных праздников также фиксировалось исполнение обрядов, скрытое от общественности: «Вербочками били на Вербное Воскресенье, а чего говорили, не помню. Ну это было раньше. Это мы-то уж че... при “советской” были. Бабушка втихаря тебе сделает, и то потому, что нельзя было во всеуслышание» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район).

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ

В 1950–1960-х гг.

Большую надежду в борьбе с традиционными праздниками партийные деятели возлагали на организацию новых советских праздников, которые, как они предполагали, могли бы быстро вытеснить старые, превратив последние в собрание устаревших обычаев, пустых условностей, никому не нужных ритуалов [Традиционная культура ..., 2016, с. 467]. Период 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменовался строительством большого количества культурных объектов. В селах Алтая начала формироваться и распространяться социалистическая обрядность, утверждались массовые советские праздники. Так, в отчетном докладе крайкома КПСС на VIII краевой партийной конференции о работе культпросветучреждений от 16–17 января 1956 г. говорится: «... За отчетный период построено 103 колхозных клуба и 4 районных дома культуры, открыто 210 новых библиотек. ... За два года число кинозрителей увеличилось почти в два раза и составило 20 миллионов человек. Значительно выросла киносеть. За два по-

следних года радиофицировано 103 тысячи квартир трудящихся, 236 колхозов и 20 новых совхозов...»⁴.

В 1950-х гг. в Алтайском крае был прочитан ряд лекций антирелигиозной направленности. В справке отдела культпросветработы крайисполкома крайкому профсоюза о работе Тогульского районного дома культуры отмечалось: «В 1950 г. в нем прочитано 45 лекций, которыми охвачено около 8 тыс. слушателей. ... Среди прочитанных лекций: ... “Происхождение Пасхи и ее реакционная сущность”» [Культурное строительство, 1990, с. 136]. В качестве иллюстрации антирелигиозной пропаганды посредством кинопоказов в начале 1960-х гг. приведем рассказ учительницы английского языка Шипуновский средней школы им. А.В. Луначарского Т.Я. Билан: «В этот день в заводском клубе по традиции показывали фильм “Чудотворная”, суть сюжета о том, как верующая бабушка довела почти до самоубийства своего внука, который нашел икону. Водили на этот фильм нас учителя или настоятельно рекомендовали сходить на просмотр. Года три подряд смотрели один и тот же фильм. Надо было видеть после того, как юные атеисты, ученики начальных классов, заходили в клуб, вся площадь перед ним была усыпана разноцветными скорлупками. Перед просмотром угощали друг друга куличами и нещадно бились принесенными из дома яйцами. Фильм “Чудотворная” оказывал на меня большое впечатление, мне было жалко. Это была начальная школа, нас водили его смотреть в 1961–1963 гг. Это кино показывали в воскресенье на Пасху» [Билан Т.Я., 1953 г. р. Шипуново, Шипуновский район]. Так формировалось негативное отношение к вере у учащихся. Однако, несмотря на запреты, крашенные яйца все же приносили в школу, брали с собой на кинопоказы.

В 1964 г. в Сростках впервые в крае были введены новые обряды регистрации новорожденных и праздник Русской березки. За подготовку и проведение мероприятий отвечала районная библиотека во главе с Д.И. Фалеевой и заведующей детской библиотекой Л.М. Воеводиной [Бийский район, 2005, с. 380]. По материалам Поспелихинского архива, новые обряды и праздники (включая Праздник урожая, Проводы русской зимы) вводятся с сентября 1964 г. В документах отмечается, что новые по содержанию, советские по духу, они были восприняты населением и стали неотъемлемой частью культурно-просветительной работы⁵. Как следствие, в середине 1960-х гг.

⁴ Поспелихинский архив Алтайского края (ПААК). Ф. 1. Оп. 99. Д. 1. Л.166–167.

⁵ ПААК. Ф. Р-67. Оп. 1 Связка 4. Ед. хр. 16. Переписка отдела культуры по проведению праздников в районе с 1966 года. С. 8.

происходят интегративные процессы элементов традиционной и советской обрядности, которые различным образом проявлялись в указанных районах. Приведем несколько примеров из полевых интервью. «“Праздник Русской березки” у нас сначала назывался “Праздник борозды”. Он приурочивался как раз под время Троицы. Поскольку символ Троицы – это береза, его стали называть “Праздником русской березки”. И в начале лета, когда как выпадало, устраивались огромные праздники в колхозе. Мы, артисты, готовили программу концертную с посвящениями тому или иному человеку. Девчонки обычно бежали в поле, собирали цветы, плели венки. Членам бригады вручали цветы, а на березу ленточку привязывали. В конце праздника все нижние веточки березки оказывались завязанные. Это где-то 1958–1965 гг., помню» (Конради Н.А., 1947 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). «У нас в Локтевском районе проходили конные скачки. Объявлялся старт, и вот несколько всадников до определенной черты километров 5–7 скакали, кто там первый – были награды. Именно в день “Борозды” было. Это 1950–1955 гг.» (Парфиевич А.В., 1941 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район).

Из официальных документов о массовых мероприятиях следует, что массовые праздники были поддержаны населением: «Провести по окончании сева массовые праздники песни, с выступлением на них хоровых коллективов, совхозов, РТС и т.д. (июнь)... Огромный патриотический и творческий подъем в коллективах художественной самодеятельности вызвали решения XXI съезда партии, открывшие великие перспективы развития социалистической культуры, подъема народного творчества»⁶. Общий подъем в послевоенные годы, участие многих жителей в подготовке к праздникам подтверждается во многих интервью: «Праздник Русской березки – в тополях ставили торговые палатки (съезжались из других сел торговцы), местные жители приходили на выступление агитбригад (концерт с советскими песнями), стелили в тополях на полянах одеяла, покрывала, устраивали гулянку, кушали, выпивали, танцевали (Головина Н.К., 1943 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район). «Это когда отсыялись, был День борозды. В колхозе, там сад был, они ставили бражку и столы. И гудели, и пели. Это называлось День борозды. Концерты были» (Чернышев В.И., 1936 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район).

В некоторых селах, как отмечают информанты, случались совпадения во времени проведения праздника Русской березки и Троицы: «Если Троица попа-

дала под “Борозду”, то праздновали. Тогда в бор вывозили нас машинами, продавали, лавки были ... Там Войково, Воробьево, Порзиха, Кособоково. Все равно праздник. Бабушки сами празднуют. Мы туда. Мы были пионеры, комсомольцы. Это 1950–1960 гг.» (Никулина Т.И., 1947 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). Как видно из рассказа, старшим и младшим поколениями праздновались одновременно два праздника – Троицы и Праздник борозды.

Разногласия по празднованию Троицы все-таки проявлялись в выговорах со стороны руководства в 1960-е гг.: «У нас соседка украшала дом березой, березовыми ветками. А муж у нее ездил за доярками. ... [Он ругался], а она, тетя Галя, хохлушка Козлова, и травы накидывала в машину, ветками туда залезет, навтыкает в машину, говорит, а теперь езжай за девками на ферму. Типа так дуги делали и украшали машину. Там ругаются все, а она говорит: “А у нас Троица!”. Ругались, что нельзя, советские же годь» (Максименко Л.Н., 1952 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). «У нас мама не праздновала Троицу, ... в школе работала» (Кривошляпова Т.Г., 1963 г. р. с. Кособоково, Шипуновский район).

Старшее поколение игнорировало рабочие дни в дни больших праздников. Приведем пример из с. Кособоково: «Теть Рая Метрохова, тетя Зоя Черемухина, они все: “Троица!”. Как раз ремонт в школе начинался, они так на бугорок ... выйдут и песняка. В общем, как воскресенье же, Троица, они отмечают. И на второй день опять сидят на бугорке, поют. Им говорят: “В школе сейчас же ремонт!”, а они отвечают: “А у нас Троица. Три дня, Иван Васильевич, не жди!” – и смеются. У нас атеизм, а им все равно. 1932, 1937 года рождения бабушки!» (Быструшкина Н.Т., 1949 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район).

Из сказанного следует, что для 1950–1960-х гг. характерно сочетание традиционных праздников с «новой советской обрядностью». Изменение праздника являлось частью общих трансформаций, происходивших в культуре этноса под воздействием различных факторов: социально-экономических условий его жизни, политического строя, общественного сознания, выраженного в изменениях системы ценностей [Фролова, 2006, с. 13]. На наш взгляд, этот период можно обозначить как адаптационный, когда местные жители применяли элементы из традиционной праздничной обрядности в новых советских праздниках, и наоборот. За фактом трансформации структурных составляющих традиционного праздника, его празднично-обрядовых стереотипов и моделей поведения разных социально-возрастных групп открываются новые горизонты исследования и понимания его роли в культурных и социальных процессах каждого народа [Тульцева, 2011б, с. 3].

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1062. Оп. 1. Д. 4: Планы, работы, переписка за 1957–1962 гг. С. 160.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, спущенная сверху ориентация на новые культурные веяния, коммунистические идеалы и ценности в указанный период способствовали изменению духовного багажа людей, повлекли за собой череду трансформационных процессов в духовной жизни крестьян. Это отразилось на обычаях и обрядах народного праздничного календаря, в частности, на «главных», «больших», по словам информантов, православных праздниках (Рождество, Пасха, Троица).

Уже с конца 1920-х – начала 1930-х гг. происходит разделение взглядов старшего и молодого поколений, что выражается в отношении к «старым» и «новым» праздникам («ваши» и «наши» праздники). Важные изменения прослеживаются в системе традиционных календарных праздников в отношении запретов на работы в праздничные дни (принудительная коллективная работа в селе даже в большие праздники, работа в бригаде), отмечается сдвиг во времени исполнения некоторых обрядов (омовения в Чистый четверг в вечернее время, посещение кладбищ в вечернее время и т.п.).

Говоря о традиционной праздничной обрядности в годы Великой Отечественной войны, мы фиксируем празднование таких праздников, как Рождество (и период Святков), Пасха, Троица. Обрядовые обходы дворов продолжались на Святки. В первой половине 1940-х гг. пасхальные куличи делали из тыквы или очисток от картофеля, в некоторых семьях выкладывали кресты на выпечке вырезками из картофеля. Зафиксирована практика схода женщин в одном доме и пения молитв на Пасху (Всенощное бдение) и в канун Рождества. Основными хранителями и проводниками традиций являлись чаще всего старшие в роду женщины.

Как свидетельствуют полевые исследования, в 1950–1960-е гг. в советской и традиционной праздничной обрядности появились новые адаптационные формы. Можно указать на завязывание лент на березе на Праздник русской березки при награждении звеньев в бригаде, ношение венков «через плечо» девушками в бригадах на Троицу, практику украшать березовыми ветками машин для сельскохозяйственных работ в колхозах на Троицу. Постепенно при сохранении форм самих обрядов понимание смыслов стиралось в сознании молодых поколений. Это способствовало складыванию новой системы праздников, формированию новой советской идентичности сельских жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батченко В.С.* Постановление «О религиозных объединениях» 1929 года и провинциальные религиозные общины // Исторические записки. 2011. № 14 (132). С. 215–235.

2. *Батченко В.С.* Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законодательстве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестн. церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 305–331.

3. Бийский район: История и современность: сб. стат. / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: БГПУ, 2005. Т. 2. 530 с.

4. *Бондаренко С.И.* Культурно-просветительная работа в деревне в 1920-е гг. // Уч. зап. (АГИК). 2018. № 2 (16). С. 27–30.

5. *Корнева В.Ю.* Зерновой код в календарной обрядности русских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 188 с.

6. Культурное строительство на Алтае. 1941–1977. Документы и материалы: сб. стат. / под ред. В.С. Петренко. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. Т. 2. 264 с.

7. *Морозов И.А.* Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение, 2015. № 2. С. 5–14.

8. Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие: сб. стат. / под ред. В.А. Липинской. М.: Индрик, 2016. 616 с.

9. *Тулъцева Л.А.* Ритуально-возрастная стратификация крестьянских сообществ в обрядности Средокрестного дня (по материалам полевых исследований 1986–1993 гг.) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: сб. стат. и очерков. М: ИЭА РАН, 2011. С. 231–259.

10. *Тулъцева Л.А.* Русский праздник и демография в XX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2011а. № 4. С. 64–74.

11. *Тулъцева Л.А.* Традиционные праздники народов России на рубеже столетий: введение в дискуссию // Этнографическое обозрение. 2011б. № 4. С. 3–6.

12. *Тулъцева Л.А.* «У Бога Света всего dospeto»: сакрально-световое пространство русских святков и новые поколения рода племени // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: сб. стат. и очерков. М.: ИЭА РАН, 2011в. С. 259–344.

13. *Фролова А.В.* Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века (традиции и инновации): автореф. дис. на соискание канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

14. *Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И.* Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2004. Ч. 1. 190 с.

15. *Фурсова Е.Ф.* Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 30–34.

REFERENCES

1. *Batchenko V.S.* (2011). Decree «On Religious Associations» of 1929 and provincial religious communities. *Istoricheskie zapiski*, no. 14, pp. 215–235. (In Russ.)

2. *Batchenko V.S.* (2017). Regulatory legal acts of the NKVD in religious lawmaking at the turn of the 1920s–1930s. *Vestnik tserkovnoy istorii*, no. 3/4, pp. 305–331. (In Russ.)

3. *Shcheglova T.K. (Ed.)* (2005). Biysk region: history and modernity. Barnaul, BGPU, vol. 2, 530 p. (In Russ.)

4. *Bondarenko S.I.* (2018). Cultural and educational work in the countryside in the 1920s. *Uchenye zapiski (AGIK)*. No. 2, pp. 27–30. (In Russ.)

5. *Korneva V.Yu.* (2012). Grain code in Russian calendar rituals. Tomsk, Tomsk Univ. Publ, 188 p. (In Russ.)

6. *Petrenko V.S. (Ed.)* (1990). Cultural construction in Altai. 1941–1977: documents and materials. Barnaul, Altai Bk. Publ, vol. 2, 264 p. (In Russ.)

7. *Morozov I.A.* (2015). Local traditions and changing identities. *Etнографическое обозрение*, no. 2, pp. 5–14. (In Russ.)

8. *Lipinskaya V.A. (Ed.)* (2016). Traditional culture of the Russian people in the 1920–30s: transformation and development. Moscow, INDRIK, 616 p. (In Russ.)

9. Tultseva L.A. (2011). Ritual-age stratification of peasant communities in the rites of the Middle of the Cross Day (based on field research in 1986–1993). In: *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu: sbornik statey i ocherkov*. Moscow, pp. 231–259. (In Russ.)

10. Tultseva L.A. (2011a). Russian holiday and demography in the XX – early XXI centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 64–74. (In Russ.)

11. Tultseva L.A. (2011b). Traditional holidays of the peoples of Russia at the turn of the century: an introduction to discussion. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 3–6. (In Russ.)

12. Tultseva L.A. (2011c). «With the God of Light, everything is done»: the sacred-light space of Russian Christmas time and new generations of the clantribe. In: *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda:*

ot proshlogo k nastoyashchemu: sbornik statey i ocherkov. Moscow, pp. 259–344. (In Russ.)

13. Frolova A.V. (2006). Holidays of the Russians of the Arkhangelsk North in the XX – early XXI centuries (traditions and innovations): diss. abstr. Moscow, 34 p. (In Russ.)

14. Fursova E.F., Vasekha L.I. (2004) Essays on the traditional culture of Ukrainian settlers in Siberia in the XIX – the first third of the XX century (based on materials of Novosibirsk Region). Novosibirsk, AGRO-SIBIR', vol. 1, 190 p. (In Russ.)

15. Fursova E.F. (2019). Main factors in forming the ethnocultural identity (based on the materials of Siberian Russians at the turn of the XIX – XX centuries). In: *Etnoculturnaya identichnost narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Novosibirsk, pp. 30–34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.03.2022

Дата рецензирования 28.04.2022

Статья принята к публикации 05.05.2022

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15372/HSS20220205
УДК 94(470.56)''1800/1850''

¹Н.Л. СЕМЕНОВА, ²С.В. ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

¹Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
РФ, 453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49

²Оренбургский государственный педагогический университет,
РФ, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
Самарский федеральный исследовательский центр РАН,
РФ, 443001, Самара, Студенческий переулок, 3А

В статье рассматриваются административные инициативы, подготовленные оренбургскими гражданскими губернаторами и представленные верховной власти в первой половине XIX в. Авторы на основе архивных документов, преимущественно материалов делопроизводства, уделяют основное внимание изучению содержания, механизм реализации предложений гражданских губернаторов в практике управления Оренбургской губернией, где совместно функционировали институты военного и гражданского губернаторства. Сделан вывод, что инициативы оренбургских гражданских губернаторов затрагивали прежде всего подведомственные им учреждения местного управления, а содержание их инициатив определялось компетенцией и степенью власти начальников губернии. Собственные предложения гражданских губернаторов касались только частных вопросов, большая часть которых носила хозяйственный характер. В тех случаях, когда представления оренбургских гражданских губернаторов были инициированы правительством или военным губернатором, они касались порядка работы, штатов присутственных мест, выясняли мнения начальников губернии о готовящихся или проводимых реформах. Инициативы оренбургских гражданских губернаторов, их рассмотрение главным начальником края, Комитетом министров подтверждают вывод историографии о том, что в первой половине XIX в. в административном пространстве Российской империи присутствовал постоянный диалог между центральной и региональной властями.

Ключевые слова: *Оренбургская губерния, военный губернатор, гражданский губернатор, Комитет министров, император, местное управление, губернское правление, губернаторские отчеты.*

Наталья Леонидовна Семенова – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, e-mail: natalja_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9201-3842>

Сергей Валентинович Любичанковский – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; ведущий научный сотрудник, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, e-mail: svlubich@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Nataliya L. Semenova – Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Chair of History of the Russia and Method of the Teaching, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Sergey V. Lyubichankovskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Chair of History of the Russia, Orenburg State Pedagogical University; Leading Scientist Researcher, Samara Federal Research Center, Samara.

N.L. SEMENOVA, S.V. LYUBICHANKOVSKIY

**ADMINISTRATIVE INITIATIVES OF THE CIVIL GOVERNORS
OF THE ORENBURG PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Sterlitamak Branch of the Bashkir State University,
49, Lenin Avenue, Sterlitamak, 453103, Russian Federation
Orenburg State Pedagogical University,
19, Sovetskaya str., Orenburg, 460014, Russian Federation
Samara Federal Research Center RAS,
3A, Studencheskiy pereulok, Samara, 443001, Russian Federation

The article objective is to analyze the administrative initiatives and proposals prepared by Orenburg civil governors and presented to the supreme power in the first half of the XIX century. The solution of this research problem will help to reveal fully the administrative mechanisms of the Orenburg Province, where a special model of power functioned based on the interaction of the military and civil governorship institutions. The article subject field involves the content analysis of proposals and initiatives of Orenburg civil governors, features of their consideration and implementation. The work source base are legislative acts; paperwork materials: presentations and reports of Orenburg civil governors to the military governors, the Minister of Internal Affairs, annual all-subject reports of the chiefs on the situation in the Province, results of a review of provincial and county government offices, official correspondence.

The analysis made it possible to conclude that the proposals and initiatives of Orenburg civil governors in the first half of the XIX century were determined by their competence and degree of power, affecting primarily the institutions of local government subordinate to them – the provincial government, the office, the police, and since 1842 – all provincial institutions. According to the procedure established by law, they were sent to the military governor for consideration, then – to the Committee of Ministers, and to the Emperor. Unlike the projects of Orenburg military governors, which were of a comprehensive, large-scale nature, affecting the military, civilian, border parts in the region, which corresponded to the subjects of their jurisdiction, proposals of the civil governors provided only individual measures to improve the local government system. In those cases when the representations of Orenburg civil governors were initiated by the government or the military governor, they concerned the order of work, the states of government offices. A number of notes and projects of Orenburg Province heads arose as results of a direct appeal to the government to clarify the opinion of the governors about the upcoming reforms, changes in states. The civil governors' proposals, which were drawn up on their own initiative, concerned minor economic issues – improving the fire station, constructing new buildings for hospitals, almshouses. An analysis of the civil governor proposals allows us to conclude that in the administrative space of the state there was a constant dialogue between the central and regional authorities in the first half of the XIX century.

Key words: *Orenburg Province, military governor, civil governor, Committee of Ministers, emperor, local government, provincial government, governor's reports.*

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVIII – первой половине XIX в. в Оренбургской губернии сформировалась особая модель управления, основанная на совместном функционировании институтов военного и гражданского губернаторства. Она была обусловлена крайним положением губернии на границе с Казахской степью, наличием Оренбургской оборонительной линии, транзитных путей торговли с Сибирью, Средней Азией, многочисленным контингентом военно-служилого населения.

Власть военного губернатора распространялась на весь Оренбургский край, географические границы которого не были оформлены законодательно, а определялись особым статусом макрорегиона. «Предметы ведения» главного начальника края включали управление гражданской частью в Оренбургской губернии; командование войсками края (так как в его состав входили башкирские и мишарские кантоны в Вятской, Пермской и Саратовской губерниях, земли Уральского казачьего войска), пограничные дела и управление Казахской степью (Букеевская орда,

Ново-Линейный и Ново-Илекский районы). Оренбургский военный губернатор соединял в своих руках военно-пограничные функции, управление гражданской частью в губернии, «надзор с правом исправления».

Власть гражданского губернатора была ограничена Оренбургской губернией, которая являлась административно-территориальной единицей Российской империи, формально относилась к категории внутренних губерний, устроенных в соответствии с общероссийскими штатами. Гражданский губернатор обладал распорядительной и надзорной властью: осуществлял руководство губернскими учреждениями, контроль за их деятельностью, возглавлял губернское правление.

Оренбургский военный губернатор как главный начальник края выступал инициатором или экспертом проектов реформ и преобразований, касавшихся военных, гражданских и пограничных дел в губернии: никакая «новая мера, или особое распоряжение, относящиеся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае, не предпринимаются иначе,

как по предварительном истребовании соображений и заключений генерал-губернатора»¹. Все инициативы и предложения оренбургских гражданских губернаторов, согласно «Общего учреждения министерств» 1811 г., не могли поступать на рассмотрение министров или императора «... мимо главного начальника губернии»². Копии ежегодных всеподданнейших отчетов оренбургских гражданских губернаторов представлялись военному губернатору. Из этого правила исключались отправление срочных ведомостей о состоянии дел в губернии, «движении сумм», а также доклад гражданского губернатора, если он находил распоряжение главного начальника края «противным существующим постановлениям»³. Министры давали указания губернскому начальству, сообщая о них главному начальнику для контроля за исполнением⁴. Таким образом, согласно законодательству, главный начальник Оренбургского края должен быть в курсе всех инициатив местной гражданской администрации, и без предварительного согласования с военным губернатором, учета его мнения никакие предложения губернатора не могли быть представлены правительству и осуществлены.

В первой половине XIX в. оренбургские военные губернаторы были включены в проектную деятельность по реформированию системы управления Оренбургской губернией. Составленные ими планы административных преобразований инициировались верховной властью и преследовали цель – найти оптимальную модель устройства местного управления, разделить Оренбургскую губернию; упростить и по возможности упорядочить и унифицировать систему управления многочисленным разнородным населением края; привлечь в край грамотных и подготовленных чиновников; построить институт военного губернатора в министерскую модель управления в государстве.

В проектах оренбургских военных губернаторов П.К. Эссена и П.П. Сухтелена широко использовались идеи «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г. М.М. Сперанского, в частности, принципы и положения модели генерал-губернаторского правления. Они предполагали разделение Оренбургской губернии на две, учреждение должности генерал-губернатора. По аналогии с «Учреждениями для управления Сибирских губерний» 1822 г. предлагалось ввести главное управление, губерн-

ское управление, окружное управление, волостное и инородческое управление [Семенова, 2014, 2017]. В 1840-е гг. акцент в проектах реформ Оренбургской губернии смещается. Военный губернатор В.А. Перовский, соглашаясь с необходимостью разделения губернии, выдвигает на первый план трансформацию сословий Оренбургского края, которые несли многочисленные натуральные, трудовые повинности в пользу государства, в однородное податное (по терминологии того времени, «гражданское») сословие [Семенова, 2017]. Начиная с оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, проводилась большая работа по реформированию Башкиро-мещеряцкого войска, что было связано с его низкой боеспособностью и архаической системой организации [История башкирского народа, 2011, с. 47–49].

Административные инициативы оренбургских гражданских губернаторов в первой половине XIX в., их содержание, механизмы реализации пока не стали предметом специального исследования. В историографии сделан сравнительный анализ проектов реформирования губернского управления Российской империи, разработанных на рубеже XIX – XX вв. в среде высшего руководства Оренбургской и Уфимской губерний – «Записка о губернской реформе» неперменного члена Оренбургского губернского присутствия И.М. Страховского и «Записка» уфимского гражданского губернатора И.Н. Соколовского [Любичанковский, 2005, с. 9–16]. Используя метод контент-анализа, С.В. Любичанковский рассмотрел недостатки местного управления, выделенные авторами проектов, цели и методы преобразований. Он пришел к выводам, что все предложения были направлены на усиление и расширение власти губернатора, признавали бюрократический аппарат серьезным фактором развития системы власти на местах, а потому выступали за необходимость повышать уровень подготовки служащих губернских учреждений.

Целью данной статьи является анализ административных инициатив и предложений, подготовленных оренбургскими гражданскими губернаторами и представленных верховной власти в первой половине XIX в. Решение данной исследовательской задачи поможет более полно раскрыть механизмы управления в тех губерниях, где взаимодействовали институты военного и гражданского губернаторства.

Источниковую базу составили материалы делопроизводства, в том числе представления и рапорты оренбургских гражданских губернаторов военным и в МВД, отчетная документация – ежегодные всеподданнейшие отчеты начальников о состоянии губернии, результаты обозрения губернских и уездных присутственных мест, официальная переписка.

¹ Свод законов Российской империи (СЗ РИ). СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. Общее губернское учреждение. Ст. 329.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 31, № 24 686. § 275.

³ ПСЗ I. Т. 31. № 24 686. § 276.

⁴ Там же. § 277.

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРОЕКТЫ
ОРЕНБУРГСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.**

Первые представления оренбургских гражданских губернаторов в начале XIX в., направлявшиеся к военному губернатору и в правительство, касались корректировки штатов губернских, уездных присутственных мест и были инициированы центральной властью. Так, с 1802 г. глава Министерства внутренних дел В.П. Кочубей последовательно решал задачу сбора подробной информации о состоянии «всех частей» в губерниях Российской империи, в том числе о положении губернских и уездных учреждений. В связи с этим губернаторам было предписано наряду с ежегодными отчетами направлять в МВД карты губерний, планы городов, сведения о ценах и происшествиях.

Введение министерской системы привело к количественному росту дел в губернском правлении, связанных с деятельностью местных учреждений, распоряжениями центральных органов, Сената, и сразу выявило проблемы в организации местного управления. К министру внутренних дел В.П. Кочубею поступали представления от губернаторов о нехватке чиновников, чрезвычайно низком жалованье служащих губернских правлений и постоянном дефиците выделенных сумм на канцелярские расходы⁵. В 1805 г. в МВД обратились псковский, архангельский, подольский, пермский губернаторы; в 1809 г. – архангельский, рязанский, астраханский, витебский, лифляндский и черниговский.

В октябре 1806 г. к министру внутренних дел поступило обращение оренбургского гражданского губернатора И.Г. Фризея, предварительно рассмотренное и одобренное военным губернатором Г.С. Волконским⁶. Гражданский губернатор считал, что штат Оренбургского губернского правления, который был принят в 1802 г., явно недостаточен. Фризель предлагал прибавить двух ассессоров и одного секретаря: «...первых двух для посылок по делам службы, требующих местных изысканий, ... а последнего – по множеству вступающих дел в губернское правление», что позволило бы избежать «волокичества» и медленности в рассмотрении дел. Гражданский губернатор полагал необходимым дополнительно определить в нижние суды Уфимского, Троицкого, Белебеевского, Мензелинского, Бузулукского уездов по одному заседателю от дворянства ввиду того, что территория указанных уездов гораздо обширнее остальных⁷.

Министр внутренних дел признал предложения оренбургского гражданского губернатора И.Г. Фри-

зея вполне обоснованными, поскольку в присутственных местах Оренбургской губернии накопилось очень много «запутанных дел между башкирцами и другими народами магометанского вероисповедания». Однако предлагавшиеся изменения не были оформлены законодательно, поскольку В.П. Кочубей был уверен в необходимости реформирования всей системы местного управления.

Собранный материал позволил В.П. Кочубею не только представить императору подробнейший «Краткий отчет по министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 г.», но и в 1806 г. составить «Записку» о состоянии местного государственного управления в Российской империи [Писарькова, 2012, с. 149–152]. Признавая значительное увеличение делопроизводства, министр внутренних дел считал важным более четко разграничить функции между губернскими учреждениями, решить проблему нехватки чиновников, усилить земскую полицию, повысить престиж губернаторской должности.

В первые десятилетия XIX в. вопросы местного управления вносились на обсуждение в Комитет министров, который не обсуждал проекты реформ, но уточнял функции сословных учреждений и коронной власти, разбирал результаты рассмотрения жалоб на губернаторов, поступавших на высочайшее имя, донесения о проведенных ревизиях [Середонин, 1902, т. 1, с. 432]. Комитет министров мог назначить следствие, рекомендовать императору направить ревизию в ту или иную губернию. Он утверждал положения Сената, которые устанавливали выговоры или штрафы для губернаторов и губернских правлений. Комитет министров мог принять меры для «улучшения» существующих учреждений: увеличить число чиновников, улучшить их содержание. Принятые решения поступали на утверждение к императору [Середонин, 1902, с. 461].

По подсчетам Н.П. Ерошкина, в 1775–1837 гг. было издано 235 указов, направленных на усовершенствование работы губернских правлений Российской империи [Ерошкин, 1983, с. 440]. Они предусматривали расширение штата, дополнительное финансирование, более четкое определение функций чиновников. Изменения затрагивали и Оренбургскую губернию. Так, в 1822 г. ходатайство оренбургского гражданского губернатора М.А. Наврозова, направленное сначала к военному губернатору П.К. Эссену, а затем – в МВД о прибавке одного секретаря в штат губернского правления с жалованьем 350 руб. в год, было рассмотрено в Комитете министров, а затем, 4 марта, утверждено императором⁸.

Комитет министров довольно часто прибегал к увеличению числа заседателей и чиновников по гу-

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. Д. 402 а. Л. 11.

⁶ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 2092. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7842. Л. 2.

бернским и уездным учреждениям, разрешал создание временных комиссий и экспедиций для разбора скопившихся дел. В таких случаях дополнительные расходы падали на местное общество, если происходило увеличение штатов полиции, то создавались особые комиссии в составе предводителя дворянства, городского головы, полицмейстера для «поиска» источников финансирования [Середонин, 1902, с. 463].

В отдельных случаях правительство шло на увеличение канцелярских расходов для всех губернских правлений, хотя порядок обсуждения, согласования и принятия решения был довольно долгим. Так, в ноябре 1811 г. на имя оренбургского военного губернатора князя Г.С. Волконского поступило донесение от губернского правления о том, что установленная сумма – 251 руб. 67 коп. «как на майскую, так и на сентябрьскую трети без остатка употреблена в расход», поэтому правление предлагало «... взять потребное число бумаги и прочих вещей у купцов заимообразно»⁹. В августе 1812 г. оренбургский гражданский губернатор М.А. Наврозов, чтобы не допустить остановки делопроизводства, приказал отпустить из сумм Приказа общественного призрения в губернское правление 100 руб. «заимообразно до получения суммы на сентябрьскую треть»¹⁰. Он подготовил представление военному губернатору об увеличении суммы на канцелярские расходы губернского правления. Переписка и согласование продолжались весь 1813 г. В августе 1814 г. обсуждение вопроса завершилось рассмотрением в Комитете министров, было решено сделать прибавку на канцелярские расходы по каждой губернии. В Оренбургской губернии эта дополнительная сумма составила 2 500 руб.¹¹.

Огромный объем дел возлагался на канцелярских чиновников губернского правления, жалованье которых в первые десятилетия XIX в. составляло от 70 до 120 руб. По сравнению с другими губернскими учреждениями, например канцелярией военного губернатора, где письмоводитель получал 300 руб., а канцелярист – 150 руб., эта сумма была заметно меньше¹². В марте 1821 г. служащие Оренбургского губернского правления жаловались гражданскому губернатору М.А. Наврозову, что они «... не могут на получаемое жалованье содержать себя, потому просят уволить их для приискания других должностей, некоторые просят определить их в штат канцелярии генерал-губернатора, а некоторые – в штат казенной палаты»¹³. Чиновники писали, что после пожара в 1816 г. в г. Уфе значительно выросла плата за жилье, а окладные жалованья чиновников остались прежни-

ми, у многих из них – дети, престарелые родители. Поскольку не хватало денег, то «служащие не заботятся о службе, а ищут способы пропитания»¹⁴. Гражданский губернатор М.А. Наврозов направил прошение об увеличении жалованья и числа чиновников во всех присутственных местах Оренбургской губернии военному губернатору П.К. Эссену, который обратился с представлением в Министерство внутренних дел.

Ситуация в Оренбургской губернии была абсолютно типичной. Так, в Астраханской губернии губернатор «насиленно» удерживал канцелярских служащих, в Риге «застрелились двое чиновников» по причине «крайней нужды» [Середонин, 1902, с. 464]. Комитет министров, «приняв к сведению» все поступающие представления военных и гражданских губернаторов, высказался за то, что «несправедливо возвышать штаты одной губернии». В 1823 г. В.П. Кочубей вновь обратился в Комитет министров с докладом об увеличении губернских штатов. Изменение штатов всех губернских правлений Российской империи было оформлено указом от 14 ноября 1824 г. «О штатах губернских правлений и о прибавке жалованья», который увеличил число чиновников и размеры окладов, оформил внутреннюю структуру, состоявшую из присутствия и канцелярии, ввел ряд новых должностей с соответствующими функциями¹⁵.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830–1850-е гг.

Пересмотр штатов канцелярий губернских правлений в 1835 г. проходил в тесном взаимодействии с начальниками губерний. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов предписал всем губернаторам представить свои предложения об «устройстве» канцелярий губернских правлений, городских полиций «для точнейшего определения меры потребного каждому их них содержания»¹⁶.

Оренбургский гражданский губернатор А.П. Гевлич составил справку, в которой проанализировал существующее положение канцелярии Оренбургского губернского правления, указав, что она разделена на три отделения. Каждое отделение включает три стола, в состав которых входят столоначальник с помощником, три писца высшего, среднего и низшего разрядов¹⁷. А.П. Гевлич признавал необходимым иметь в канцелярии правления дополнительно особого секретаря для переписки журналов о «ежедневных занятиях» губернского правления, которые включают «от 40

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 402а. Л. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 141.

¹² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5669. Л. 17.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 7637. Л. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ПСЗ I. Т. 44. Книга штатов. Ч.2. № 30 116.

¹⁶ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1344. Л. 61.

¹⁷ Там же.

до 80 статей составление о вступивших бумагах докладных регистров по каждому отделению особо». Огромное количество дел, поступавших в губернское правление, было связано с особенностями Оренбургской губернии, занимавшей пограничное положение, населенной «... разными обитателями, имеющими свои отдельные начальства», с которыми, в том числе и пограничными, губернское правление ведет переписку. Кроме того, работа канцелярии «затруднительна из-за мер отыскания кантонистов, прибывших с переселенцами из разных губерний без сведений начальства, у кого они были на счету, высылки людей, самовольно зашедших в здешнюю из других губерний без сведений казенных палат» и взыскания с них недоимок¹⁸.

На основании сведений, представленных гражданскими губернаторами, министр внутренних дел Д.Н. Блудов составил проекты устройства канцелярий губернских правлений и городских полиций, которые были рассмотрены в Комитете министров¹⁹. 9 января 1835 г. был подписан именной указ «об отпуске добавочной суммы на улучшение губернских штатов»²⁰. Канцелярии всех гражданских губернаторов были разделены на три разряда. Оренбургскую губернию отнесли ко второй категории, для канцелярий которой предусматривалось выделение дополнительной суммы в размере 2 тыс. руб.²¹ Гражданским губернаторам предоставлялось право по мере необходимости увеличивать или уменьшать число писцов, «не выходя из штатной суммы и придерживаясь лишь в производстве им жалованья определенных окладов». Остатки сумм, которые могли возникнуть от недокомплекта канцелярских служителей, следовало использовать «на разные улучшения канцелярии и на выдачу временных пособий в поощрение радетельнейших и усерднейших чиновников, доводя лишь всякий раз о том до сведения Министерства Внутренних Дел»²². Всем губернским правлениям предоставлялось право «распределения столов, увеличение или уменьшение числа канцелярских чиновников по мере надобности», не выходя за пределы штатных сумм.

Указ предполагал изменение штата Оренбургского губернского правления, канцелярии гражданского губернатора, но устройство городских и земских полиций было оставлено без изменений, за исключением прибавки оренбургскому полицмейстеру – 500 руб., на канцелярию оренбургской городской полиции – 400 руб.²³ Изменения штатов губернского правления коснулись сохранения должности только

одного секретаря и увеличения числа регистраторов с 4 до 5 чел. Оклад гражданского губернатора был установлен в 12 тыс. руб., расходы на канцелярию гражданского губернатора устанавливались в 10 тыс. руб., на Оренбургское губернское правление, включая типографию, – 41 тыс. руб., на полицию уездных городов (кроме Оренбурга) – 2 тыс. руб. на каждую, на все земские суды – 141 600 руб.²⁴ Император предполагал вести указанные суммы сроком на один год, а затем предоставить «соображения о новом устройстве губернского и уездного управления и о порядке производства дел войти с особым представлением».

Особенностью деятельности Оренбургского губернского правления являлось то, что оно осуществляло контроль над Оренбургским магометанским духовным собранием, над открытием мусульманских приходов, утверждало претендентов на должности ахуна, имама, муэдзина. С 1829 г. все претенденты на эти должности должны были сначала являться в губернское правление и только потом – в магометанское духовное собрание [История башкирского народа, 2011, с. 190]. Мечети, построенные без разрешения, подлежали закрытию.

С начала XIX в. вопрос о компетенции Оренбургского магометанского духовного собрания в решении гражданских споров мусульман неоднократно обсуждался в правительстве. В частности, в 1824 г. был рассмотрен проект оренбургского ахуна Г. Габдрахимова «Правила о магометанских супружеских делах», который предусматривал, что разбирательство гражданских споров должно производиться по мусульманским традициям ахунами, а муфтии и Оренбургское магометанское духовное собрание могли пересматривать их решения [История башкирского народа, 2011, с. 192]. Оренбургский гражданский губернатор Г.В. Нелидов в мае 1825 г. представил свое мнение по этому вопросу. Он полагал, что нельзя расширять власть мусульманского духовенства и чиновников, следует передать рассмотрение всех брачных и имущественных споров только в гражданские суды [История башкирского народа, 2011, с. 192].

В 1828 г. оренбургский вице-губернатор Н.Д. Хирьяков предложил своей проект, который был положен в основу «Правил о магометанских метрических книгах» [История башкирского народа, 2011, с. 192]. Он предусматривал передачу муллам функций нотариусов, а Духовному собранию – нотариальной конторы, куда могли обращаться мусульмане для разрешения брачных и имущественных споров.

Реализация проекта вице-губернатора привела к значительному увеличению делопроизводства Оренбургского магометанского духовного собрания и вы-

¹⁸ НА РБ. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 1344. Л. 61 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 61 об.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 63.

²⁴ Там же. Л. 17.

звала необходимость расширения штата его канцелярии²⁵. В феврале 1836 г. после многочисленных согласований с оренбургскими гражданским и военным губернаторами Николай I подписал указ о новых штатах Духовного собрания в составе: муфтия (с жалованьем 2 тыс. руб.), 3 членов (по 750 руб. каждому), секретаря (100 руб.), переводчика (600 руб.), 2 столоначальников (по 600 руб. каждому), журналиста, являвшегося одновременно и архивариусом (500 руб.), 4 канцелярских служителей среднего оклада, один из которых должен был знать русский и татарский языки (по 240 руб. каждому), 4 канцелярских служителей низшего оклада (по 190 руб.), выделялись суммы на паек и обмундирование (480 руб.), а также на освещение и наем сторожа (1200 руб.).²⁶ Таким образом, гражданский губернатор выступил инициатором реформирования Оренбургского магометанского духовного собрания, после чего последовало согласование проекта с главным начальником края.

Верховная власть признавала, что местная администрация гораздо более точно представляла пути и методы дальнейшей интеграции Духовного собрания в систему местного государственного управления Российской империи.

Всподданнейшие отчеты оренбургских гражданских губернаторов позволяют составить представление о ежегодных проектах и предложениях, подготовленных начальниками губернии. Важно отметить, что с 1842 г. гражданские губернаторы получили право надзора над всеми губернскими учреждениями. Согласно подсчетам И.М. Гвоздиковой, отчеты за 1843 – 1853 гг. содержали более 50 представлений, ходатайств и мнений оренбургских гражданских губернаторов по делам управления, хозяйственного обустройства губернии [Гвоздикова, 2010, с. 106].

Так, в отчете за 1848 г. оренбургский гражданский губернатор Н.В. Балкашин указал, что «по требованию высшего начальства» представил свои соображения об объединении оренбургских палат уголовного и гражданского суда, о проекте введения гербовой бумаги, о порядке снабжения рекрут полубудками, о закупе в Оренбургской губернии хлебных продуктов, «об удобстве» присоединения подводной повинности к прочим натуральным повинностям и о способах исполнения на местах, об открытии в трех уездных городах училищ и об «усилении существующих»²⁷. Часть предложений была составлена по собственной инициативе гражданского губернатора: о необходимости ремонта казенных зданий, о покупке дома для уфимской городской полиции и пожарной части²⁸. В отчете за 1849 г. гражданский губер-

натор упомянул свои «соображения» о пресечении конокрадства среди жителей, принадлежащих к военному сословию, об учреждении «обывательских караулов в городах для предотвращения пожаров», об устройстве в теплярских селениях хлебных запасных магазинов, о порядке наблюдения уездными стряпчими за присутственными местами, находящимися вне уездных городов, о клейнении весов и мер в уездных городах, об учреждении почт²⁹.

В течение 1850 г. оренбургский губернатор по распоряжению правительства представил сведения об обустройстве исправительных заведений в г. Уфе и подготовке проектов нового здания для них, о мерах по прекращению побегов арестантов из исправительных учреждений, об открытии в губернии новых пунктов для продажи соли, по поводу того, «какую казенную палату следует считать местной при найме в рекруты: ту, в которой наниматель и наемник договаривались о найме, или ту, где наемщик состоит записанным по ревизии, и какой было бы удобнее ввести порядок для устранения могущих быть подлогов в документах, представляемых при найме охотников не в той губернии, где они по ревизии записаны»³⁰. Сам гражданский губернатор Н.В. Балкашин выступил инициатором предложений об учреждении в г. Уфе 16 будок для облегчения работы полиции, о закрытии некоторых неудобных почтовых трактов в губернии (например, от станции Явгильдиной до Саткинского завода) и открытии вместо них новых – от Уфы до Саткинского завода, от Бугульмы до Сергиевских минеральных вод. Гражданский губернатор Н.В. Балкашин в отчетах обращал внимание главного начальника края и правительство на то, что штаты городских полиций Оренбургской губернии не справляются с огромным количеством поступивших дел. Поэтому он просил об открытии временных отделений в Уфимской и Оренбургской городской полициях для разбора старых дел.

Значительное место в деятельности гражданских губернаторов занимала организация городского управления. До середины XIX в. в Уфе, Оренбурге и Челябинске были думы и магистраты, в Троицке – дума и ратуша, в Мензелинске – ратуша. Н.В. Балкашин в 1849 – 1850 гг. в своих представлениях предлагал учредить в оставшихся семи городах Оренбургской губернии ратуши³¹. Он обращался с просьбами о выделении временных пособий на канцелярские расходы для уездных судов. В 1849 г. такое пособие в размере 500 руб. по его ходатайству было выдано Уфимскому уездному суду, а в 1853 г. – 300 руб. Оренбургскому уездному суду³².

²⁵ НА РБ. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 1344. Л. 55.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. И–6. Оп. 2. Д. 63. Л. 96 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 143 об.–144.

³⁰ Там же. Л. 383–383 об.

³¹ Там же. Л. 39, 124.

³² Там же. Л. 55–56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ административных инициатив гражданских губернаторов в первой половине XIX в. позволяет сделать вывод, что они определялись компетенцией и степенью власти начальника Оренбургской губернии. Предложения гражданских губернаторов в первые десятилетия XIX в. затрагивали прежде всего подведомственные им учреждения местного управления – губернское правление, канцелярию, полицию, а с 1842 г. – все губернские учреждения. Особое место занимали инициативы, касавшиеся Оренбургского магометанского духовного собрания, находившегося под контролем губернского правления. Губернаторы не могли со своими представлениями обратиться напрямую к министрам, минуя главного начальника края. После рассмотрения оренбургскими военными губернаторами их представления передавались министру внутренних дел, далее вносились в Комитет министров и для окончательного принятия решения – императору.

Предложения гражданских губернаторов могли быть составлены по собственной инициативе либо по указанию военного губернатора, правительства, императора. В первом случае они касались преимущественно незначительных хозяйственных вопросов – улучшения пожарной части, постройки новых зданий для больниц, богаделен. В отличие от проектов оренбургских военных губернаторов, которые носили масштабный характер, затрагивая все предметы их ведения, инициативы гражданских губернаторов включали только отдельные меры или комплекс предложений по совершенствованию системы местного управления. В тех случаях, когда представления оренбургских гражданских губернаторов были инициированы правительством или военным губернатором, они касались порядка работы, штатов присутственных мест, были более подробными и включали собственные оценки начальника губернии. Ряд записок и проектов начальников Оренбургской губернии возник в результате прямого обращения правительства с целью выяснения мнения гражданских губернаторов по поводу готовящихся реформ, изменения штатов. Это позволяет заключить, что при реформировании местного государственного управления в первой половине XIX в. правительство пыталось объединить две тенденции: с одной стороны – унифицировать их структуру, установить единообразные формы делопроизводства, упростить порядок рассмотрения и решения дел, более точно определить функции служащих, усилить контроль за работой чиновников и повысить их ответственность. С другой стороны, четко прослеживается стремление учитывать региональную специфику, которая нашла отражение в распределении губерний Российской империи по нескольким категориям, сохранении постоян-

ного диалога между центральной и региональной властями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гвоздиков И.М.* Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа: Китап, 2010. 384 с.
2. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений до-революционной России. М.: Высш. шк., 1983. 306 с.
3. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кулшарипов. СПб.: Наука, 2011. Т. IV. 400 с.
4. *Любичанковский С.В.* Проекты реформирования губернского управления Российской империи на рубеже XIX – XX вв.: позиция руководства Южно-Уральского региона // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 4. С. 9–16.
5. *Писарькова Л.М.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
6. *Семенова Н.Л.* Проблема разделения Оренбургской губернии: проект военного губернатора П.К. Эссена // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 22 (351). С. 47–55.
7. *Семенова Н.Л.* Административно-территориальное переустройство Оренбургской губернии в проектах военных губернаторов края в 30 – 40-е гг. XIX в. // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2017. № 4 (24). С. 147–156. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/14_4_2017.html
8. *Середонин С.М.* Комитет министров. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902). СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19) / сост. С.М. Середонин. 608 с.

REFERENCES

1. *Gvozdikova I.M.* (2010). Civil administration in the Orenburg province in the first half of the XIX century. (1801–1855). Ufa: Kitap, 384 p. (In Russ.)
2. *Eroshkin N.P.* (1983). History of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Vysshaya shkola, 306 p. (In Russ.)
3. *Kulsharipov M.M. (Ed.)* (2011). History of the Bashkir people: in 7 vols. Vol. 4. Saint Petersburg: Nauka, 400 p. (In Russ.)
4. *Lyubichankovsky S.V.* (2005). Projects of reforming the provincial administration of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries: the leadership position of the South Ural Region. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 9–16. (In Russ.)
5. *Pisarkova L.M.* (2012). Public administration of Russia in the first quarter of the XIX century: ideas, projects, implementation. Moscow: New Chronograph, 448 p. (In Russ.)
6. *Semenova N.L.* (2014). The problem of division of the Orenburg Province: the project by P.K. Essen, a military governor. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22, pp. 47–55. (In Russ.)
7. *Semenova N.L.* (2017). Administrative-territorial reorganization of Orenburg Province in the projects of the military governors of the region in the 1830s–40s. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 147–156. [Available online]. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/14_4_2017.html. (In Russ.)
8. *Seredonin S.M. (Comp.)* (1902). Committee of Ministers. Historical review of the activities of the Committee of Ministers: on the centenary of the Committee of Ministers (1802–1902). Saint Petersburg: Committee of Ministers Office, vol. 1: Committee of Ministers in the reign of Emperor Alexander I (1802 September 8 – 1825 November 19), 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.03.2022

Дата рецензирования 24.03.2022

Статья принята к публикации 14.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220206

УДК 94(57)“18”+930

Н.П. МАТХАНОВА

**СИБИРСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.А. АРЦИМОВИЧА:
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ**Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В рамках направлений имперские исследования и персональная история предпринято новое обращение к материалам, связанным с сибирским периодом жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля В.А. Арцимовича. Осуществлен критический анализ источников официального и личного происхождения, широко используемых при изучении истории управления Сибири имперского периода. Доказывается авторство В.А. Арцимовича в отношении подписанных Н.Н. Анненковым документов ревизии управления Западной Сибири. Это обстоятельство необходимо учитывать для понимания взглядов Арцимовича на проблемы и перспективы региона, для адекватной оценки масштаба его личности. Изучена частная переписка членов семьи Арцимовича и письма ему Я.С. Скропышева. Делается вывод об активном участии в создании очерка Скропышева о Тобольской губернии в 1850-е гг. вдовы и детей В.А. Арцимовича, которые предоставили тщательно отобранные ими материалы из семейного архива.

Ключевые слова: история Сибири XIX в., управление, чиновничество, источниковедение, эго-документы, эпистолярный, В.А. Арцимович, Я.С. Скропышев.

N.P. MATKHANOVA

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation**SIBERIAN PERIOD OF V.A. ARTSIMOVICH'S ACTIVITY:
REVISITING THE SOURCES**

The article aims to reconsider the sources that reflect the Siberian episode of V.A. Artsimovich biography, an outstanding statesman of the Russian Empire, from the point of view of imperial studies and personal history. The study base includes two groups of sources. The first one comprises documents from the revision of the administration of West Siberia led by Adjutant General N.N. Annenkov, and notes by V.A. Artsimovich, preserved in his collection of documents. Their textual similarities, found while studying revision documents and V.A. Artsimovich's notes, confirm the author's hypothesis that some documents signed by N.N. Annenkov were initially prepared by V.A. Artsimovich. Moreover, these documents played a major role in establishing the 2nd Siberian Committee. This fact is crucial for understanding the essence and the evolution of Artsimovich's worldview and opinion on the Siberian region problems and future, to assess his personality adequately. The second group of sources is private correspondence and memoirs (or semi-memoirs). Letters by Ya.S. Skropyshev to V.A. Artsimovich show him as the most educated, trusted, and close person to the governor. Comparing the texts of Skropyshev's semi-memoir essay on the Tobolsk Province of the 1850s with letters of V.A. Artsimovich's relatives demonstrates that the content and nature of the essay, characteristics of Tobolsk Governor himself, his relationship with the Governor-General of West Siberia G.Kh. Gasford, Senator M.N. Zhemchuzhnikov are largely influenced by views of Artsimovich's family members. It was they who initiated the creation of essay by Skropyshev and provided him with materials from the family archive and contributed to the publication of notes in "Vestnik Evropy", and then in the collection of documents "Viktor Antonovich Artsimovich. Memories. Characteristics". These circumstances should be taken into account when referring to Skropyshev's essay on the Tobolsk Province, which is widely used by researchers. The explicit, frank and constant patronage of M.N. Zhemchuzhnikov towards V.A. Artsimovich reflected in the correspondence of family members can serve as a clear and illustrative example of relations common within the empire administrative apparatus.

Key words: Siberian history, XIX century, administration, officialdom, source studies, ego documents, epistolary, V.A. Artsimovich, Ya.S. Skropyshev.

В основу статьи положен доклад, сделанный на Международной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII – XX вв.» (Омск, 11–12 ноября 2021 г.).

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru, orcid 0000-0003-2155-2982

Natalia P. Matkhanova – Doctor of Sciences (History), Chief Scientific Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX – начала XXI в. многие зарубежные и отечественные историки обращались к исследованиям российского чиновничества, акцентируя внимание на формировании в его недрах особого слоя просвещенных или либеральных бюрократов, которые сыграли важную роль в подготовке и осуществлении Великих реформ [Lincoln, 1982; Wortman, 1976; Field, 1976; Robbins, 1987; и др.] (Подробнее см.: [Ружицкая, 2009]). Правда, в последние годы это направление в зарубежной русистике менее заметно. Но в XXI столетии одним из влиятельнейших направлений в историографии России становится «изучение ее как многонациональной империи в рамках так называемых “имперских исследований”» [Большакова, 2018, с. 79], что повлекло «за собой фрагментацию исследований по регионам при расширении их географического охвата» [Большакова, 2021а, с. 167–168]. Однако, если отечественные, в том числе сибирские, исследователи серьезно и глубоко изучали специфику местного управления, деятельность администраторов, судьбы и роль конкретных лиц, то в зарубежной историографии «литература, посвященная исключительно провинции, не слишком обширна» [Большакова, 2021б, с. 61–62]. То же можно сказать и об обращении к судьбам «людей империи», хотя предпринимаются попытки «исследовать историю империи» через их биографии [Дунаева, 2019, с. 127].

Выдающиеся деловые и личные качества известного государственного деятеля России второй половины XIX в. В.А. Арцимовича привлекали внимание современников¹. Немало исследований посвящено периоду его пребывания в Сибири [Ремнев, 1995, 2015; Морозова (Бессонова), 2012; Крестьянников, 2017; Матханова, 2018; и др.]. Здесь он находился в составе ревизии Н.Н. Анненкова в 1851 г. и был тобольским губернатором с 1854 (назначен в марте, прибыл в июле) по 1858 г. (уехал в марте).

ИСТОЧНИКИ

Практически все авторы используют примерно одни и те же источники. Их можно разделить на две большие группы.

К первой группе относятся отчеты, доклады, обозрения, записки и иные **делопроизводственные документы**, официальная переписка с генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом. Наибольшую ценность представляют доклад, опубликованный в 1996 Н.Н. Александровой под данным ею

названием «Близкое познание Сибири ныне необходимо» [Арцимович, 1996], «Записка о последствиях предполагаемого повсеместного учреждения временных генерал-губернаторов» [Арцимович, 1908]. Н.Н. Александрова и А.В. Ремнев считали, что Арцимовичем были написаны некоторые из документов, в том числе очень важные, подписанные генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым. А.В. Ремнев указывал, что доклад Н.Н. Анненкова о ревизии «не только демонстрировал хорошее знание сибирских проблем, но и намечал основные направления в их решении. Однако Н.Н. Анненков не обладал большим административным опытом и прямо признавался Николаю I, что “в делах гражданских и административных многое было для меня совершенно чуждо и ново”». Исследователь поставил естественный вопрос: «как же ему удалось провести успешно ревизию и представить правительству дельный отчет?» и ответил на него утверждением, что «подготовительным вариантом доклада Н.Н. Анненкова» явилась записка Арцимовича «Описание Сибирского края» [Ремнев, 2015, с. 258]. Затем Ремнев писал: «В.А. Арцимович, а вслед за ним и его начальник Н.Н. Анненков предлагали выработать общую программу, определяющую приоритетные направления в сибирской политике». И далее документ, хранящийся в фонде Арцимовича, цитируется как результат совместного творчества [Там же, с. 260]. Здесь возникает вопрос общего характера об авторстве многих отчетов, проектов, докладных записок, подписанных так называемыми первыми лицами, но созданных при участии их помощников и подчиненных. Как справедливо указывает Л.Ф. Писарькова, «далеко не всегда можно установить имена разработчиков проектов. В одних случаях их имена “тонули” среди членов многолюдных комиссий, создаваемых для составления законопроектов, в других – их авторство скрывалось за подписью начальников учреждений, что было довольно частым, если не обычным, явлением» [Писарькова, 2020, с. 161]. Многое зависело от индивидуальных качеств и взаимоотношений этих лиц [Матханова, Родигина, 2021, с. 52].

Все, что известно об образовании и интеллектуальном уровне В.А. Арцимовича, говорит в пользу его авторства. Он написал «Записки об улучшении хозяйства в Сибири», «По вопросам о круге действий и степени власти общих губернских управлений и губернских правлений в Сибири» (подготовлено по запросу Сибирского комитета)², а впоследствии и о предполагаемом повсеместном учреждении генерал-губернаторов. Я.С. Скропышев отмечал, что в ревизии Анненкова Арцимович «состоял старшим чинов-

¹ Большая часть их статей и воспоминаний была опубликована в журнале «Вестник Европы» [1897], а затем вошла в сборник «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики» [1904].

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 815. Оп. 1. д. 11, 14.

ником, т.е. главным лицом, на котором лежала вся масса сложной работы по этой ревизии» [1904, с. 7]³.

Сопоставление текстов «Записки ...» Н.Н. Анненкова, опубликованной С.М. Прутченко [Материалы, касающиеся последствий..., 1899], с хранящимся в фонде Арцимовича документом, названным «Мысль о необходимости Правительства заняться устройством Сибирского края»⁴, обнаруживает их дословное совпадение. Столь же точно (за одним исключением) этот текст совпадает с опубликованным Н.Н. Александровой, которая убедительно доказала принадлежность его Арцимовичу [Арцимович, 1996]. Отмеченное исключение, т.е. текст, имеющийся в указанном деле, но отсутствующий в иных вариантах, относится к характеристике Сибирского учреждения 1822 г. При перечислении «главных оснований сего Учреждения» их оказывается не 4, а 5, и вторым значится следующее: «Усилить местный надзор, заменив им, с одной стороны, удаленный от Сибири надзор высшего правительства, а с другой – недостаточный надзор общего мнения»⁵. Последние слова заставляют вспомнить дальнейшую деятельность В.А. Арцимовича в Калуге, где он прослыл «красным» губернатором.

Уже название («Мысль о необходимости Правительства заняться устройством Сибирского края») со всей очевидностью подтверждает утверждение самого Арцимовича и гипотезу А.В. Ремнева о том, что результаты ревизии привели к созданию Сибирского комитета» [Арцимович, 1996, с. 194; Ремнев, 2015, с. 343]. Таким образом, идеи В.А. Арцимовича имели серьезное значение для принятия исключительно важного решения. Уже тогда, совсем молодым и в невысоких чинах, он играл серьезную роль в управлении.

Вторая группа источников – частная переписка самого В.А. Арцимовича и членов его семьи – как жены и дочерей, так и Жемчужниковых – отца и братьев жены, а также **очерки мемуарного и полумемуарного характера**, вошедшие в известную книгу «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики» [1904].

Особого внимания заслуживает известный и неизменно используемый в работах по истории Тобольской губернии очерк подчиненного и ближайшего сподвижника Арцимовича Я.С. Скропышева. Он был опубликован в 1897 г. в «Вестнике Европы» [Скропышев, 1897], а затем в упомянутом сборнике [Скропышев, 1904]. Обращение к этому, как, впрочем, и к лю-

бому источнику, требует ответа на ряд вопросов. Кто такой Я.С. Скропышев? Каковы его взаимоотношения с В.А. Арцимовичем? Какими источниками информации он пользовался и насколько они надежны? Как построен его текст?

Яков Семенович Скропышев (1832–1898)⁶, сын мелкого петербургского чиновника, в 1852 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Последний факт – явление нового времени (в значительной степени подготовленное усилиями создавшего школу отечественных юристов М.М. Сперанского), такое образование выделяло его из среды провинциальных сибирских чиновников. Напомню, что и Арцимович был юристом, закончил привилегированное Училище правоведения, созданное также по инициативе Сперанского. Начал службу Скропышев в Петербурге канцелярским чиновником⁷, с марта 1855 г. – чиновник особых поручений Тобольского общего губернского управления, через год стал начальником III отделения Тобольского общего губернского управления. И та, и другая должности предполагали работу под непосредственным руководством губернатора. Не случайно одновременно он являлся делопроизводителем статистического комитета и сотрудником губернских ведомостей. Более того, по мнению Ю.Л. Мандрики, разделяемому В.В. Шевцовым, после отъезда Арцимовича Скропышев некоторое время «исполнял должность редактора неофициальной части» и «заботился о том, чтобы для ее наполнения всегда был достаточный «запас статей» [Мандрика, 2012, с. 232; Шевцов, 2016, с. 7]. Действительно, в письмах Скропышева Арцимовичу⁸ общается о проблемах с получением статей для «Тобольских губернских ведомостей» и о помещаемых в газете материалах. Но, судя по общему содержанию писем, забота о газете была лишь одним из многих поручений губернатора своему ближайшему помощнику. Не меньше места в них уделено сведениям о ходе других дел: судьбе представлений Арцимовича о чиновниках, подготовке годового отчета, здоровье членов семьи и др.⁹ В одном из писем перечислено 27 «дел, на которые обращено особое внимание» Арцимовича¹⁰. Эти письма служат наглядным подтверждением и примером справедливости наблюдений историков о малочисленности и непрофессионализме провинциальных чиновников и даже о «недоуправлении» ими [Величенко, 2005, с. 86–87].

⁶ Биографию Я.С. Скропышева см.: [Бовкало, 2019].

⁷ Е.А. Крестьянников ошибочно указывал, что в Тобольск Скропышев прибыл «прямо со студенческой скамьи» [2017, с. 97].

⁸ Скропышев на некоторое время оставался в Тобольске после отъезда Арцимовича.

⁹ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 452. Л. 8, 8 об., 9, 18 об., 20, 22, 24 об., 26, 27.

¹⁰ Там же. Л. 14–16.

³ Это мнение транслировал и Е.А. Крестьянников [2017, с. 82].

⁴ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 9. Записка Анненкова 2-го об устройстве Сибирского края.

⁵ Там же. Л. 22 об.– Ср.: [Арцимович, 1996, с. 200].

Арцимович отзывался о Скропышеве похвально, называл его в официальных письмах и отчетах «отличным молодым человеком, доказавшим уже способность и усердие к службе», «одним из самых усердных» своих сотрудников¹¹. О характере взаимоотношений начальника и подчиненного убедительно говорят такие факты: в 1858 г. Скропышев перешел на службу в Калужскую губернию правителем канцелярии губернатора Арцимовича. Вопрос о переводе из Тобольска был решен еще при отъезде губернатора¹². В 1860 г. Скропышев был прикомандирован к МВД в комиссию по подготовке земской реформы (в 1859–1860 гг. Арцимович был временно командирован в Петербург для работы в Комиссии по преобразованию губернских и уездных учреждений [Корнилов, 1904, с. 241, 256]), а в 1862 г., когда Арцимович покинул Калугу, Скропышев вернулся в Тобольск председателем казенной палаты и оставался в Сибири до весны 1867 г. Помимо исполнения прямых служебных обязанностей он возглавлял два комитета – о применении положения о земских учреждениях и об улучшении сельских приходских училищ. После отъезда из Тобольска ему было присвоено звание почетного гражданина города. Большая часть его службы протекала вне связи с карьерой бывшего патрона. В 1866–1868 гг. Скропышев управлял Харьковской казенной палатой, затем стал вице-директором Департамента неокладных сборов. Уволен 5 марта 1881 г., т.е. в составе всех «бывших», сторонников реформаторского курса, но с назначением повышенной пенсии «в уважение недостаточности собственных средств». Последние годы жил в Петербурге, где и умер [Бовкало, 2019].

Итак, Я.С. Скропышев принадлежал к новому поколению чиновников – образованных, активных, честных, сторонников реформ¹³. Его, как и В.А. Арцимовича, как и некоторых его старших и младших коллег, с полным правом можно отнести к «чиновникам нового типа», которые были «носителями новой бюрократической ментальности» [Уортман, 2004, с. 181]. Им были свойственны профессионализм, начитанность, привычка к труду, исключительная работоспособность, «системность и основательность, энтузиазм и идеологичность, либерализм и государственничество» [Мамонов, 2005, с. 54]. Как уже отмечалось, Скропышев был ближайшим помощником и доверенным лицом губернатора. Все это, с одной стороны, делает его информированным автором, а с другой – лицом явно заинтересованным. Понятно,

что никакой мемуарист не может быть объективен, но важно понимать характер этой необъективности.

В очерк¹⁴ Скропышева вошли: 1) сведения о Тобольской губернии, типичные для материалов статистических комитетов (возможно, отсюда и почерпнутые делопроизводителем оного); 2) фрагменты и пересказ делопроизводственных документов – материалов губернаторских ревизий, обозрений, отчетов (ближайший сотрудник губернатора имел к ним доступ, да и в письмах Арцимовичу он указывал, что пришлет и привезет тому многие «бумаги»); 3) отрывки из официальной переписки с генерал-губернатором; 4) собственные воспоминания и наблюдения; 5) отрывки из переписки В.А. Арцимовича, В.М. Жемчужникова, М.Н. Жемчужникова и А.М. Арцимович. Воспроизведены фрагменты из документов, написанных Арцимовичем до приезда Скропышева, – они могли быть почерпнуты из материалов Тобольского губернского общего управления. А вот текст речи, произнесенной сразу после приезда Арцимовича в Тобольск, скорее всего, получен из архива самого губернатора [Скропышев, 1904, с. 16–17]. На основе собственных наблюдений охарактеризована административная практика губернатора, его трудолюбие, энергия, управленческий стиль.

Но откуда у него семейная переписка? Ответ находим в письмах вдовы В.А. Арцимовича к его другу и шурину, поэту А.М. Жемчужникову. Она делилась своей радостью и удовлетворением после выхода книги, которую готовила семья, переписываясь с друзьями, знакомыми, бывшими подчиненными и сослуживцами В.А. Арцимовича, и в то же время оправдывалась. «Конечно, много помогли сохранившиеся у меня за все время замужества письма его, нашего отца и брата Владимира. Письма я не давала, а только списывала все, что касалось дела и что могло охарактеризовать личность Виктора. А каким хорошим, честным человеком выступает папенька», – завершает она (см.: [Матханова, 2019, с. 238]).

В этом отношении очерк Скропышева – не исключение. Несколько отрывков из писем М.Н. Жемчужникова к В.А. Арцимовичу приведено в обширной статье А.А. Корнилова «Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче» [Корнилов, 1904]. И использованные Корниловым официальные документы частично приводятся также по материалам архива Арцимовича, о чем свидетельствуют прямые указания: «Цитировано по черновику, написанному рукой В.А. Арцимовича и сохранившемуся в его архиве», «черновой набросок рукой В.А. Арцимовича сохранился в его архиве», «Архив В.А. Арцимовича, папка 1» [Корнилов, 1904, с. 216, 166, 184].

¹¹ Черновики писем В.А. Арцимовича к Г.Х. Гасфорду // ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 385. Л. 90 об. (11 июня 1856 г.), 121 об.–122 (без даты).

¹² ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 452. Л. 4 об., 6 апреля 1858 г.

¹³ Подробнее см.: [Ружицкая, 2013].

¹⁴ В переписке членов семьи Арцимовича это сочинение именовалось то воспоминаниями, то статьей, то записками.

В.Д. Спасович, описавший польский период службы Арцимовича, также писал, что получил от семьи «из хранившихся у нее в систематическом порядке книг, изданий, печатных и рукописных бумаг покойного все те, которые относились к его деятельности по Царству Польскому... Они были дополнены соощенною мне перепискою Виктора Антоновича с членами его семьи» [Спасович, 1904, с. 406].

Содержание писем А.М. Арцимович брату позволяет утверждать, что отбор текстов для публикации и определение направленности, конструирование образа В.А. Арцимовича с заранее заданными чертами осуществлялись, как минимум, совместными усилиями. Тем не менее откровенным искажениям они вряд ли подвергались – сопоставление с официальными записками Арцимовича не показывает серьезных расхождений в оценках, сущности взглядов и основных фактах.

Обстоятельства появления очерка Скропышева выясняются из переписки дочерей Арцимовича с А.М. Жемчужниковым. Еще в начале 1897 г. Софья Викторовна Арцимович писала, что А.Ф. Кони «взял на себя труд просмотреть и сократить (но не переделать) записки Скропышева», и на днях они «передаются на просмотрение Стасюлевичу»¹⁵. Сразу после публикации первой части в журнале Анна Викторовна Арцимович отвечала дяде: «Я очень рада, что ты одобряешь статью Скропышева; мне жаль только, что в декабр[ьской] книжке Мих[аил] М[атвеевич] слишком урезал... и выпустил много интересных фактов»¹⁶. Ольга Викторовна выражала общее мнение семьи: «Скропышев не сразу согласился написать эти воспоминания, говоря, что никогда ничего не писал для печати; но как мы ему благодарны теперь – трудно сказать, ты сам увидишь, как ярко выступают в его записке Папина неутомимая деятельность и энергия в борьбе за правду. По-моему, безыскусственность и простота рассказа покойного Скропышева несколько не мешают яркости и силе впечатления, потому что факты говорят за себя»¹⁷. Сопоставление текстов двух публикаций показывает, что книжная является более полной, а в журнальной сокращены главным образом обширные выписки из делопроизводственных документов и подробное описание содержания административной деятельности Арцимовича.

О.В. Арцимович писала А.М. Жемчужникову: «В статье Скропышева о Сибири ты найдешь выдержки из писем Дедушки и Дяди Володи»¹⁸. В тексте Скропышева приводятся довольно обширные цитаты из писем В.М. Жемчужникова. В течение года

(с весны 1854 до лета 1855, когда он поступил на военную службу – шла Крымская война) тот служил при шурине и был его доверенным лицом. И это не только сведения, прямо относящиеся к жизни, положению и деятельности молодого губернатора. Анна Михайловна Арцимович отобрала и передала Скропышеву такие отрывки, в которых говорилось о патриотических настроениях Владимира, его намерении и готовности служить честно, усердно и добросовестно, давались характеристики деятельности своего родственника и начальника и своей, содержались отрицательные отзывы о генерал-губернаторе Гасфорде, с анекдотическими слухами про сибирских чиновников прежнего времени – последнее, быть может, памятуя о том, что Владимир Михайлович был одним из создателей Козьмы Пруткова.

Именно В.М. Жемчужников первым (17 апреля 1855 г.) сообщил М.Н. Жемчужникову о желании Виктора Антоновича покинуть Сибирь вследствие невозможности честно делать дело [Скропышев, 1904, с. 32–33]. После отъезда из Сибири шурин пересказывал в письмах Арцимовичу сведения отца о его переговорах о вариантах перехода того на службу в Европейскую Россию.

Взаимоотношения с генерал-губернатором Гасфордом освещались в переписке так, как она представлена у Скропышева, – довольно подробно. Понятно, что он всецело на стороне своего патрона и подчеркивает, что к концу пребывания Арцимовича в Тобольске Гасфорд начал ценить его [Скропышев, 1904, с. 85, 88–89]. Трудно сказать, кто именно отбирал для публикации отрывки из переписки В.А. Арцимовича с Г.Х. Гасфордом. Но в результате характер их взаимоотношений представлен весьма тенденциозно. Указывается на недоброжелательство и придиризм со стороны генерал-губернатора и попытки губернатора честно и добросовестно выполнять свои обязанности. Эти оценки не раз повторяются в работах исследователей. В письмах тестю В.А. Арцимович действительно жаловался на чиновников и дурное отношение к себе Гасфорда. Но сопоставление опубликованных фрагментов с сохранившимися в архиве Арцимовича письмами Гасфорда и черновиками писем к нему Арцимовича обнаруживает несколько иную картину. Эти взаимоотношения предстают менее враждебными. Гасфорд доверительно писал 10 апреля 1855 г.: «Гражданскими делами вообще занимаюсь теперь меньше, чем бы желал. ... Почти все мое внимание теперь обращено на преобразование и устройство степи». В том же письме сетовал – не знаю, кого назначить в губернский суд, и просил: «Пособите Вашуо думою»¹⁹. Виктор Антонович

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 101. К. 4816. Д. 8. Л. 15. Письмо от 9 января 1897 г.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 26–26 об. Письмо от 24 ноября 1897 г.

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 11, 11 об., 14.

¹⁸ Там же. Л. 11. Письмо от 9 декабря 1903 г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 31 – 31 об.

вполне доброжелательно и откровенно благодарил начальника за письмо, которое было «тем приятнее, что в обременительных и непрерывных занятиях огромным количеством накопившихся здесь дел нельзя не впадать иногда в мрачное расположение духа от разных неприятностей и от невольного сознания бессилия и невозможности достичь ... значительных по управлению улучшений»²⁰. Не вошло в публикацию и письмо Гасфорда от 18 апреля 1856 г. о его согласии на предложения Арцимовича и намерении провести их через II Сибирский комитет²¹.

Конечно, взаимное недовольство существовало, и для него были основания. Объективные основы для недоразумений и даже конфликтов заключались в неопределенности в распределении прав, обязанностей и полномочий глав местной администрации. И дело не только в имеющихся в цитируемых Скропышевым письмах М.Н. Жемчужникова намеках на «чрезмерную самостоятельность» Арцимовича. Последний и сам прямо писал в октябре 1854 г. генерал-губернатору, что «власть начальника Тобольской губернии находится далеко не на той степени силы и уважения, которые указаны нашими законами... Систематическое и постоянное пренебрежение обессилило законную власть» [Виктор Антонович Арцимович, 1904, с. 799]. Протест был направлен против советников Главного управления Западной Сибири, но, конечно же, относился и к действиям, точнее, бездействию их начальника. Даже М.Н. Жемчужников понимал генерал-губернатора – прочитав отчет Арцимовича, он замечал: «понимаю, что Гасфорд не может быть доволен» [Скропышев, 1994, с. 77]. Все же он оставался на стороне зятя, надеялся и даже выражал уверенность, что Гасфорд «осознал свою виновность» перед ним [Скропышев, 1904, с. 83].

Очень часто, много и обильно Скропышев цитирует письма сенатора М.Н. Жемчужникова зятю. Из этих писем им или, скорее, Анной Михайловной, отобрано то, что относится к взаимоотношениям с генерал-губернатором, жалобы на остроту кадровых проблем, лихоимство и низкие деловые качества местных чиновников. Ничего нет о семье (а у Арцимовичей тогда было три девочки, две младшие родились в Тобольске), болезнях (до последних месяцев, когда появился вариант о переводе из Сибири по состоянию здоровья), хозяйственных заботах. Довольно много говорится об отношении сенатора к сетованиям зятя и желанию того покинуть Сибирь. Как следует из включенных в текст писем, именно Жемчужников вел переговоры с Гасфордом об установлении нормальных (с точки зрения Арцимовича) отно-

шений, удовлетворении генерал-губернатором его представлений и ходатайств. С другой стороны, пытаясь сгладить конфликт, сенатор уговаривал зятя «не быть в разладе с главным начальником», который «не причастен к злоупотреблениям», уверял: «...напрасно было бы мечтать, что в других губерниях менее злоупотреблений, чем в Сибири», дело не в генерал-губернаторе, лихоимство – общая проблема, дело в том, что в России отсутствуют «благонамеренные и сведущие люди» [Скропышев, 1904, с. 34]. Затем, 30 августа 1856 г., Жемчужников, со слов заправлявшего Сибирским комитетом В.П. Буткова, сообщает о недовольстве Гасфорда чрезмерной самостоятельностью Арцимовича и о своих хлопотах о переводе того из Тобольска [Там же, с. 69]. Наконец, 3 ноября 1856 г. сенатор рассказывает о свидании с генерал-губернатором, о похвальбе того – и прекрасным отношением к нему государя, и расположением министров, и согласием министра внутренних дел С.С. Ланского (подлинном или мнимом) прекратить прямые, помимо генерал-губернатора, сношения с губернаторами. Гасфорд в разговоре хвалил Арцимовича и возражал против его намерений покинуть Сибирь. Завершается этот фрагмент выразительно: «Я устал слушать его хвастовство! Редко случается встретить такого тщеславного человека» [Скропышев, 1904, с. 70]. После долгих колебаний Жемчужников, наконец, согласился с необходимостью перевода Арцимовича в Европейскую Россию. В письме от 11 января 1857 г. он сообщил о своем свидании со служившим в Западной Сибири генералом А.К. Дометти: «Из всего, что я знал прежде о действиях Гасфорда и что я узнал от Дометти, я еще более вижу необходимость поскорее освободиться» [Скропышев, 1904, с. 73]. Он «решился вновь действовать», хлопоты увенчались успехом, и 3 февраля 1857 г. Арцимович уже сам благодарил министра за согласие [Скропышев, 1904, с. 75].

О характере взаимоотношений с тестем выразительно свидетельствует такая фраза Арцимовича в письме к жене от 27 июля 1859 г. Он очень сомневался, стоит ли задерживаться в Петербурге, что отвлекало от дел и борьбы по проведению крестьянской реформы в Калужской губернии. Но мнение Жемчужникова оказалось решающим: «Посоветовавшись с твоим отцом, я не решился уклониться» [Корнилов, 1904, с. 257]. В письмах тестя постоянно встречаются настойчивые рекомендации, сведения о поддержке зятя в высоких инстанциях

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документы ревизии управления Западной Сибири Н.Н. Анненкова могут быть полезны и при изучении эволюции мировоззрения Арцимовича, и для по-

²⁰ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 385. Л. 34. 21 апреля 1855 г.

²¹ Там же. Л. 67–68.

нимания сути его взглядов на проблемы и перспективы региона, и для адекватной оценки масштаба его личности и роли в подготовке реформ. Анализ переписки членов семьи В.А. Арцимовича позволяет утверждать, что они серьезно повлияли на создание, содержание и направленность очерка Я.С. Скропышева. Это необходимо учитывать при обращении к имеющимся в тексте характеристикам Арцимовича и особенно генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда и их взаимоотношений. Явный, откровенный и постоянный патронаж М.Н. Жемчужникова по отношению к В.А. Арцимовичу является наглядным и конкретным примером отношений, обычных внутри административного аппарата империи. Можно предположить, что сделанные наблюдения имеют не только частный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [Арцимович В.А.] Записка о последствиях предполагаемого повсеместного учреждения временных генерал-губернаторов // Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам. М.: Изд-во О.Н. Поповой, 1908. С. 457–467.
- [Арцимович В.А.] «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В.А. Арцимовича. 1852 г. / публ. Н.Н. Александровой // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 192–214.
- Бовкало А.А. Скропышевы // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2019. Вып. 35. С. 91–99. URL: <http://petergen.com/bovkalo/apt/skropyshev.html>
- Большакова О.В. Российская империя в современных исследованиях: евразийская парадигма. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2018. Сер. 5: История. М.: ИНИОН РАН, 2018. № S1. – С. 79–97.
- Большакова О.В. Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения // Российская история. 2021а. № 4. 163–177. DOI: 10.31857/S086956870016234-8
- Большакова О.В. Рец. на кн.: Smith-Peter S. Imagining Russian regions: subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Leiden; Boston: Brill, 2018. XIV, 328 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М.: ИНИОН РАН, 2021б. № 2. С. 61–67.
- Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / сост. П. Верг, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 83–116.
- Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. VIII+823 с.
- Дунаева Ю.В. История империи в биографиях: Государственный муж, воин, просветитель. (Обзор) // Имперский поворот в изучении истории России. Современная историография. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 127–149.
- Корнилов А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 129–204.
- Крестьянников Е.А. В.А. Арцимович в Сибири // Российская история. 2017. № 1. С. 91–102.
- Мамонов А.В. Интеллектуальные задачи и возможности власти в XIX в. // Отечественная история. 2005. № 4. С. 50–55.
- Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатом (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 227–234.
- Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири 1851 г. Записки генерал-адъютанта Анненкова 2-го. 1851 года // Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. VIII+532 с. С. 349–375.
- Матханова Н.П. Образ деятеля эпохи Великих реформ В.А. Арцимовича в мемуарах его современников // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения. СПб.: РГПУ, 2019. С. 236–246.
- Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович как интеллектуальный лидер // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 92–99. DOI 10.25513/2312-1300.2018.2.92-99.
- Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Репрезентация сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 49–60. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60.
- Морозова (Бессонова) Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «губернских ведомостей» Западной Сибири 1857 – 1866 гг.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. 192 с.
- Писарькова Л.Ф. М.М. Сперанский и А.Д. Пазухин: судьба реформаторов и реформ в России // Россия XXI. 2020. № 3. С. 160–187.
- Ремнев А.В. «Описание Сибирского края» В.А. Арцимовича // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: Ом. гос. ун-т, 1995. С. 75–78.
- Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 577 с.
- Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. (1800–1860-е гг.). М.: ИРИ РАН, 2009. 340 с.
- Ружицкая И.В. «Просвещенные» бюрократы первой половины XIX в. – новый тип российского чиновника: опыт характеристики // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 168–173.
- Ск[ропыше]в [Я.С.] Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // Вестн. Европы. 1897. № 11. С. 5–40; № 12. С. 571–592.
- Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 13–100.
- Спасович В.Д. Виктор Антонович Арцимович // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 405–608.
- Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 515 с.
- Шевцов В.В. Тобольские губернские ведомости (1857–1867) в период губернаторства В.А. Арцимовича, А.В. Виноградского и А.И. Деспот-Зеновича // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 1 (39). С. 5–14.
- Field D. The end of selfdom: Nobility and bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. 354 p.
- Lincoln W.B. In the vanguard of reforms: Russian 'enlightened bureaucrats', 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois univ. press. 1982. 297 p.
- Robbins R.G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca (N. Y.); London: Cornell univ. press. 1987. 272 p.
- Wortman R. The development of Russian legal consciousness. Chicago: Univ. of Chicago press, 1976. 345 p.

REFERENCES

1. [Artsimovich V.A.] (1908). Note on the consequences of the assumed establishment of provisional governors-general everywhere. *Lemke M.K. Ocherki osvoboditel'nogo dvizheniya «shestidesyatykh godov»*. Po neizdannym dokumentam. Moscow, pp. 457–467. (In Russ.)
2. [Artsimovich V.A.] (1996). “A close knowledge of Siberia is necessary now”. Report by V.A. Artsimovich, 1852] / publ. by N.N. Aleksandrova. In: *Istoricheskiy arkhiv*. no. 5/6, pp. 192–214. (In Russ.)
3. *Bol'shakova O.V.* (2018). Russian Empire in contemporary studies: The Eurasian paradigm. (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya*. Moscow, no. S1, pp. 79–97.
4. *Bol'shakova O.V.* (2021a). Russia as a multinational empire: research outcomes and prospects]. *Rossiyskaya istoriya*, no. 4, pp. 163–177. (In Russ.)
5. *Bol'shakova O.V.* (2021b). Book review: Smith-Peter S. Imagining Russian regions: subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Leiden; Boston, Brill, 2018, XIV, 328 p. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya*. Moscow, no. 2, pp. 61–67. (In Russ.). DOI: 10.31249/rhist/2021.02.02.
6. *Bovkalo A.A.* (2019). Skropyshevs. *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*, iss. 35, pp. 91–99 [Available online] URL: <http://petergen.com/bovkalo/apt/skropyshev.html>. (In Russ.)
7. *Dunaeva Yu.V.* (2019). The history of the empire in biographies: statesman, warrior, enlightener. (Overview). *Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii. Sovremennaya istoriografiya*. Moscow, pp. 127–149. (In Russ.)
8. *Field D.* (1976). The end of selfdom: nobility and bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 354 p.
9. *Kornilov A.A.* (1904). The peasant reform in Kaluga Province under V.A. Artsimovich. *Viktor Antonovich Artsimovich. Vospominaniya – Kharakteristiki*. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich, pp. 129–204. (In Russ.)
10. *Krestyannikov E.A.* (2017). V.A. Artsimovich in Siberia. *Rossiyskaya istoriya*, no. 1, pp. 91–102. (In Russ.)
11. *Lincoln W.B.* (1982). In the vanguard of reforms: Russian ‘enlightened bureaucrats’, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 297 p.
12. *Mamonov A.V.* Intellectual tasks and possibilities of power in the XIX century. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 50–55. (In Russ.)
13. *Mandrika Yu.L.* (2012). From the Little Humpbacked Horse on the humpbacked horse (a hypothesis on works by P.P. Ershov). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, no. 2, pp. 227–234. (In Russ.)
14. *Matkhanova N.P.* (2019). The image of V.A. Artsimovich, a figure of the Great Reforms era in the memoirs of contemporaries. In: *Aleksandr II i ego vremena. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya*. Sankt-Peterburg, pp. 236–246. (In Russ.)
15. *Matkhanova N.P.* (2018). Tobolsk Governor V.A. Artsimovich as an Intellectual Leader. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskiye nauki*, no 2, pp. 92–99. (In Russ.)
16. *Matkhanova N.P., Rodigina N.N.* (2021). The rural population representations of the region in the reports of Siberian Governor Generals in the 2nd half of the XIX century: the peasantry. In: *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya i Philologiya*, vol. 20, no. 8, pp. 49–60. (In Russ.)
17. *Morozova (Bessonova) N.N.* (2012). Communication between power and society (based on the materials of the “Gubernskie Vedomosti” of West Siberia 1857–1866). Novosibirsk: Publishing Center of NSTU, 192 p. (In Russ.)
18. *Pisar'kova L.F.* (2020). M.M. Speransky and A.D. Pazukhin: The fate of reformers and reforms in Russia. *Rossiya XXI*, no. 3, pp. 160–187. (In Russ.)
19. *Prutchenko S.M. (Ed.)* (1899). Materials concerning the consequences of the revision of the administration of West Siberia in 1851. Notes by Adjutant General Annenkov the Second. 1851. In: *Sibirskie okrainy: oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: istoriko-yuridicheskie ocherki. Prilozheniya*. Saint Petersburg, pp. 349–375. (In Russ.)
20. *Remnev A.V.* (1995). “Description of Siberian Region” by V.A. Artsimovich. In: *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo kraevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii*. Omsk. Pp. 75–78. (In Russ.)
21. *Remnev A.V.* (2015). Siberia in the Imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk: OmsSU Press, 577 p. (in Russ.)
22. *Robbins R.G., jr.* (1987). The tsar’s viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 272 p.
23. *Ruzhitskaya I.V.* (2009). Enlightened bureaucracy. 1880–1860. Moscow: IRI RAN, 340 p. (In Russ.)
24. *Ruzhitskaya I.V.* (2013). “Enlightened” bureaucrats of the first half of the XIX century. A new type of Russian official: the experience of characterization. *Rossiyskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letney istorii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 168–173. (In Russ.)
25. *Sk[ropyshe]v [Ya.S.]* (1897). Tobolsk Province in the fifties. Materials for the biography of Viktor Antonovich Artsimovich during the management of his Tobolsk Province. *Vestnik Evropy*, no. 11, pp. 5–40; no. 12, pp. 571–592. (In Russ.)
26. *Skropyshev Ya.S.* (1904). Tobolsk Province in the fifties. *Viktor Antonovich Artsimovich. Vospominaniya. Kharakteristiki*. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich, pp. 13–100. (In Russ.)
27. *Spasovich V.D.* (1904). Viktor Antonovich Artsimovich. Ibiol, pp. 405–608. (In Russ.)
28. *Shevtsov V.V.* (2016). Tobolsk provincial sheets (1857–1867) during V.A. Artsimovich’s, A.V. Vinogradsky’s and A.I. Despot-Zenovich’s governorate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.)
29. *Velychenko S.* (2005). The size of the imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let. Antologiya*. Moscow, pp. 83–116. (In Russ.)
30. *Viktor Antonovich Artsimovich. Memories. Characteristics*. (1904). Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich. VIII+823 p.
31. *Wortman R.* (1976). The development of Russian legal consciousness. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1976, 345 p.
32. *Wortman R.* The development of Russian legal consciousness. Chicago: Univ. of Chicago press, 1976. 345 p.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022

Дата рецензирования 08.03.2022

Статья принята к публикации 17.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220207

УДК 94:82-6 (571.1/5)''18''

М.К. ЧУРКИН

**«ССЫЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ М.М. СПЕРАНСКОГО
В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ**

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, г. Тобольск, ул. Академика Ю. Осипова, 15

В статье раскрывается содержание репрезентаций М.М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии деятелей сибирского областничества. Поскольку в историографии в основном освещается административная деятельность реформатора и его окружения, а также раскрываются обстоятельства его ревизионной работы и практик реализации «Сибирского учреждения» в регионе, автор статьи основное внимание уделяет психологическим характеристикам имперского чиновника, во многом обусловленным его личным травматическим опытом. Именно он оказывал опосредованное влияние на самоощущение и мировидение М.М. Сперанского в период выполнения им генерал-губернаторских обязанностей. Обращение к эго-текстам лидеров сибирского областничества позволило глубже осмыслить логику поступков М.М. Сперанского, поскольку многие представители областнического направления общественно-политического движения в России второй половины XIX в. сами являлись носителями опыта травматического переживания, обладая тем самым возможностью понимать и оценивать мотивы и поведенческие практики реформатора в исследуемый период.

Ключевые слова: репрезентации М.М. Сперанского, сибирское областничество, публицистика и эпистолярное наследие, психологическая травма.

М.К. CHURKIN

**«EXILED REFORMER»: REPRESENTATIONS OF M.M. SPERANSKY
IN THE JOURNALISM AND THE EPISTOLARY HERITAGE OF SIBERIAN REGIONALISTS**

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky Emb., Omsk, 644099, Russian Federation
Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch RAS,
15, Acad. Yu. Osipov str., Tobolsk, 626152, Russian Federation

M.M. Speransky, an outstanding state figure of the XIX century, the Siberian Governor-General (1819–1822), left a significant mark in the administrative-political organization history of the outskirts of Russia, which was an important plot of the domestic imperialism building, and became the subject of close attention of researchers.

At the same time, the Soviet and post-Soviet historiography emphasized mainly the content and results of M.M. Speransky's reform activities in Russia and Siberia, as well as the important episodes of his personal biography during the rapid career growth (until March 1812). Much less attention was paid to the description and scientific-research reflection of the personal traumatic experience of the highest imperial official in circumstances of exile and "disgrace" (1812–1816), as well as to the understanding of Speransky's self-feelings in the subsequent years marked by his activities as Penza Civil Governor and Siberian Governor-General.

A prominent contribution to this problem statement and development was made in the 1870s by representatives of Siberian regionalism (V.I. Vagin, G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev). They drew attention in their journalism and private correspondence to the consonance of their own socio-political biographies with the life experience of an outstanding Siberian reformer, that allowed them to reproduce the personality and activity of M. Speransky taking into account the experienced psychological trauma.

Appealing to the modern interpretations of the "trauma" concept and ways to overcome it made it possible to reveal the ideas of Siberian regionalism on M. Speransky's personal feelings and experiences at different stages of the reform activities in Siberia, the adaptive behavior strategies of the official, dependence of decision-making on the psychological state in a difficult life situation.

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>;

Mikhail K. Churkin – Doctor of History Sciences, Professor of the Department of National History, Omsk State Pedagogical University; Leading Researcher, Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch RAS.

Based on the ego-texts of the Siberian regionalism leaders, the study reveals, that implementing the administrative and management mission in Siberia by M. Speransky fell into victimized and resilient stages in psychological terms. In their frames, there was a gradual overcoming of trauma and changing the world perception of the reformer, which formed a positive background for regional transformations.

Key words: representations of M.M. Speransky, Siberian regionalism, journalism and epistolary heritage, psychological trauma.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историографии обращение исследователей к конструированию личной и общественно-политической биографии М.М. Сперанского тесно переплетено с проблемами реформирования политической системы России первой половины XIX в., административной инкорпорации окраин в общеимперское пространство, включения зауральских территорий в имперскую географию власти [Зайончковский, 1978; Ерошкин, 1985; Ремнев, 2015; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., 2016].

Значительный вклад в создание биографии М.М. Сперанского как сильной личности и государственного деятеля внесли многие российские исследователи второй половины XIX–XX вв. [Корф, 1861; Нольде, 1989; Лонгинов, 1961; Чибиряев, 1989; Дружинина, 2008]. Признавая несомненную значимость их работ, отметим, что в фокусе внимания специалистов оказывались преимущественно сюжеты реформаторской деятельности М.М. Сперанского в России и Сибири, знаковые эпизоды его личной биографии в период карьерного подъема, при этом вне поля зрения оставались годы «опалы», ссылки, сопровождаемые переживанием им травмы трудной жизненной ситуации, безусловно, отразившейся на его мировосприятии и социальном поведении.

В связи с этим представляется продуктивным обращение к публицистическому и эпистолярному наследию лидеров областничества, поскольку в основе их репрезентаций М.М. Сперанского как сибирского реформатора лежит чувство осознанного сопереживания, эмпатии, основанной на сходстве травматической ситуации, вызванной ограничением личной свободы и необходимостью выбора стратегий преодоления травматического опыта.

В методологическом плане отметим, что концепт «травма» оформился в качестве психологической категории в конце XIX в. в медицине (психиатрии). Согласно интерпретации А. Ассман, он соотносится с переживанием жизненно опасного, глубоко ранящего душу крайнего насилия, которое нарушает обычный защитный барьер восприятия и не может быть психологически освоено, преодолено в силу угрозы для целостности личной идентичности [2014].

В исследованиях психологической области знания присутствует позиция, согласно которой психологическая травма не всегда вызывает только негативные последствия, поскольку на ее фоне формируются адапционно-транзиторные реакции человека

в ответ на новые условия жизни, что приводит к посттравматической трансформации личности [Одинцова, 2015, с. 104]. В современных исторических работах «травма» часто трактуется как «социальный факт», который порождает разрушительные события. «Травма» распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт, интерпретируется и воспринимается группой как нечто, налагающее обязательства с моментами принуждения на их действия [Логанова, 2009, с. 126].

Таким образом, аккомодация современной интерпретации понятия «травма» дает исследователю шанс выявить представления сибирских областников о личных чувствах и переживаниях М.М. Сперанского на разных этапах его реформаторской деятельности в Сибири, определить стратегии его адаптивного поведения, объяснить зависимость решений, принимаемых чиновником, от его психологического состояния в условиях трудной жизненной ситуации.

ДЕЛО «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ»: РИТОРИКА «ТРАВМЫ»

Напомним, что исходным сюжетом формирования психологической «травмы» областников, определившей во многом модели ее рецепции и репрезентации в публицистике и эпистолярных практиках, стал знаменитый процесс «сибирских сепаратистов» в 1865 г., по результатам которого наиболее активные, с точки зрения следствия, фигуранты – Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин и другие – были подвергнуты различным наказаниям (в частности, Г.Н. Потанина – гражданской казни и пятилетней каторге в крепостях), после чего высланы под надзор полиции в северные губернии европейской части России [Чуркин, 2019, с. 68].

Принимая во внимание, что дело «сибирских сепаратистов» имеет обширную историографию, отметим, что за гранью исследовательского интереса остается эмоциональная реакция «жертв», сложная система их душевных переживаний, неизменно транслируемая в областнических текстах.

Рефлексируя состояние своего одиночного заключения на этапе следствия, Н.М. Ядринцев впоследствии описывал его в риторике травмы: «...долго еще пришлось бороться с воспоминаниями и картинами прежней жизни, с влечением к свободе. Много нужно было времени, чтобы отрешиться от прошлого, не смотреть в будущее и стать хладнокровным зрителем и наблюдателем окружающего: до тех пор

мне пришлось вынести всю тяжесть одиночного подследственного заключения и самую суровую тюремную обстановку» [Ядринцев, 2015, с. 53].

В письмах Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину, относящихся к периоду 1872–1874 гг., сюжеты, связанные с переживанием травмы, встречаются регулярно. В одном из своих посланий он отмечал: «Долго ли мы будем мыкать свое горе – неизвестно... Щукин, как слышали, [вероятно, напоследок] сделал одну умную вещь: он умер. Шайтанов женился на мещанке в Пинеге, изобретает какую-то водку, завел трактор и учит жену на фортепьянах...» [Ядринцев, 1918, с. 7]. Ядринцев сетовал, что в Шенкурске нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Ушаров пил и все больше опускался: «Я одинок, как и Вы, – писал Ядринцев Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и на соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» [Ядринцев, 1918, с. 48].

Г.Н. Потанин, лишь эпизодически касаясь темы своего заключения, прибегает к самоиронии как инструменту переживания и инкапсуляции психической травмы, повествуя о драматическом этапе биографии с характерной для его стиля лаконичностью, напускной легкостью и остроумием: «Об образе моей жизни в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требование. Первые полгода работал на площадях, бил молотком щебень, возил таратайки с камнем, колол лед, пилил дрова, пел “Дубинушку”, сиживал в гребях. Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачьим Аттилой и ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повысили еще выше – в дровораздаватели, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины, жил шекером и не получал ни от кого писем, кроме одного от Ивана Федоровича Соколова, да двух от Катанаева» [Письма Г.Н. Потанина, 1987, с. 82].

МОТИВ «ТРАВМЫ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ М.М. СПЕРАНСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПИСЬМАХ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ

В публицистике и эпистолярном наследии областников мотив «травмы» в репрезентации «темы» М.М. Сперанского встречается довольно часто. Одним из инициаторов продвижения сюжета о реформаторской деятельности Сперанского стал известный сибирский публицист и общественный деятель В.И. Вагин, подготовивший и издавший в 1872 г. фундаментальный труд, посвященный деятельности графа Сперанского в Сибири в 1819–1822 гг. [1872], а также в наиболее активный период своей журналист-

ской деятельности 1870–1880-х гг. серию публикаций о личности российского реформатора.

В.И. Вагин, ссылаясь на переписку реформатора с дочерью Елизаветой, в частности, на фрагмент послания из Тобольска от 14 июня 1819 г., в котором М.М. Сперанский буквально вопиет о невозможности не только найти в себе силы и способы «здесь остаться», но и «представить себе сие вероятным» [Сперанский, 1869, с. 10], комментирует: «Сперанский называл свое пребывание в Сибири “путешествием”. Это название было вдвойне справедливо. Оно было справедливо и в смысле временного пребывания в стране, сопряженного с непрерывным перемещением, и в другом, высшем смысле. Мы привыкли называть путешествием не простую поездку к определенному пункту, а основательный, неторопливый осмотр целой страны... Именно такой характер имело путешествие Сперанского по Сибири» [Вагин, 1872, с. 42]. В.И. Вагин пришел к заключению, что «...это громкое назначение, – для многих предмет честолюбия, желаний, тайных и явных искательств, – было новым жестоким ударом для Сперанского. Оно разрушало самые душевные его мечтания..., поскольку конечной целью тайных желаний и надежд Сперанского было возвращение снова в Петербург, а через Петербург ко двору и в прежнюю милость. Поездка в Сибирь надолго отдаляла его от этой цели... Все пребывание его в Сибири было отравлено этим горьким чувством» [1869, с. 41, 42]. По мнению областника, «горькое чувство» изгнанничества определяло и настроение М.М. Сперанского, с которым он приступал к ревизии: «Иркутскому исправнику Волошинову он сказал, что с ним уже “ознакомлен”; от смотрителя магазинов, Карпушенкова, “отскочил”... Замечено было также его нерасположение к советнику казенной экспедиции Тукалевскому...» [Там же, с. 50–51].

Тема репрезентации личности и деятельности М.М. Сперанского в Сибири получила дальнейшее развитие в работах и частной переписке лидеров сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Так, Потанин, информируя Ядринцева о книжных новинках, пишет: «Не будете ли писать рецензию по поводу новой книги о Сперанском? Не худо бы. Ваше мнение, что его душевное расположение было испорчено чувством ссыльного, справедливо. Я отлично испытал чувство чалдона, проходя по живописной южной Финляндии. Только очерк, в котором описал сие, остался не посланным в Питер» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 106–107].

В другом случае Г.Н. Потанин, со ссылкой на В.И. Вагина, определяет М.М. Сперанского как «конвикта» – администратора, назначенного в Сибирь в виде почетной высылки из столицы [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 144; 245]. Обращаясь к Ядринцеву,

Потанин восклицает: «По поводу книги “В память графа Сперанского” давайте рецензию в КВГ (Камско-Волжская газета. – М.Ч.) с указанием, как этот сановный “конвикт” был отравляем во все время своей реформаторской деятельности в Сибири сознанием своей ссылки, и было бы недурно украсить статью легендой о кучумовом татарине, идущем в неприятельский стан за стрелой» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 158].

Наиболее многомерный и глубокий анализ душевного состояния будущего сибирского реформатора, не ограниченный лишь формальным признанием принадлежности М.М. Сперанского к когорте «униженных и оскорбленных», но и оценкой фигуры государственного чиновника в контексте перспектив реформ, представлен в публицистике и письмах Н.М. Ядринцева.

С одной стороны, Ядринцев, критически реагируя на вышедший сборник материалов для биографии М.М. Сперанского, подобно своим собратьям по перу (В.И. Вагину, Г.Н. Потанину), делает акцент на особом настроении, душевном состоянии чиновника, воспринявшего свою миссию как продолжение репрессивных мер со стороны власти. Публицист упоминает о письме графа В.П. Кочубея, иллюстрировавшем большие надежды друзей реформатора в связи с его назначением на должность сибирского генерал-губернатора: «от Вас ожидают не роли ревизора, не исследователя мелких злоупотреблений, но видов государственного человека»; «Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образованию управления в сих колониях наших» [Ядринцев, 1918, с. 42–43]. Однако, по его убеждению, Сперанский в своих ощущениях был весьма далек от подобного понимания своего статуса: «Сперанский не смотрел так возвышенно на свою задачу. В письмах к дочери он постоянно жалуется, смотрит на назначение, как на ссылку... Это въехал не реформатор, но ссыльный, хотя и на важном poste. Понять настроение духа этого человека может только изгнанник же и ссыльный» [Там же, 1918, с. 43].

С другой стороны, Н.М. Ядринцев отмечает, что «Сперанский смотрел на пребывание в Сибири как на ступень к скорейшему приближению, но, в то же время, досадовал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно то, что он к своему назначению относился без энтузиазма, без того увлечения, которое вдохновляло его в прежних реформах... Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской деятельности» [Ядринцев, 1876, с. 403].

Вместе с тем, Н.М. Ядринцев, фиксируя внимание на душевном состоянии М.М. Сперанского в рассматриваемый период, не ограничился лишь констатацией его травматических ощущений, пытаясь вы-

явить основные стратегии переживания травмы на личностном уровне: «Сперанский, как личность недюжинная, благодаря сильной и талантливой натуре, сумел также под конец освободиться от предубеждений и выйти с торжеством из борьбы своих чувств...» [1876, с. 408].

В данном плане стремление Н.М. Ядринцева сформировать системное представление об эволюции отношения М.М. Сперанского к региону и своей миссии представляется интересным в системе координат современных исследований психической травмы и возможных сценариев ее преодоления.

Подчеркнем, что в специальных исследованиях психологическая травма определяется как состояние сильного испуга, переживаемого человеком при столкновении с внезапным, потенциально угрожающим его жизни событием, которое превосходит его возможности и которое он поэтому не способен ни контролировать, ни сколько-нибудь эффективно на него отреагировать [Мазур, 2003, с. 32]. Принято считать, что источником психопатологии является не столько травматическая ситуация, пережитая человеком, сколько тот устрашающий смысл, который событие приобретает для индивида, его внутреннее представление, аффект. Таким образом, травматическое переживание, как правило, затрагивает более глубокие слои души [Мазур, 2003, с. 34].

Автор статьи, безусловно, отдает себе отчет в том, что описание современных психотерапевтических и фармакологических методик, сопутствующих амортизации и преодолению психической травмы, не имеет в конкретном случае исследовательских перспектив. Эффективным представляется подход П. Левина, полагающего, что готовность к преодолению травматической ситуации заложена в биологии человека [Levine, Chitty, 1994, p. 13], а это позволяет говорить о существовании естественных природных возможностей индивида к самоисцелению, к саморегуляции с опорой на внутренние ресурсы организма.

По сути, Н.М. Ядринцев в своих размышлениях о самоощущениях Сперанского в Сибири, зафиксированных в личных свидетельствах реформатора, невольно поднял и частично решил вопрос о путях овладения своим героем травматическими переживаниями и кризисными состояниями, а также о способах преодоления трудной жизненной ситуации.

Диагностируя характер «травмы» М.М. Сперанского, можно трактовать ее как «травму отношений» (отверженность, изгойство), преодоление которой осуществляется в двух форматах: виктимном (жертвенном) и жизнестойком. Виктимный образ жизни как преодолевающая стратегия предполагает пассивные (избегание) и асоциальные модели переживания травмы. Н.М. Ядринцев, основываясь на дневниках и письмах М.М. Сперанского к дочери, от-

мечал аффективное, предельно эмоциональное восприятие чиновником ситуации, связанной с назначением на должность генерал-губернатора. Ядринцев приводит говорящие сами за себя фрагменты писем Сперанского к дочери: «Отправление меня в Сибирь я причислял всегда к составу бедствий, постигших меня... Я ехал, или лучше сказать меня везли в Сибирь, теми же улицами, что и сентября 18 дня 1812 года (вспоминая прежнюю ссылку) [Ядринцев, 1876, с. 398–399]. Психологами доказано, что аффективные переживания как проявление травмы могут влиять на когнитивные способности человека в этот период, которые оказываются ослабленными и ограниченными, как у ребенка, закатывающего истерику [Лихтенберг и др., 2003]. По словам Н.М. Ядринцева, мрачное настроение духа не оставляет Сперанского и при въезде в Сибирь: «Он проезжает Уральские горы и остается ими недоволен... Тюмень – город печальный. Тура сердита... Дорога неудобная...» [Там же, с. 399]. Ядринцев констатирует, что первые впечатления во многом определили общие воззрения М.М. Сперанского на Сибирь как объект государственных реформ. Он приводит отрывок из письма чиновника к дочери, подтверждающий его весьма раздраженное состояние: «Не слушай рассказов о сибирской природе. Сибирь есть просто Сибирь... Надобно иметь воображение не пылкое, но сумасбродное, чтобы видеть тут какую-то Индию... Сибирь – прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли..., но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, основанной на хлебопашестве, фабриках или внутренней торговли» [Сперанский, 1869, с. 11–12].

Одним из признаков аффективного восприятия трудной жизненной ситуации в обстоятельствах травмы является неспособность личности активно противодействовать стрессогенному фактору. Н.М. Ядринцев писал, что М.М. Сперанский, отмечая на страницах своего дневника великолепность видов Забайкальского берега и незамерзающей Ангары, не перестает жаловаться: «Как велика земля русская! И здесь те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи, те же почти пороки, и добродетели. Сие единство почти непонятное. Во всех других государствах несравненно больше разнообразия» [Ядринцев, 1876, с. 401]. Ядринцев заключает: «эти жалобы постоянно звучат в письмах к дочери, в беседах с которой он больше всего отдается своей грусти..., он живет мыслью о возврате...» [Там же, 1876, с. 401], и далее: «Сперанский смотрел на Сибирь также, как смотрят все ссыльные. Мы не говорим, что реформатор был в неволе..., но, приняв поручение, он сам себя хотел таким видеть» [Там же, с. 405].

Исследуя модель поведения и самооощений М.М. Сперанского в сибирский период, Н.М. Ядрин-

цев приходит к убеждению, что в процессе погружения в ревизионную деятельность происходил постепенный перелом в настроении чиновника, приведший к выбору и осуществлению жизнестойкой стратегии преодоления травмы. Это новое состояние, называемое в психологии антиципацией, предполагает активацию внутренних ресурсов человеческой психики, определяющих способность предвосхищать ход событий, прогнозировать ситуацию и предполагать собственные реакции на меняющуюся внешнюю обстановку. В понимании Н.М. Ядринцева, сработала широка мировидения М.М. Сперанского, его природный интеллект и взгляды просвещенного европейца. Исследователь констатирует: «Видно, что на этой последней грани Востока великого человека охватило обаянием Азии. Он с любопытством в первый раз начал всматриваться в этот особый мир... Его мечта несется высоко, у него является идея, до которой только может достигать горячий поклонник Азии, это мечта о “свете с востока”...» [Там же, с. 402].

Выбор жизнестойкого образа жизни в качестве стратегии выхода из травмирующей ситуации психологи характеризуют как ситуацию повышения активности, в том числе коммуникационной, а также позитивного восприятия мира [Одинцова, 2015, с. 108]. Н.М. Ядринцев замечает, что несмотря на карикатурное видение своего сибирского окружения, М.М. Сперанский «сталкивается с обществом, ищет знакомства, нарочно устраивает балы, проникается идеей возбудить общественную жизнь..., следит, как пробуждается эта жизнь в молодом обществе» [Ядринцев, 1876, с. 403]. Публицист фиксирует освобождение своего персонажа от травматического оцепенения: «Поразительную перемену представляет его возвращение из Иркутска. Чувства, впечатления, воззрения – все изменяется. Он живет новой жизнью..., смотрит ясными и спокойными глазами на страну...» [Там же, с. 405]. Характерно, что в качестве дополнительного пускового механизма преодоления травматического состояния Сперанским Ядринцев называет не только внутренние, но и внешние ресурсы – сибирскую природу, которая «открывается перед ним в истинном ее свете»; «виды становятся живее, мягче, прекраснее» [Там же, с. 405].

Обращение личности, пережившей травматический опыт, к конструктивным защитным механизмам психики на практике означает, что человек, используя таковые, предпринимает сознательные усилия по переработке травмы и поиску новых смыслов бытия, и это способствует его исцелению. Н.М. Ядринцев фиксирует данное состояние: «Мы видели, что на Сибирь он смотрел сначала только как на место ссылки, любопытное разве только в минералогическом отношении, но не как место культуры; теперь точка зрения его радикально изменяется» [Там же, с. 406].

Сперанский, по мнению Ядринцева, не относится более с предубеждением к востоку, напротив – восток наводит его на новые мысли и идеи, в частности, окончательно убеждает, что «Сибирь – это не скучная и ничтожная страна ссылки»; «совокупность всех степеней быта от звероловного до земледельческого и судьба инородцев обращает его деятельное внимание»; «он пророчил Сибири сильное население, обширное земледелие, развитие скотоводства и промышленности»; «признает Сибирь страной со всеми задатками полного гражданского и политического развития» [Там же, с. 408].

В целом опыт репрезентации личности и деятельности М.М. Сперанского, предпринятый Н.М. Ядринцевым, позволяет зафиксировать позитивные результаты преодоления травматической жизненной ситуации субъектом исследования на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях, что не могло не оказывать воздействия на содержание и результаты реализации реформаторских практик в Сибири в 1819–1822 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в основе репрезентаций М.М. Сперанского как личности, государственного деятеля и сибирского реформатора в публицистике и письмах представителей областничества лежал их собственный травматический опыт, активно переживаемый в условиях частичного ограничения свободы периода политической ссылки. Во многом поэтому сюжеты, посвященные генерал-губернаторскому (сибирскому) периоду биографии М.М. Сперанского, максимально плотно оказались озвучены в творчестве областников в 1870-х гг. По нашей версии, ссылка до определенной степени способствовала «инкапсуляции» психологической травмы областников, конструированию такой коммуникативной среды, в которой дефицит прямого общения компенсировался публицистической активностью и интенсивными эпистолярными контактами, что косвенно способствовало видоизменению общественно-политических представлений сибирских либералов и эволюции областной идеологии.

В статьях, книгах и письмах лидеров областничества создавался образ «своего Сперанского» – человека, с одной стороны, пострадавшего от власти, а с другой – представляющего близкий областникам образец имперского чиновника, располагающего к сотрудничеству и консолидации общественных сил в сфере решения насущных сибирских вопросов.

В работах областников движущей силой реформаторских планов и действий М.М. Сперанского в равной степени признавался его травматическо-репрессивный опыт. Однако, если В.И. Вагин и Г.Н. По-

танин в своих рассуждениях ограничились лишь констатацией первоначальных чувств, душевных переживаний и самоощущений Сперанского, то Н.М. Ядринцев предпринял оригинальную попытку осмысления и описания долгосрочного переживания высшим чиновником травмирующей жизненной ситуации в контексте его государственно-административных преобразований в Сибири. По убеждению Н.М. Ядринцева, решающим, обеспечившим эффективность реформ стал субъективный фактор, личное отношение М.М. Сперанского к Сибири, во многом связанное с его собственным травматическим опытом, постепенное преодоление которого позитивно проявилось в реализации административно-управленческих практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 гг.: а 2 т. СПб.: Тип. 2-го отд. собственной Его имп. величества канцелярии, 1872. 801 с.
3. *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* М.М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск: 2016. 48 с.
4. *Дружинина Т.А.* Дополнения к биографии и личностной характеристике М.М. Сперанского по переписке его с П.Г. Масальским // *Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского.* Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 9 (13). С. 98–102.
5. *Ерошкин Н.П.* Местные государственные учреждения до революционной России 1800–1860. М.: Наука, 1985. 98 с.
6. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Наука, 1978. 288 с.
7. *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского: [т. 1-2]. СПб.: Изд. Имп. публичной б-ки, 1861.
8. *Лихтенберг Дж., Лачманн Ф., Фосседж Дж.* Аффективное переживание: золотая нить в клиническом взаимодействии // *Журн. практической психологии и психоанализа.* 2003. № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/afektivnoe-perezhivanie-zolotaya-nit-v-klinicheskom-vzaimodeystvii>
9. *Логунова Л.Ю.* Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // *Социологические исследования.* 2009. № 9. Сентябрь. С. 126–136.
10. *Лонгинов М.Н.* Граф Сперанский. Б. м., б. и., [18--?]. С. 337–576.
11. *Мазур Е.С.* Психическая травма и психотерапия // *Московский психотерапевтический журн.* 2003. № 1. С.31–52.
12. *Нольде А.Э.* Граф М.М. Сперанский. Опыт характеристики / Публикация М. Раева // *Новый журн. Нью-Йорк,* 1989. Кн. 175. С. 131–154.
13. *Одинцова М.А.* Преодолевающие стратегии поведения лиц, объединенным схожим травматическим опытом // *Известия Саратов. ун-та. Нов. сер.: Философия. Психология. Педагогика.* 2015. Т. 15. вып. 1. С. 104–110.
14. *Письма Г.Н. Потанина / под ред. Ю.П. Козлова.* Иркутск: Изд-во Иркут., ун-та, 1987. Т. 1. 275 с.
15. *Письма Г.Н. Потанина / под ред. Ю.П. Козлова.* Иркутск: Изд-во Иркут., ун-та, 1989. Т. 3. 296 с.
16. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
17. *Сперанский М.М.* Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М.: Тип. Грачева и К^о, 1869. 252 с.

18. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Наука, 1989. 213 с.

19. Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Ядринцевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 30–31 окт. 2019 г. Омск: ОГИК-музей, 2019. С. 66–72.

20. Ядринцев Н.М. М.М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестн. Европы. 1876. Т. 3, № 5. С. 93–116.

21. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск: Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1918. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). 232 с.

22. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.

23. Ядринцев Н.М. Чувства Сперанского к Сибири (посвящается В.И. Вагину как собирателю дорогих для Сибири материалов о Сперанском) // Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 397–408.

24. Levine P., Chitty J. New Insights into trauma Therapy. APTA National Conference, 1994. 172 p.

REFERENCES

1. Assman A. (2014). Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 328 p. (In Russ.)

2. Vagin V.I. (1872). Historical information on the activities of Count M.M. Speransky in Siberia, 1819–1822. Saint Petersburg, Tip 2-go otd. Sobstvennoy Yego imp. Vilichestva kantselyarii, vol. 2, 801 p. (In Russ.)

3. Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2016). M.M. Speransky in Irkutsk. 1819–1822. Irkutsk, Ottisk, 48 p. (In Russ.)

4. Druzhinina T.A. (2008). Additions to the biography and personal characteristics of M.M. Speransky through his correspondence with P.G. Masalsky. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 9 (13), pp. 98–102. (In Russ.)

5. Eroshkin N.P. (1985). Local state institutions of pre-revolutionary Russia 1800–1860. Moscow, Nauka, 98 p. (In Russ.)

6. Zaionchkovskii P.A. (1978). The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century. Moscow, Nauka, 288 p. (In Russ.)

7. Korf M.A. (1861). Life of Count Speransky: in 2 vols. Saint Petersburg, Izd. Imperatorskoy publichnoy b-ki. (In Russ.)

8. Likhtenberg Dzh., Lachmann F., Fossedzh Dzh. (2003). Affective experience: a golden thread in clinical interaction. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza*. No. 1. [Available online]. URL:

<https://psyjournal.ru/articles/affektivnoe-perezzhivanie-zolotaya-nit-v-klinicheskom-vzaimodeystvii>. (In Russ.)

9. Logunova L.Yu. (2009). The influence of historical trauma on the family and tribal memory of Siberians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 126–136. (In Russ.)

10. Longinov M.N. (2003). Count Speransky (1771–1839). [S. l., 18--?], pp. 337–576. (In Russ.)

11. Mazur E.S. (2003). Psychic trauma and psychotherapy. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 31–52. (In Russ.)

12. Nol'de A.E. (1989). Count M.M. Speransky. Characterization experience. Publication by M. Raev. *Novyy zhurnal* (New York), vol. 175, pp. 131–154. (In Russ.)

13. Odintsova M.A. (2015). Coping strategies of behavior of persons united by similar traumatic experiences. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, vol. 15, no. 1, pp. 104–110. (In Russ.)

14. Kozlov Yu.P. (ed.) (1987). Letters of G.N. Potanin. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 1, 280 p. (In Russ.)

15. Kozlov Yu.P. (ed.) (1989). Letters of G.N. Potanin. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 3, 296 p. (In Russ.)

16. Remnev A.V. (2015). Siberia in the imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 580 p. (In Russ.)

17. Speransky M.M. (1869). Speransky's letters from Siberia to his daughter Elizaveta Mikhaylovna. Moscow, Grachev & Co, 252 p. (In Russ.)

18. Chibiryaev S.A. (1989). Great Russian reformer: life, activity, political views of M.M. Speransky. Moscow, Nauka, 213 p. (In Russ.)

19. Churkin M.K. (2019). Historical “trauma” of colonization in the reception of Siberian regionalism (the second half of the XIX – early XX centuries). *Yadrintsevskie chteniya: materialy V Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30–31 oktyabrya 2019 g.* Omsk, pp. 66–72. (In Russ.)

20. Yadrincev N.M. (1876). M.M. Speransky and his reforms in Siberia. *Vestnik Evropy*, vol. 3, no. 5, pp. 93–116. (In Russ.)

21. Yadrincev N.M. (1918). Letters from Nikolay Mikhailovich Yadrincev to G.N. Potanin (1918). Vol. 1. Krasnoyarsk, Tip. Yenis. gub. soyuza kooperativov, 232 p. (In Russ.)

22. Yadrincev N.M. (2015). Russian community in prison and exile. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 752 p. (In Russ.)

23. Yadrincev N.M. (1876). Speransky's feelings for Siberia: (dedicated to V.I. Vagin, a collector of materials on Speransky, dear to Siberia). *Sbornik gazety «Sibir'»*. Saint Petersburg, vol. 1, pp. 397–408. (In Russ.)

24. Levine P., Chitty J. (1994). New insights into trauma therapy: presentation of rep. on APTA nat. conf. [Available online]. URL: <https://somaticexperiencing.dk/wp-content/uploads/2017/02/1994-Chitty-on-Levine.pdf>.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022

Дата рецензирования 21.03.2022

Статья принята к публикации 04.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220208

УДК 94:37(571.5)“1800/1850”

И.Н. МАМКИНА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Забайкальский государственный университет,
РФ, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

В статье рассматривается история зарождения государственной системы образования в Восточной Сибири, ее развитие и особенности управления. Показано, что становление государственного образования в Сибири началось одновременно с общеимперской системой в эпоху преобразований Екатерины II в конце XVIII в., дальнейшее его развитие связано с реформами Александра I. Выяснилось, что количество учебных заведений фактически не менялось на протяжении полувека, причем большинство из них было сосредоточено в Иркутской губернии. Вследствие значительной удаленности от центра учебные заведения Иркутской губернии были выведены из общеимперской окружной системы, что способствовало формированию специфической системы управления, основанной на подчинении генерал-губернатору. Общественное участие допускалось лишь в содержании приходских училищ. Автор приходит к выводу о формировании в Восточной Сибири преимущественно государственного образования с особой централизованной формой управления, что в конечном итоге замедлило его развитие.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, народное образование, управление, визитатор, учебный округ, реформа, учебные заведения, гимназия, училище.

I.N. MAMKINA

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE STATE EDUCATION SYSTEM IN EASTERN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Department of Theory State and Law, Zabaikalsky state university,
30, Alexandro-Zavodskay str., Chita, 672039, Russian Federation

This article deals with the establishment and development of the state education system in East-Siberian Governorate-General in the first half of the XIX century. Historiographic analysis reveals that the history of national education in Eastern Siberia of the mentioned period is poorly studied. The paper attempts to study comprehensively the system of public education in the Eastern Siberia in the first half of the XIX century based on summarization of historical research and analysis of management documentation introduced into scientific circulation for the first time. The study uses chronological, formal legal methods based on T. Parsons' structural-functional approach. As a result of complex analysis, the author has determined that the state education establishment in Siberia began simultaneously with the general imperial system development in a period of Catherine II reforms in the late XVIII century. Main and small folk schools in Siberia were opened under the Charter of 1786. Further development of the system is associated with the reforms of Alexander I. Provincial gymnasiums, county and parish schools were established in the region. The author reveals that in East-Siberian Governorate-General established in 1822 a significant number of state educational institutions were concentrated in the Irkutsk Province. The parish schools were opened by the initiative of the public and held solely at public expense that affected their number. The great distance from the center led to the removal of educational institutions from the Imperial system of government and contributed to establishing a specific control system based on the subordination to visitators, civilian governors, and since 1841 – to the Governors-General. The author concludes that a predominantly state education with a special centralized form of control was established in Eastern Siberia, which ultimately slowed down its development.

Key words: Eastern Siberia, public education, management, visitor, educational district, reform, educational institutions, gymnasium, college.

Инна Николаевна Мамкина – д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Забайкальский государственный университет, e-mail: inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>,

Inna N. Mamkina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory State and Law, Transbaikal state university.

ВВЕДЕНИЕ

История народного образования в России тесно связана с развитием государственности. Политические взгляды представителей власти находили отражение в преобразованиях учебных заведений, особенно это заметно в XIX–XX вв. Либеральная позиция Александра I способствовала учреждению новых университетов, образованию учебных округов, гимназий, уездных и приходских училищ на относительно демократических началах. Преобразования Александра II способствовали внедрению в систему образования новых принципов организации управления, допускавших общественное участие в сферу народного просвещения. Богатая на события и факты история народного образования постоянно привлекает интерес исследователей.

Историография дореволюционного периода представлена широким кругом публикаций различного толка. Сторонники официального направления выступали за государственное образование, отстаивая его значимость. По мнению М.И. Сухомлинова, образовательная реформа Александра I является прогрессивной и основополагающей в развитии системы образования. Автор высоко оценивал деятельность первого министра народного просвещения П.В. Завадского по организации новых учебных заведений, считал университеты и устройство цензуры «самыми главными предметами, требовавшими наибольшей энергии со стороны министерства» [Сухомлинов, 1866, с. 9]. Известный исследователь истории образования С.В. Рождественский на основе богатого фактического и статистического материала в хронологической последовательности с 1802 по 1902 г. оценил реализованные проекты министерства, дал анализ ключевым законодательным актам, привел подробные биографические сведения о министрах образования разных лет [Рождественский, 1902]. Член Синодального учебного комитета известный педагог С.И. Миропольский в своих трудах отмечал, что потребности в образовании в России обостряются в период реформ [Миропольский, 1877; 1883].

Учреждение земств и училищных советов позволило реализовать интересы населения земских областей в сфере образования. Полемика между представителями официального и либерального направлений развернулась вокруг реформ образования середины XIX в. и роли общественности в их реализации. С резкой критикой правительственной образовательной политики выступал активный деятель общественно-педагогического движения В.И. Чарнолуцкий. Он считал, что, «создавая препятствие развитию народного просвещения ... бюрократическое правительство является причиной народного невежества...» [Чарнолуцкий, 1906, с. 74]. Сторонники

либерального течения В.И. Форматовский, Н.В. Чехов, П.Н. Милуков и другие выступали с позитивной оценкой деятельности земской школы, считая ее приемлемой альтернативой государственным учреждениям [Форматовский, 1900; Чехов, 1912; Милуков, 1897].

Сведения о развитии сибирской школы первой половины XIX в. опубликованы в трудах вице-губернатора Н.В. Семивского, директора училищ И.Е. Миллера, писателя-краеведа Н.С. Щукина, учителя Нижнеудинского уездного училища В. Паршина, историка П.А. Словцова [Семиевский, 1917; Миллер, 1810; Щукин, 1833; Паршин, 1841; Словцов, 1886].

Особое место в историографии отечественной системы образования занимают исследования советского периода. Многоплановые публикации объединяет единообразие методологических подходов, сходство оценок царской политики в области образования. Все это позволяет говорить об определенном политическом и идеологическом заказе. Довольно часто при сопоставлении советской и дореволюционной школы авторы критически высказывались о последней, преувеличивая успехи новой системы образования [Константинов, Струминский, 1949; Смирнов, 1954; Шамахов, 1949, 1955]. В целом историография советского периода представлена широким кругом работ, среди которых самостоятельным направлением выступают обобщающие исследования народного образования [Ососков, 1982]. Необходимо отметить расширение проблематики изучения, исследователи стали рассматривать образование в контексте общей истории страны. Уделено внимание роли социокультурного аспекта в развитии системы образования. Вместе с тем, специалисты в основном интересовались историей образования второй половины XIX в. Публикации, затрагивавшие первую половину XIX в. имеют, как правило, описательный характер либо сосредоточены на истории императорских университетов.

Современные исследования народного образования, не ограниченные идеологическими рамками, представлены многочисленными публикациями, основанными на различных методологических подходах, носящих междисциплинарный характер. Одной из ярких работ является монография академика Российской академии образования В.М. Журавковского, которая представляет комплексное исследование начальной школы, затрагивает структуру, типологию, источники содержания, организацию управления [2000]. В традициях культурологического исследования написаны обобщающие работы М.В. Кузнецовой по истории иркутской школы в XVIII – первой половине XIX в. [Кузнецова, 2019, 2011, 2021]. На основе богатого фактического материала она дает характеристику типам городской школы, анализирует

социальный состав и численность учащихся, приводит биографии учителей и получивших известность учеников. В работе даны ценные сведения о воскресных школах, фрагментарно представленных в истории образования.

В целом историографический анализ показывает полноту и разноплановость изучения истории народного просвещения. Вместе с тем за рамками научного интереса остается ряд вопросов, требующих более подробного изучения; что касается региональной истории развития образования, то бесспорно, что некоторые положения требуют переоценки. Целью данной работы является обобщение накопленного материала о становлении и развитии государственного образования в Восточносибирском генерал-губернаторстве в контексте реформ первой половины XIX в.

История становления и развития первых государственных учебных заведений в Сибири впервые рассмотрена в комплексе с изучением системы управления образованием. В исследовании использованы хронологический, формально-юридический методы на основе структурно-функционального подхода Т. Парсонса.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

На рубеже XVIII–XIX вв. в Российской империи Екатериной II было положено начало формированию упорядоченной системы государственного народного образования. В 1782 г. центральное управление учебными заведениями осуществляла Комиссия об учреждении народных училищ под руководством сенатора П.В. Завадовского. Комиссия за короткий период с 1782 по 1786 г. подготовила ряд учредительных документов, заложивших основу будущей системы народного образования. Члены этой комиссии разработали и претворили в жизнь План к установлению народных училищ Российской империи, Устав народным училищам в российской империи, Правила для учащихся народных училищ, Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи [Зуева, 2013, с. 87]. Результатом ее деятельности стало открытие главных и малых народных училищ в губернских и уездных городах как основных типов государственных учебных заведений.

Начало деятельности первых народных училищ привело к упразднению комиссии и образованию Главного училищного правительства [Антология педагогической мысли России, 1985, с. 144], осуществлявшего общий контроль и надзор за деятельностью учебных заведений. В соответствии с принятым Уставом 1786 г. училища в губерниях и уездах подчинялись Приказу общественного призрения, непосредственное управление осуществляли директор и смотритель народных училищ. Попечителями народ-

ных училищ назначались губернаторы, обязанные «стараться о распространении народных училищ от Главного, в губернском городе находящегося, не только к городам уездным, но и к другим селениям, koliko способы ему позволять будут» [Антология педагогической мысли России, 1985, с. 149].

Таким образом, учредительная деятельность комиссии способствовала формированию общих принципов и организационных основ общеимперской системы народного образования. В училища принимали детей из всех сословий, за исключением крепостных. Содержание училищ обеспечивалось за счет государственной казны и общественных средств. Общественное участие осуществлялось через почетных смотрителей училищ¹.

Началом реализации екатерининской реформы в Сибири можно считать 1789 г. Генерал-губернатор Иван Алферьевич Пиль инициировал открытие главного и малого народных училищ в Иркутске. Содержание Главного училища возлагалось на городское общество, которое подарило училищу каменный дом и приняло обязательство ежегодно выплачивать 200 руб. «на разные училищные надобности» Приказу общественного призрения. Кроме того, приказ получал определенную часть пошлин с торговли купцов в Кяхте. Единновременно купцы Киселевы пожертвовали долю в размере 2101 руб. с промыслового судна². К сожалению, сведений о первых преподавателях сибирских народных училищ конца XVIII в. сохранилось немного. В частности, известно, что директором Главного народного училища в Иркутске был назначен Франц Иванович Ланганс, учителями трудились Степан Большов, Ермил Флоринский, Стефан Петров, Афанасий Некрасов [Горошенова, 2007, с. 58]. В 1798 г. по ходатайству иркутского губернатора Х.А. Трейдена очередным директором Главного училища был назначен Егор Федорович Кранц – «из немцев Риги», начавший службу рядовым лейб-гвардейского Преображенского полка в 1764 г. По неизвестным причинам в 1883 г. Кранц оказался в Нерчинске, где служил в должности городничего до 1793 г.³

Всего в Сибири открыли три главных училища – в Иркутске, Барнауле и Тобольске и 10 малых – в Тюмени, Туринске, Таре, Кузнецке, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Верхнеудинске, Томске, Нарыме [Кузнецова, 2021, с. 172]. Общественность, хотя и участвовала в открытии учебных заведений, тем не

¹ Устав народным училищам Российской империи уложенный в царствование императрицы Екатерины II. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=2952> (дата обращения: 25.01.2022).

² Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечанием И.И. Серебrenникова. Иркутск, 1911. С. 121.

³ РГИА, Ф. 733, Оп.39, Д. 59. Л 79.

менее высокой активности не проявляла. Содействие оказывали преимущественно купцы, которые имели практический интерес в развитии школьного дела. Остальные сословия особого внимания вопросам просвещения не уделяли.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 1803 г. В СИБИРИ

Образование Министерства народного просвещения и последовавшие реформы изменили систему управления образованием в России, появились новые типы учебных заведений. В 1803 г. на базе университетов было учреждено шесть учебных округов во главе с попечителями, назначавшимися по согласованию с министром и состоявшими в подчинении Министерства народного просвещения. С появлением этого министерства указы общественного призрения потеряли полномочия в области народного образования. Решение вопросов народного просвещения поручалось Главному правлению училищ, сформированному из попечителей университетов и лиц, назначаемых императором.

Учебный округ, наделенный учебно-административными функциями, объединял несколько близлежащих губерний. Управление учебными заведениями в округе выводилось из подчинения губернаторов и передавалось созданным на базе университетов училищным комитетам. В состав комитета входили визитаторы, осуществлявшие контроль над учебными заведениями. На смену главным и малым народным училищам пришли губернские гимназии, уездные и приходские училища. При этом гимназии и уездные училища содержались за счет государственных средств, а приходские – исключительно за счет обществ, открывших училища.

В губерниях и областях властные полномочия исполнял директор, а также штатные и почетные (с 1811 г.) смотрители. Директор возглавлял гимназию и одновременно отвечал за все государственные учебные заведения губернии. Общественное участие сохранялось в лице почетных смотрителей, избираемых на местах из числа местных помещиков, чиновников или купцов, безвозмездно осуществлявших благотворительную деятельность.

В результате реформ сибирские учебные заведения были отнесены к Казанскому учебному округу. Округ являлся самым крупным в империи, в его состав входили Вятская, Казанская, Саратовская, Самарская, Симбирская и Астраханская губернии, Сибирь и Средняя Азия. В 1819 г. попечителем округа был назначен Михаил Леонтьевич Магницкий – бывший симбирский гражданский губернатор, ранее служивший под началом М.М. Сперанского [Минаков, 2017, с. 174–202].

М.Л. Магницкий имел собственное представление об организации образования и, выезжая к месту службы, планировал ряд преобразований. Приступив к своим обязанностям, он считал необходимым: «предварительно произвести на месте строжайший осмотр всему округу через особенных чиновников, а не через университетских визитаторов, кои до селе никакой пользы не принесли»⁴. Попечитель предложил в качестве независимого визитатора экстраординарного профессора Казанского университета – Петра Сергеевича Кондырева для осмотра Саратовской, Оренбургской и Астраханской губерний. Коллежского асессора Макшеева рекомендовал для визирования учебных заведений в Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерниях. Директору Иркутской гимназии, бывшему сокурснику М.М. Сперанского Петру Андреевичу Слобцову вменялся в обязанность осмотр учебных заведений Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской губерний [Миллер, 1810, с. 36]. В сентябре 1819 г. министр духовных дел и народного просвещения, князь Александр Николаевич Голицын согласовал кандидатуры Кондырева и Макшеева. Относительно П.А. Слобцова он отметил: «... по собрании надлежащих сведений, я не премину впоследствии дать и об нем, какое следовать будет разрешение»⁵. Из служебной переписки министра известно, что 2 ноября 1819 г. император Александр I утвердил П.А. Слобцова в должности визитатора, о чем 5 ноября А.Н. Голицын сообщил М.Л. Магницкому. Министр присовокупил к разрешению пометку «впредь употреблять его (П.А. Слобцова. – И.М.) на службе по учебной части в губерниях, составляющих Казанский учебный округ»⁶.

По результатам инспекции М.Л. Магницкий в 1820 г. охарактеризовал учебное дело в Сибири следующим образом: «Жители сего края весьма равнодушны к успехам просвещения, что не только низкие состояния, но и чиновники ограничивают образование детей своих научением читать, писать и несколько считать»⁷. Учитывая пассивность населения, попечитель предлагал «не размножать училищ высших иначе как по достоверному и настоящему требованию жителей, удерживая усердие чиновников учебной части»⁸. Магницкий признавал уездные и приходские училища основным типом учебных заведений в Сибири. Он соглашался с необходимостью повышения благосостояния учителей, являвшихся, по его мнению, «самым злополучным классом людей

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп.39. Д. 295. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же.

в империи»⁹. Настаивал на выделении государственных средств для обучения способных учеников гимназий с целью их дальнейшего поступления в Казанский университет с условием «назначения в учителя»¹⁰.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В 1818 г. во всей Сибири функционировало всего 48 государственных учебных заведений, из них 27 – в Восточной Сибири¹¹. В Иркутской губернии действовали губернская гимназия, 7 уездных училищ, 1 приходское училище существовало в Иркутске и 18 в сельской местности, а в Тобольской – гимназия, 8 уездных училищ и 3 приходских училища – в Тобольске [Цыганова, 2009, с. 68]. В Тамбовской и Томской губерниях, входивших в состав Казанского учебного округа, количество учебных заведений в 1818 г. уступало Иркутску и Тобольску. В Тамбовской губернии имелось Главное народное училище и 3 малых, их преобразование произошло в 1820-х гг. [Акользина, 2018, с. 87–91]. В Томской губернии к 1818 г. было открыто уездное училище и сохранились 2 малых народных училища¹². Данные о сельских училищах в этих губерниях отсутствуют. Примечательно, что статистические сведения из ведомостей о состоянии учебного дела в Сибири за разные годы неизменно подтверждают лидирующую позицию Иркутска в развитии народного образования. По отчетам директора народных училищ, в Иркутске в 1808 г. в министерских школах обучался 151 ученик, в 1809 г. – 159, в 1810 г. – 175¹³. В 1823 г. ситуация принципиально не изменилась, малые народные училища были преобразованы в уездные, количество сельских училищ сократилось на два¹⁴. Иркутская губерния по-прежнему сохраняла приоритет. В 1824 г. в Иркутской губернии действовала гимназия, 7 уездных и 17 приходских училищ, в Тобольской – гимназия, 8 уездных и 4 приходских училища, в Томской – гимназия, 3 уездных училища (данные по приходским школам в отчете не указаны)¹⁵.

В фондах РГИА сохранилась любопытная докладная записка сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля на имя министра народного просвещения А.К. Разумовского, датированная июнем 1811 г. Пестель обращался к министру с просьбой, изложенной ему директором губернской гимназии И.Е. Мил-

ляром: «... уничтожить оные училища (частные школы – И.М.) и обучаемых в них детей доставить в училища, состоящие под ведением начальства»¹⁶. По сведениям генерал-губернатора, городская полиция выявила 19 частных школ на селе и 4 в городе. В частных домах обучалось 135 учащихся, из них 19 девочек¹⁷. Обучением занимались вышедшие в отставку мелкие чиновники, вдовы, священники¹⁸. Отметим, что из 21 частной школы 11 содержались вдовами либо женами мещан¹⁹. 19 детей обучались у диакона Попова, 13 – у соборного священника Петра Попова, 10 – у отставного солдата Ширяева, 9 – у вдовы титулярного советника Венедиктова²⁰. У остальных частных учителей количество учеников в группе не превышало 6–7 чел.

На основе только одной записки сложно делать какие-либо выводы, но можно предположить, что в городе и окрестностях Иркутска существовало некоторое количество частных школ. Но суть, скорее, в количестве учащихся, обучавшихся у частных лиц: их было 154 чел., этот показатель почти сравнялся с числом учащихся во всех министерских школах Иркутской дирекции в 1810 г. – 175 чел.²¹ Этот феномен можно объяснить бюрократическими препонами при открытии училищ, низкими требованиями населения к качеству образования. Обучение у частных лиц позволяло получить элементарные навыки письма, счета и чтения. Программы гимназий и училищ давали более широкие знания, но обучение в них было дорогостоящим.

Сибирский генерал-губернатор Б.И. Пестель относительно деятельности гимназии имел собственное мнение: «Иркутская гимназия существует по одному только наименованию..., в обучении детей не прилагает ни малейшего старания»²². Указывая на слабую организацию учебного процесса. А.К. Разумовский на замечание генерал-губернатора ответил: «Я замечание принимаю с благодарностию и возму меры к приведению ея в должное состояние. Прошу однакож покорно и вашего содействия во внушении иркутским гражданам большего доверия к учебному заведению щедротами монарха нашего устроенными и большего внимания к образованию детей своих»²³.

Ситуация сложилась следующая: государство выделяло средства на деятельность гимназии, местные власти не прилагали усилий либо не имели возможности наладить эффективно ее деятельность,

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп.39. Д. 295. Л. 44.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 233. Л. 19–35.

¹² Там же. Л. 19–35.

¹³ Там же. Д. 115. Л. 17.

¹⁴ Там же. Оп.40, Д. 105. Л. 83–90.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Оп.39, Д. 115. Л. 92–98.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 17, Л. 27.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 6.

местные жители не располагали достаточными средствами для обучения своих детей.

В 1815 г. директором Иркутской гимназии был назначен П.А. Словцов. За короткий срок он сумел улучшить качество обучения в гимназии [Кузнецова, 2019, с. 520–535]. В 1820 г. генерал-губернатор М.М. Сперанский по этому поводу писал М.Л. Магницкому, что «Иркутская гимназия есть достоверно лучшая во всей России»²⁴. Утверждение М.М. Сперанского не было голословным. П.А. Словцов сумел поставить обучение на высокий уровень, обеспечив учебно-методическое руководство. В эти годы библиотека гимназии признавалась лучшей в Сибири. Учебная программа помимо общеобязательных дисциплин предполагала изучение японского и церковнославянского языков. Гимназия имела стабильный кадровый состав [Кузнецова, 2019, с. 520–535]. Отметим, что в эти годы естественную историю, математику и физику преподавал известный сибирский краевед, педагог Н.С. Щукин, которому П.А. Словцов давал высокую профессиональную оценку [Там же].

Являясь сторонником усиления административного контроля, М.Л. Магницкий отмечал, что П.А. Словцов «...может быть весьма полезен в отдаленном от университетского и моего надзора краю, если все училища оного поручены ему будут в ближайшее заведование»²⁵. В результате П.А. Словцов в июне 1820 г. получил должность визитатора трех сибирских губерний – Иркутской, Томской и Тобольской. Эта должность являлась самостоятельной, в штатное расписание университета не входила [Сеченов, 2011]. Деятельность визитатора пришлась на период учреждения Восточно-сибирского генерал-губернаторства в 1822 г. За время работы П.А. Словцова в этой должности число учащихся в округе увеличилось с 600 до 2000 чел., в крае открылись 15 новых приходских школ, уездное училище. В 1824 г. Словцов был награжден орденом св. Анны 2-й степени с алмазами, а в 1826 г. произведен в действительные статские советники²⁶.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В 1828 г. должность сибирского визитатора была упразднена, учебные заведения переданы под надзор губернаторов. П.А. Словцов был представлен к награде орденом Святого Владимира III степени. В связи с «потерей места» ему была назначена ежегодная пенсия в размере 3 тыс. руб.²⁷ В марте 1829 г. дирек-

тор Иркутской гимназии В.И. Антропов за вклад в развитие гимназии ходатайствовал о разрешении поместить портрет П.А. Словцова в зале гимназии, но получил отказ. В ответе министерства значилось: «обыкновенно ставятся только портреты государевы»²⁸.

Упразднение должности визитатора сибирских учебных заведений было вызвано очередным реформированием системы управления образованием. В 1828 г. сибирские учебные заведения передали в ведение гражданским губернаторам. В Иркутской губернии к 1831 г. под руководством директора училищ Василия Ионовича Антропова находилась губернская гимназия – в Иркутске, 9 уездных и 9 приходских училищ²⁹. Государство оплачивало годовое содержание гимназии в размере 144 430 руб. и уездных училищ – 22 162 руб.³⁰ В 1831/32 учебном году в гимназии обучалось 57 учеников, в уездных училищах – 379, в приходских училищах – 662, в частных школах – 30³¹. В Енисейской губернии в 1829 г. в 2 уездных училищах обучалось 106 чел., сведения по приходским училищам не представлены³². В Якутском уездном училище в 1832 г. обучалось 38 учеников³³. В 1812 г. в Якутской области начало деятельность Олекминское приходское училище, в 1822/23 учебном году в нем было 20 учеников [Белоглазова, 2013, с. 31–40]. К 1846 г. количество учащихся в восточносибирских учебных заведениях существенно не изменилось. В единственной гимназии обучалось 140 мальчиков, в уездных училищах – 430, приходских – 977³⁴. Количество министерских казенных учебных заведений на протяжении первой половины XIX в. в Восточной Сибири оставалось без изменений – губернская гимназия – в Иркутске и 9 уездных училищ – в Иркутске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске, Нижнеудинске, Киренске, Красноярске, Енисейске, Якутске³⁵. Данные, касающиеся приходских школ, ежегодно менялись. Они содержались за счет средств местного населения, а при отсутствии содержания закрывались, поэтому их количество менялось. Согласно отчетам дирекций народных училищ, в 1850-х гг. в Иркутской губернии действовало 34 приходских школ, в Енисейской – 27, в Забайкальской области – 8, в Якутской – 2³⁶.

²⁸ Там же. Л. 478.

²⁹ Там же. Оп.83. Д. 38. Л. 9.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Д. 1. Л. 11.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ Там же. Д. 3. Л. 8.

³⁵ Там же. Оп.84. Д. 76. Л. 10.

³⁶ Там же. Оп. 203. Д. 3046. Л. 24; Д. 3191. Л. 46; ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 354. Л. 54–61.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп.39. Д. 295. Л. 46

²⁵ Там же.

²⁶ Никиенко О.Г. Словцов Петр Андреевич. URL <https://kraeved.lib.tomsk.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

²⁷ РГИА, Ф. 733, Оп.39. Д. 295. Л. 318.

На протяжении второй четверти XIX в. кардинальных изменений в системе народного образования не происходило. Количество казенных учебных заведений оставалось прежним, количество приходских училищ увеличивалось крайне медленно. По мнению властей, в сфере народного просвещения не доставала административного контроля и эффективных механизмов взаимодействия властей и руководства учебных заведений. В 1836 г. генерал-губернатор Западной Сибири, князь П.Д. Горчаков в переписке с Министерством народного просвещения отмечал, что по вопросам просвещения у гражданских губернаторов не было единого мнения: «... в суждениях своих были мало согласны, что мешало составлению общего мнения о крае»³⁷. П.Д. Горчаков предлагал сосредоточить управление учебным делом в руках генерал-губернаторов. Его инициативу поддержало министерство, а 3 марта 1836 г. одобрил император³⁸. Через пять лет административное переустройство этой сферы распространилось в Восточной Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление и развитие государственной системы образования в Сибири в начале XIX в. происходило в русле общеимперских преобразований и не имело существенных различий в организации и управлении учебных заведений. К концу 1810-х гг. становится очевидным, что эффективность управления учебными заведениями на востоке страны оставляет желать лучшего. Частичным решением проблемы стало учреждение специальной должности визитатора сибирских учебных заведений, способствовавшей усилению административного контроля и увеличению числа учебных заведений. Общественное участие в управлении школьным делом было ограничено. В Восточной Сибири открывались преимущественно учебные заведения, содержащиеся казной. Частное обучение носило латентный характер. Большинство частных учителей работало без официального разрешения. Деятельность приходских училищ, открытых по инициативе общественности, зависела от благосостояния населения, имела нерегулярный характер.

Перевод учебных заведений под контроль губернаторов в 1828 г., а в 1841 г. – в ведение генерал-губернатора окончательно вывел Восточную Сибирь из общеимперской окружной системы управления. Несмотря на подчинение образовательных учреждений региональной администрации, они сохранили ведомственную принадлежность, типы учебных заведений и программы обучения, что окончательно отстранило общественность от участия в управлении

школьным делом. Геополитические особенности Восточной Сибири обусловили доминирующее положение государства в управлении системой образования, что в ситуации ограниченного государственного финансирования затормозило ее развитие на несколько десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акользина М.К. Вклад провинциального купечества в развитие системы образования в Тамбовской губернии в XIX в. // Гаудеамус. 2018. Т.17, № 38. С. 87–91. DOI: 10.20310/1810-231X-2018-17-38-87-91.
2. Антология педагогической мысли России XVIII в. / под ред. Г.Н. Волкова, С.Ф. Егорова, А.Н. Копылова. М.: Педагогика, 1985. 478 с.
3. Белоглазова С.Б. История образования в Якутии в период реформ первой четверти XIX в. // Вестн. ДВО РАН. 2013. № 4. С. 31–40.
4. Горошенева О.А. Формирование технической интеллигенции в Иркутской губернии в середине XVIII – начале XIX в. // Клио. 2007. № 3(49). С. 55–62.
5. Жураковский В.М. Укрепление российской государственности: место и роль системы образования. М.: Гелиос, 2000. 423 с.
6. Зуева М.А. Создание и деятельность Комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестн. ЧНПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 2. С. 83–89.
7. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1949. 206 с.;
8. Кузнецова М.В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX в. 2-е изд. Иркутск, 2011. 312 с.
9. Кузнецова М.В. Гимназическое образование в г. Иркутске в первой половине XIX века // Педагогический ИМИДЖ. 2019. № 4(45). С. 520–535; DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-4-520-535.
10. Кузнецова М.В. Первые общеобразовательные школы Иркутска: историко-педагогические аспекты развития. // Педагогический ИМИДЖ. 2021. Т. 15, № 2(52). С. 169–181; DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-2-169-182.
11. Мамкина И.Н. Блинов А.В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант. Чита: ЗабГУ, 2020. 281 с.
12. Миллер И.Е. Краткое историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии // Периодические сочинения об успехах народного просвещения. СПб., 1810. № 27. С. 416–428;
13. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1897. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). 375 с.
14. Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I, Николая I // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 174–202.
15. Миропольский С.И. Инспекция народных школ и ее задачи (по поводу инструкции инспекторам народных училищ). СПб., 1877. 186 с.
16. Миропольский С.И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб., 1883. 260 с.;
17. Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.). М.: Просвещение, 1982. 208 с.
18. Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1841. 208 с.
19. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. 776 с.
20. Семивский Н.В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1917. 472 с.
21. Сеченова А.А. Управление учебными заведениями Западной Сибири до учреждения учебного округа (1803–1885 гг.) // Проблемы и перспективы развития психологии и педагогики: матери-

³⁷ РГИА, Ф. 733, Оп.83. Д. 112. Л. 8

³⁸ Там же.

лы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. URL <https://ru.convdocs.org/docs/index-43225.html>

22. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 765 с.

23. Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М.: АПН РСФСР, 1954. 310 с.

24. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I: в 2 т. СПб, 1866. Т.2. 164 с.

25. Фармаковский В.И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам). СПб.: Рус. шк., 1900. 200 с.

26. Цыганова И.В. От приходского училища к школе: из истории Тобольской общеобразовательной школы № 13 (1815 – 1940 гг.) // Вестн. Тобол. гос. пед. ин-та им. М.Д. Менделеева. 2009. № 1. С.66–78.

27. Чарнолуцкий В.И. Итоги общественной мысли в области образования. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1906. 79 с.

28. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912. 224 с.

29. Шамахов Ф.Ф. Первые школы Западной Сибири // Уч. Зап. Том. гос. пед. ин-та. 1949. Т. VII.

30. Шамахов Ф.Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Уч. Зап. Том. гос. пед. ин-та. 1955.

31. Шукун Н.С. Поездка в Якутск. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833. 231 с.

REFERENCES

1. Akol'zina M.K. (2018). Contribution of provincial merchants to the development of the education system in Tambov province in the XIX century. *Gaudeamus*, no. 38, vol. 17, pp. 87–91. (In Russ.)

2. Beloglazova S.B. (2013). The history of education in Yakutia during the reforms of the first quarter of the XIX century. In: *Vestnik DVO RAN*, no. 4, pp. 31–40. (In Russ.)

3. Charnoluskiy V.I. (1906). Results of public thought in the field of education. Saint Petersburg, B.M. Vol'f's tip., 79 p. (In Russ.)

4. Chekhov N.V. (1912). Public education in Russia since the 1860s. Moscow, 224 p. (In Russ.)

5. Farmakovskiy V.I. (1900). Primary school of the Ministry of Public Education (according to official sources). Saint Petersburg, Russkaya shkola, 200 p. (In Russ.)

6. Goroshenova O.A. (2007). Formation of the technical intelligentsia in the Irkutsk province in the middle of the XVIII – early XIX century. In: *Klio*, no. 3 (49), pp. 55–62. (In Russ.)

7. Konstantinov N.A., Struminskiy V.Ya. (1949). Essays on the history of primary education in Russia. Moscow, Uchpedgiz, 206 p. (In Russ.)

8. Kuznetsova M.V. (2011). Irkutsk school in the XVIII – first half of the XIX century. 2nd ed. Irkutsk, 312 p. (In Russ.)

9. Kuznetsova M.V. (2021). The first comprehensive schools of Irkutsk: historical and pedagogical aspects of development. *Pedagogicheskiy IMIDZh*, no. 2 (52), vol. 15, pp. 169–181. (In Russ.)

10. Kuznetsova M.V. (2019). Gymnasium education in Irkutsk in the first half of the XIX century. In: *Pedagogicheskiy IMIDZh*, no. 4 (45), pp. 520–535. (In Russ.)

11. Mamkina I.N. Blinov A.V. (2020). Regional models of education management in Imperial Russia: Siberian version. Chita, ZabSU, 281 p. (In Russ.)

12. Miller I.E. (1810). A brief historical review of educational institutions in the Irkutsk province. *Periodicheskie sochineniya ob uspekakh narodnogo prosveshcheniya*, no. 27, pp. 416–428. (In Russ.)

13. Milyukov P.N. (1897). Essays on the history of Russian culture. Part 2. Church and school (faith, creativity, education). Saint Petersburg, 375 p. (In Russ.)

14. Minakov A.Yu. (2017). M.L. Magnitsky as a religious type in the reigns of Alexander I, Nikolay I. In: *Khristianskoe chtenie*, no. 2, pp. 174–202. (In Russ.)

15. Miropol'skiy S.I. (1883). School and state. Compulsory education in Russia. Saint Petersburg, 260 p. (In Russ.)

16. Miropol'skiy S.I. (1877). Inspection of public schools and its tasks (on instructions to the inspectors of public schools). Saint Petersburg, 186 p. (In Russ.)

17. Ososkov A.V. (1982). Primary education in pre-revolutionary Russia (1861–1917). Moscow, Prosveshchenie, 208 p. (In Russ.)

18. Parshin V.P. (1841). A trip to the Transbaikal Territory. Moscow, N. Stepanov's tip., 208 p. (In Russ.)

19. Rozhdestvenskiy S.V. (1902). Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. Saint Petersburg, 776 p. (In Russ.)

20. Sechenova A.A. (2011). Management of educational institutions in Western Siberia before the establishment of the educational district (1803–1885). *Problemy i perspektivy razvitiya psikhologii i pedagogiki: materialy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk. [Available online]. URL: <https://ru.convdocs.org/docs/index-43225.html>. (In Russ.)

21. Semivskiy N.V. (1917). The latest, curious and authentic narratives about Eastern Siberia. Saint Petersburg, 472 p. (In Russ.)

22. Shamakhov F.F. (1949). The first schools of Western Siberia. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 7, pp. 40–67. (In Russ.)

23. Shamakhov F.F. (1955). Dynamics of the development of secondary schools in Western Siberia in the late XIX – early XX century. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 7, pp. 399–507. (In Russ.)

24. Shchukin N.S. (1833). Trip to Yakutsk. Moscow, K. Wingeber's tip., 231 p. (In Russ.)

25. Slovtsov P.A. (1886). Historical review of Siberia. Saint Petersburg, I.N. Skorokhodov's tip., 765 p. (In Russ.)

26. Smirnov V.Z. (1954). Reform of primary and secondary schools in the 60s of the XIX century. Moscow, APN RSFSR, 310 p. (In Russ.)

27. Sukhomlinov M.I. (1866). Material for the history of education in Russia during the reign of Emperor Alexander I. Saint Petersburg, vol. 2, 164 p. (In Russ.)

28. Tsyganova I.V. (2009). From parish school to school: from the history of Tobolsk comprehensive school no. 13 (1815–1940). *Vestnik Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D.I. Mendeleeva*, no. 1, pp.66–78. (In Russ.)

29. Volkov G.N., Egorov S.F., Kopylov A.N. (1985). Anthology of pedagogical thought of Russia of the XVIII century. Moscow, Pedagogika, 478 p. (In Russ.)

30. Zhurakovskiy V.M. (2000). Strengthening Russian statehood: the place and role of the education system. Moscow, Gelios, 423 p. (In Russ.)

31. Zueva M.A. (2013). Creation and activity of the Commission of Public Schools under Catherine II. *Vestnik ChNPU im. I.Ya. Yakovleva*, no. 1 (77), pt. 2, pp. 83–89. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.01.2022

Дата рецензирования 28.02.2022

Статья принята к публикации 07.03.2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220209
УДК 94:322(571.5)"1951"

¹А.В. КОСТРОВ, ²С.В. БУРАЕВА

ТРИ ВЗГЛЯДА НА «РАЗОРЕНИЕ» СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ДУБЧЕССКИХ СКИТОВ В 1951 г.

¹Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Старообрядцы подвергались гонениям не только в имперский, но и в советский период. «Разорение» одного из духовных центров часовенного согласия – Дубчесских обителей – в Енисейской Сибири (представляющего собой сеть удаленных таежных монастырей) произошло в 1951 г. Это событие нашло отражение как в культуре часовенного согласия, так и во внешних рефлексиях. Цель публикации – дать историографический анализ указанных исторических свидетельств. Авторы рассмотрели восприятие данного события самими старообрядцами, что было запечатлено в их прозе и поэзии, изобразительном искусстве, индивидуальной и коллективной памяти. Вместе с тем освещена позиция репрессирующей стороны, в том числе участников операции; проанализированы взгляды светских писателей, обращавшихся к этой теме (А.И. Солженицына и М.С. Перевозчикова). В результате выявлена специфика источников, формирующих историческую память о событии, а также ее отдельные стереотипы, оказывающие влияние на экспертное и общественное мнение.

Ключевые слова: старообрядчество; часовенное согласие, Енисейская Сибирь; Дубчесские скиты, «разорение», погром 1951 г., историческая память, историография.

¹A.V. KOSTROV, ²S.V. BURAEVA

THREE VIEWS ON THE «DEVASTATION» OF THE OLD BELIEVERS' DUBCHESKY SKETES IN 1951

¹Irkutsk State University,
1, K. Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Old Believers were persecuted both in the Soviet and Imperial periods. Therefore, traditional distancing of this broad movement's followers from the authorities has long internal and external reasons. The chapel consent representatives form the most striking and massive group that pre-

---

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

The research was carried out within the state assignment (project «The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia», № 121031000263-3).

Александр Валерьевич Костров – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, e-mail: a_kostrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>.

Светлана Валерьевна Бураева – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: ladys@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-3066>.

Alexander V. Kostrov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University.

Svetlana V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

served both the Old Orthodox rite and classical Old Believer attitudes of worldview and practice. Members of this group are mainly settled from the Urals to the Far East, and from Argentina to Alaska. However, the spiritual center of this Old Believer church is located in Yenisei Siberia and presented by a network of remote taiga monasteries.

They were brought here from Western Siberia between 1917 and 1940, and made up three skete groups – Verkhovsk (located in Tuva), Bezymyansky and Dubchessky (located in the west and north of Krasnoyarsk Region). Due to the Tuvan People's Republic entering the Soviet state after the anti-religious struggle peak and against the background of indulgent confessional policy in wartime, the Verkhovsk sketes were not subjected to a total pogrom. This fact allowed N.N. Pokrovsky and other Novosibirsk scientists in the 1960s to make the famous “archaeographic discovery” of Siberia just there. Dubchessky monasteries had a different fate: they were devastated in 1951, which was similar to the pogroms of the skete centers undertaken by the authorities during the Imperial period. This dramatic plot was reflected in both the historical memory, culture of chapel harmony, and external reflections. This research gives the analysis and comparison of different views on this pogrom history. First, this is the perception of the Old Believers themselves embodied in their prose and poetry, visual arts, individual and collective memory. Second, the view of the repressive side including the operation participants, whose letters are at the disposal of scientists. Third, the view of secular writers turned to this story – A.I. Solzhenitsyn and M.S. Perevozchikov. The study concludes with the analysis of stereotypes created by these sources and influencing expert and public opinion.

Key words: *Old Belief, Chasovennoe consent, Yenisei Siberia, Dubchessky sketes, pogrom of 1951, historical memory, historiography.*

ВВЕДЕНИЕ

Историческая память является одной из важнейших основ общественного сознания. Большие и малые социальные общности развивают свою историософию, опирающуюся на разные источники. В качестве последних могут выступать устная традиция, литература, публицистика, историография, вещественные и визуальные материалы и др. Характер и соотношение этих источников у конкретных групп имеют свою специфику, что связано с их целями и особенностями культуры. Причем драматические страницы истории играют особую роль, так как заставляют остро переживать общие и объединяющие сюжеты. Это актуализирует интегративные связи в мировоззрении и практике.

История старообрядчества полна драматизма. С момента начала строительства Российской империи в середине XVII в. (реформа церкви была одним из первых актов этого процесса) и на протяжении трех с половиной веков по отношению к староверам применялись репрессии. Если другие этноконфессиональные группы населения такой прессинг испытывают только в советский период, то для староверов данная система отношений задолго до этого стала привычной (но не менее драматичной) моделью отношений с властями. Тысячи «раскольников», как тогда называли староверов представители официальных государства и церкви, трудились и гибли на «великих стройках» второй половины XVII – XVIII вв. В дальнейшем они оставались гонимой и ограничиваемой группой, и только при вступлении империи в революционный период им были дарованы гражданские права. Одним из направлений репрессивной политики стало разорение скитов как монастырских духовных центров, играющих важную роль в жизни старообрядческих согласий. В советский период эта политика была поднята на новый уровень.

В 2021 г. исполнилось 70 лет со дня известного погрома Дубчешских обитателей часовенного согласия. Этот акт, произошедший в 1951 г. на севере Красно-

ярского края, описан в старообрядческой [Духовная литература ... 1999; Урало-Сибирский патерик, 2014], художественной [Солженицын, 1991; Перевозчиков, 1991] и научной [Покровский, 1991; Покровский, Зольникова, 2002] литературе. Обладая этими и другими (устными и эпистолярными) источниками, мы ставим своей задачей их сравнение с целью выявления степени их влияния на формирование существующих стереотипов.

ВЗГЛЯДЫ ЧАСОВЕННЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Погром 1951 г. является ключевым негативным событием в исторической памяти часовенных о XX в. Он стал шоком и заслониł более ранние сюжеты подобного плана (так же как у других групп издержки советской модернизации заслониł издержки модернизаций имперских), что нашло отражение в их изобразительном искусстве, поэзии и прозе. В качестве примеров первого можно упомянуть настенный лист «Выпуск плота», найденный Т.Б. Моррис у орегонских старообрядцев и опубликованный нами [Костров, 2021], а также картину «Вечно гонимые. Трагический март – 51 г.», найденную и опубликованную Е.В. Быковой [2020]. Оба произведения созданы в скитах и живописуют процесс разорения обитателей и вывоза их насельников. На настенном листе, помимо цветного акварельного изображения подконвойного вывоза отца Симеона с братией из разгромленных обитателей, содержится пространный поэтический текст «О горести души» («По Божию велению за грехи моя...»). Это и другие стихотворные произведения, посвященные драматическому сюжету, также встречались нами в рукописном сборнике, воспроизведенном с помощью множительной техники, причем именно указанный стих был подписан как «Слезный 1951 год» (Материалы летней экспедиции 2018 г., Красноярский край). Другие, более известные стихи, посвященные этой странице истории, были опубликованы новосибирскими археографами. В частности, в составе «Берестяной книги» изданы «Стихосложе-

ние чернеца Виталия» («Множество грехов моих воспрещает, Болезнь же сердечная поочряет ...»), «Повесть о разорении многотрудных северных скитов составлена братом Макарием» («Пустынюшка родная, Остаешься ты пустая ...») и «Сочинение грешного Афанасия о разорении и изгнании отцов» («Сяду один наедине, Плач воздвигну в тишине ...») и «Настало время искушения, Какогого я не чаял ...») [Духовная литература ..., 1999, с. 306–316].

Большая часть этих произведений отражает эмоциональное восприятие пережитой драмы и достаточно мало акцентирует внимание на конкретных подробностях. Скорее всего авторы исходили из того, что те, кто будет их читать, и без того знают эти произведения. Конкретные примеры поведения представителей власти по отношению к задержанным приведены в «Стихосложении чернеца Виталия»:

Они кельи окружили и пытали тут отцов.
Овых лестными словами,
Что свободой одарят,
Овых палками, ремнями,
Да всю правду говорят.
Старших крепко добивались
И где живут отцы еще,
Что палки, треская, ломались
О братское плечо.

[Духовная литература ..., 1999, с. 306].

То есть слово «пытали» употреблено не только в значении допроса, оно указывает и на пытки (в смысле истязания). Эта информация приводится и в «Сочинении грешного Афанасия о разорении и изгнании отцов»:

Иконы, книги сожигают,
А с самих иконы и мантии срывают.
Пытки с палкой представляли,
Да чтоб мы друг друга выявляли.

[Духовная литература ..., 1999, с. 310].

Гораздо больше информации содержится в прозе часовенных. Так, в 38-й главе Урало-Сибирского патерика, написанной старообрядческим писателем Иероном Алексеевичем в 1958 г., эта история освещается по прошествии относительно небольшого времени [Урало-Сибирский патерик, 2014, с. 85–93]. Ее автор сообщает о «безбожном отряде» в 22 чел. (вместе с привлеченными и арестованными по пути насчитывалось до 40 чел.), «главарями» которого были «Щербин, и Валов, и обыскатель народа и вещей лютый безбожный тиран Сафронов, и словоиспытатель Соколов» (с. 91). Этим отрядом было арестовано около 60 обитателей скитов (известно о 14 мужчинах и 41 женщине), а сами монастыри уничтожены. Помимо сожжения святынь описываются побои арестантов и мародерство (с. 86–88). В результате 25 скитников, а также 8 «христоролюбцев», помогавших им, предстали перед судом и были осуждены.

Другим сочинением, содержащим информацию о произошедшем, стала «История о Дупческом ските» Афанасия Герасимовича Мурачева, опубликованная по его рукописи 1990 г. [Духовная литература ..., 1999, с. 272–289]. При этом одна часть данного произведения написана на основе личных впечатлений и воспоминаний автора (с. 272–282), а другая – на основе рассказов очевидцев (с. 282–289). Мы, имея опыт общения с двумя свидетельницами этой истории (одна из них уже в возрасте вернулась в скит, а другая живет в миру), можем отметить, что в основном они подтверждают написанное известным автором. Но имеются некоторые расхождения. Так, пожилая информантка, прожившая в скитах 12 лет до их погрома и обладающая хорошей памятью, сообщила, что не видела пыток или чтобы кого-нибудь связывали. Также она подтвердила, что около половины арестованных были отпущены уже в Ворогово после того, как задержанных вывезли из тайги (Материалы осенней экспедиции 2018 г. и зимней экспедиции 2020 г., Республика Тыва).

Помимо освещения общего хода погрома шести таежных обитателей в «Истории о Дупческом ските» также приведены свидетельства преступного поведения нескольких офицеров отряда (например, «начальника Сафронова»), которые издевались над заключенными, применяли побои и пытки. Все это нарушало советское законодательство, но политическая интерпретация подобных мер в виде «партийного понимания» и чувство безнаказанности у силовиков вели к подобным негативным проявлениям человеческого фактора. Под влиянием той же политической конъюнктуры 33 арестованных были осуждены по 58-й статье за «антисоветскую агитацию» и создание «нелегального антисоветского формирования» на сроки от 10 до 25 лет (двое из них умерли в лагерях). Может быть, на фоне атмосферы той сложной эпохи у представителей судебных органов нашлись аргументы, позволявшие представить скиты как незарегистрированную (а значит, нелегальную) оппозиционную (не поддерживающую советскую власть) структуру (организацию), а систему и содержание ее информационных связей – как антисоветскую агитацию. Но какова реальная социальная и политическая опасность, исходившая от монастырей, удаленных и скрытых не только от власти, но и вообще от всего внешнего мира? Очевидно, что никакая, и это позже подтвердит и сама власть, которая не только амнистирует пострадавших от погрома, но и реабилитирует их. Скиты же не только восстанавливаются, но и расширяются (в частности, появятся новые на реках Бирюсе и Чуне), а имена тех, кто злоупотреблял ситуацией и властью, станут известными и опозоренными.

Для старообрядческого взгляда на эту историю характерно то, что она осознается как относительно

недавняя и в силу этого остро воспринимаемая драма в цепи гонений на христиан с целью лишения их духовного центра. Поэтому историю погрома в той или иной мере знает большинство часовенных, для которых она не теряет своей актуальности по сей день и которые в ее реконструкции опираются на живую память, изобразительное искусство и литературу.

ВЗГЛЯД УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ

Восприятие произошедшего со стороны участников команды, проводившей погром и аресты, узнать достаточно сложно. Это связано с тем, что они были на службе, выполняли приказы и действовали в рамках корпоративных правил поведения того времени. Поэтому кроме судебного-следственного дела, изученного нашими предшественниками (Н.Н. Покровским, Н.Д. Зольниковой, М.С. Перевозчиковым и др.), данная история не предполагала возникновения источников с этой стороны. Однако благодаря исследовательской деятельности М.С. Перевозчикова в его распоряжении оказались письма участников той команды, половина из которых была солдатами, а другая – оперативниками. Эта переписка была использована им при создании книги «Староверы» [Перевозчиков, 1991] и сейчас хранится в его фонде в Красноярском литературном музее им. В.П. Астафьева. И если тексты писем солдата М.В. Макарова писатель опубликовал, то письмо шифровальщика В.В. Гусева осталось не изданным. Приведем несколько фрагментов из него. «Наша часть принадлежала к роду войск МГБ. Я выполнял как солдат все обязанности, которые обязан выполнять солдат, куда пошлют, что прикажет делать командир». И далее он последовательно отвечает на вопросы, заданные писателем. Из них следует, что, в отличие от «оперативников», солдаты (которых вместе с командиром было 16 чел.) несли все тяготы похода, спали вместе с «лесными людьми» «на нарах без матрасов на сене». При этом «стариков работать никто не заставлял, кресты с них не срывали, я этого не видел. Работали тогда, когда делали плоты. Когда уходили, действительно сжигали иконы и книги, а допрашивали их без нашего присутствия» (Красноярский литературный музей. Фонд М.С. Перевозчикова: Письма. Письмо В.В. Гусева от 26.11.1990). Понятно, что в кратких ответах бывший солдат не раскрывает всех обстоятельств и в большей мере рассказывает о формальной стороне дела. Так же поступает и М.В. Макаров, который в более пространный эпистолярный описании этой трехмесячной истории (путь на Дубчес через тайгу на лыжах в течении 18 суток, погром, сплав до Енисея) дает гораздо больше интересных подробностей, но также обходит все сложные вопросы, связанные с нарушением прав задержанных. При этом от-

носительно ровное отношение солдат (в отличие от допрашивающих офицеров) отмечал и А.Г. Мурачев. Понятно, что и офицер, у которого М.С. Перевозчиков взял интервью, не стал сообщать подробностей своей деятельности в рамках проведения той операции. Подобная индивидуальная и групповая цензура естественным образом выдает свою версию событий, заметно отличавшуюся от версии тех, по отношению к кому осуществлялись действия.

ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ

В отличие от ученого, задачей которого является реконструкция объективной реальности, основная задача писателя – воплощение художественного образа. В качестве материала для последнего могут использоваться исторические данные, но писатель не обладает научной методологией и волен обращаться с ними как угодно, точнее, как требуют законы жанра, авторская задумка, драматургия сюжетной линии, групповые или темпоральные рефлексии и др. И все-таки, если литератор всерьез ставит перед собой задачу исследовать, то у него может получиться ценное художественное произведение на историческую тему. Применительно к нашему сюжету имеются два принципиально отличающихся, но связанных автора и произведения: имеются в виду А.И. Солженицын и М.С. Перевозчиков. Первый известен как создатель художественной публицистики, прежде всего основанной на устных источниках (многомерном лагерном нарративе и фольклоре) и презентующей реальные, мифологические и вымышленные авторские сюжеты как отражение исторического процесса. Так, в его известном романе «Архипелаг ГУЛАГ» имеются некоторые отсылки к теме погрома скитов. В частности, он описывает, как в 1950 г. на Подкаменной Тунгуске были обнаружены скрытые поселения «яруевских старообрядцев», которые через полгода были погромлены властями, а их жители осуждены по 58-й статье. При этом он описывает их как крестьян, которые сбежали в тайгу от коллективизации. Далее он пишет: «А в 1946 году еще других староверов, из какого-то забытого глухого монастыря, выбитых штурмом нашими доблестными войсками (уже с минами, уже с опытом Отечественной войны), сплавляли на плотках по Енисею» [Солженицын, 1991, с. 248]. Уже М.С. Перевозчиков указывал, что «Яруев» – это Ярцево, и соответственно описывается не Нижняя Тунгуска, а история, разворачивающаяся в районе р. Дубчес и Дубчесских обителей [Перевозчиков, 1991, с. 16]. Более того, полагаем, что это два описания одного сюжета, один из которых обозначен как крестьянский, а другой – как монастырский. При чем литературная гипербола в описании «штурма» впечатляет размахом авторского вымысла. В ходе Ве-

ликой Отечественной войны был накоплен богатейший опыт прифронтовых и тыловых операций, а также операций послевоенного периода против разного рода вооруженных отрядов на бывшей оккупированной территории. Тем не менее, не зная или игнорируя этот опыт, автор пишет об использовании минометов при действиях сил даже не армии, а «МВД» (как известно, на самом деле операцию проводило МГБ) против гражданского населения в таежной местности. Миномет в этих условиях заметно ограничивает мобильность группы, а также не дает преимуществ в условиях густого леса. Даже наличие ручного пулемета, упоминаемого А.Г. Мурачевым, в этих условиях выглядит избыточным и скорее всего было вызвано перестраховкой организаторов акции, которые не обладали полной информацией о скитах. Так или иначе, но литературное творчество А.И. Солженицына создало мощный оценочный фон развития светской художественной, да и научной литературы по теме.

Другой, более обоснованный, подход характеризует М.С. Перевозчикова. В отличие от предыдущего автора, он работал с документами, ездил по региону, знакомился и общался с теми людьми, которые были участниками указанных событий, вступал с ними в переписку. Достаточно большую часть его книги «Староверы» [Перевозчиков, 1991] занимают фрагменты собранных им таким образом источников. Помимо архивных документов писатель привлек письма и интервью участников операции, а также старообрядцев – в частности, А.Г. Мурачева. Это делает его произведение очень ценным.

Несмотря на обстоятельность подхода и тщательность изложения, книга М.С. Перевозчикова испытала на себе влияние своей эпохи создания и мнений ее лидеров, в частности А.И. Солженицына и развиваемой им традиции литературного демонизирования советской пенитенциарной системы. Поэтому М.С. Перевозчиков вслед за «учителем эпохи», но более осторожно, допускает реальность мифа об использовании тяжелого вооружения при погроме, а также однозначно негативно маркирует представителей власти уходящей эпохи. Показателен в данном случае сюжет, описанный им на одной из страниц его труда [Перевозчиков, 1991, с. 11]. Вспоминая о детстве, он пишет, как однажды от конвоируемого этапа заключенных один из них побежал в его сторону, но охранник, который сначала бежал и требовал остановиться, все-таки догнал и заколол арестанта штыком. При этом действия конвойного преподносятся в негативном свете. Попробуем посмотреть на эту историю не с точки зрения перестроечного интеллигента, а с позиции охранника. При попытке побега (в данном случае «на рывок») он должен был стрелять. Не исключено, что именно поэтому арестант бежал по на-

правлению к ребенку, понимая, что это свяжет руки конвойному, который требовал остановиться. Более того, никто не знает, о чем думал бежавший и что он мог сделать по отношению к ребенку (напомним, большая часть сидевших в лагерях не была «политической»). Поэтому солдат догнал и заколол его. Можно предположить, что этим он спас ребенка, которого могли взять в заложники и использовать как живой щит. Но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. этот факт однозначно воспринимался иначе.

Подобная литературная оценочность и гротеск будут иметь продолжение. Так, в справочных текстах, вышедших позже, можно увидеть версию о том, что сотрудники органов были высажены с вертолетов (сайт Толкователь, статья «Разгром старообрядческих скитов в Дубчесе в 1951 г.»)¹, а также о том, что большинство «скитов было уничтожено войсками МВД с применением авиации, минометов и т. п.» [Вурфгарт, Ушаков, 1996, с. 304]. Однако информации о минометах нет ни в одном источнике, об этом написано только в романе А.И. Солженицына. То же самое касается и грозно звучащего «с применением авиации». Как известно из наследия А.Г. Мурачева, гидросамолет использовали метеорологи, которые высаживались на озере в 30 км от скитов в 1949 г. (вероятнее всего, они и доложили о таежных обитателях властям). Группа же МГБ, согласно имеющейся переписке ее солдат и М.С. Перевозчикова, силами активно развивающейся тогда малой авиации (позже ее основу назовут «кукурузником») была доставлена только до Ворогово на Енисее, а далее две с половиной недели шла до скитов по тайге. Развитие подобных мифологем в современном информационном пространстве не говорит о том, что авторы стремятся ввести кого-либо в заблуждение, это, скорее, отражение глубоко болезненного отношения к такого рода репрессивным актам, после которых многие действия власти представителей воспринимаются обществом однозначно негативно.

Специфика разных источников формирования стереотипов общественного сознания свидетельствует о том, что их необходимо привлекать в комплексе. Это позволяет не только определить спектр (или его важную часть) взглядов представителей разных общественных групп (в частности, старообрядцев, творческой интеллигенции, представителей власти и др.), но и дать социальную оценку происшедшего. Уравнителем же этих оценок является наука, которая через реализацию принципа объективности стремится к преодолению индивидуальных и групповых ин-

¹ Разгром старообрядческих скитов в Дубчесе в 1951 г., 2014: Толкователь [Электронный ресурс]. URL: <http://tolk.ru/2014/12/01/разгром-старообрядческих-скитов-в-ду> (дата обращения: 10.04.2021)

тересов. Через реализацию присущей ей функции аналитического сопровождения управления она способна оптимизировать развитие общественных процессов и минимизировать потенциальную конфликтность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Погром Дубчесских обитателей в 1951 г., безусловно, является большой трагедией не только для старообрядцев часовенного согласия, но и для всего общества. По сути, это акт вырубания сохраненного старообрядцами исторического корня российской культуры. Российская Федерация, с точки зрения конфессиональной политики, должна и отличается в лучшую сторону от Российской империи и СССР. Даже если со стороны таежных отшельников допускается какое-либо формальное нарушение правил и закона (как это оценивалось в имперский и особенно в советский период), то управленец должен задаваться вопросом: какова социальная опасность подобных гипотетических нарушений? Очевидно, что таежные монастыри никакой опасности не представляют и представлять не могут. А вот польза от них очевидна. Минимум – это сохранение и развитие социокультурной инфраструктуры на севере Сибири, который в последние десятилетия заметно пустеет. Максимум – это сохранение и развитие одного из духовных центров старообрядчества как важной части фундамента культуры отечественного общества. Поэтому подобные акты вандализма по отношению к людям, сохраняющим ее основы, не должны повторяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова Е.В. Художественный центр староверов-часовенных на Дубчессе: история и современность // Материалы Междунар. науч. конф. «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения». М.: ИРИ РАН, 2020. С. 328–343.
2. Вурфгарт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 317 с.

3. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 799 с.
4. Костров А.В. Феномены культуры современных старообрядцев-часовенных Енисейской Сибири. Красноярск: КАСС, 2021. 412 с.
5. Перевозчиков М.С. Староверы. Документы. Письма. Встречи. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1991. 111 с.
6. Покровский Н.Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир, 1991. № 9 (797). С. 77–91.
7. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
8. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М.: Инком НВ, 1991. Т. 7. 389 с.
9. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / подг. Н.Н. Покровский, Н.Д. Зольникова, О.Д. Журавель. М.: ЯСК, 2014. Кн. I (Том I–II). 462 с.

REFERENCES

1. Bykova E.V. (2020). Art center of Old Believers-Chapels in Dubchez: history and modernity. *Starobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 328–343. (In Russ.)
2. Vurfgart S.G., Ushakov I.A. (1996). Old Believers. Persons, objects, events and symbols. *Encyclopedic dictionary experience*. Moscow, Tserkov', 317 p. (In Russ.)
3. Pokrovskiy N.N. (Ed.) (1999). *Spiritual literature of Old Believers of the East of Russia in the XVIII – XX centuries*. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 799 p. (In Russ.)
4. Kostrov A.V. (2021). Cultural phenomena of modern Old Believers-chapels of Yenisei Siberia. *Krasnoyarsk, KASS*, 412 p. (In Russ.)
5. Perevozchikov M.S. (1991). *Old Believers. Documentation. Letters. Meetings*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoye knizhnoye izd-vo, 111 p. (In Russ.)
6. Pokrovskiy N.N. (1991). Behind the page of the “GULAG Archipelago”. *Novyy mir*, no. 9 (797), pp. 77–91. (In Russ.)
7. Pokrovskiy N.N., Zol'nikova N.D. (2002). *Old Believers-Chapels in the East of Russia in the XVIII–XX centuries: problems of creativity and social consciousness*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)
8. Pokrovskiy N.N., Zolnikova N.D., Zhuravel O.D. (Eds.) (2014). *Ural-Siberian patericon: texts and comments*. Moscow, YaSK, bk. 1, vol. 1/2, 462 p. (In Russ.)
9. Solzhenitsyn A.I. (1991). *GULAG Archipelago. Collected works*. Moscow, Inkom NV, vol. 7, 389 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.03.2022

Дата рецензирования 10.05.2022

Статья принята к публикации 16.05.2022

DOI: 10.15372/HSS20220210

УДК 94(571.56-25) "1917"

П.О. САВВИНОВ

РЕФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. ЯКУТСКА В 1917 г.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677000, Якутск, ул. Петровского, 1

В статье рассматривается история городского самоуправления Якутска в 1917 г. Цель исследования – анализ структуры органов городского самоуправления и избирательного процесса в Якутске в 1917 г., а также факторов, влиявших на этот процесс в условиях политического и социально-экономического кризиса, выяснение личного состава органов городского самоуправления. Впервые подробно освещается организация выборов, личный состав городского самоуправления Якутска. Отмечено, что революция 1917 г. активизировала процессы демократизации общественной жизни в Якутске. В результате выборов 18 мая 1917 г. в Якутскую городскую думу основное влияние в ней получили фракции социал-демократов, эсеров и Якутский трудовой союз федералистов. После событий октября 1917 г. власть в Якутске сохраняла лояльность свергнутому большевиками Временному правительству и Учредительному собранию.

Ключевые слова: революция 1917 г., Временное правительство, Якутский комитет общественной безопасности, социалистический блок, временная народная управа, городская дума, городская управа.

P.O. SAVVINOV

REFORMING SELF-GOVERNMENT IN YAKUTSK IN 1917

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems SB RAS,
1, Petrovsky str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

Nowadays, self-government bodies of the city of Yakutsk remain almost unstudied by historians. This work considers the history of self-government in Yakutsk during the Revolution of 1917. The research objective is to analyze the structure of the city government and the electoral process in Yakutsk in 1917 and reveal the factors that influenced this process in the context of political and socio-economic crises. In addition, the focus is to clarify the composition of Yakutsk city self-government bodies. This scientific novelty of research is that it provides for the first time a holistic view of the election organization and the self-government staff of the city of Yakutsk (the City People's Duma and City Council) based on the principles of historicism, objectivity, consistency, and comprehensiveness. The retrospective method is used as a research tool, making it possible to highlight cause-and-effect relations and regularities in the historical development of the issue. It was found that the elections to Yakutsk City Duma on 18 May, 1917 resulted in three political groups becoming the dominant force: the Social-Democratic, Social-Revolutionary, and Yakutsk Labour Union of the Federalists (YaLUF). The study revealed that the most stable position was that of the Socialist Revolutionary Party: its representatives were at the head of the Yakutsk Committee of Public Security, City Duma, and City Council and entered into an alliance with the national intelligentsia through YaLUF. The Mensheviks have been found to account for an absolute majority in the local branch of the RSDLP actively collaborating with the Social Revolutionaries. The position of the Bolsheviks proved to be considerably weaker. It is worth noting that after the events of October 1917 in Petrograd, the authorities in Yakutsk remained loyal to the Provisional Government and the Constituent Assembly, which had been overthrown by the Bolsheviks.

Key words: Revolution of 1917, Provisional Government, Yakutsk Committee for Public Security, socialist bloc, election commission, Provisional People's Council, City Duma, City Council.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. Якутск был одним из провинциальных малонаселенных городов Сибири на северо-востоке Российской империи. Февральская революция 1917 г. активизировала процессы демократизации общественной жизни, становления новых обществен-

но-политических объединений и переустройства действовавших на местах органов самоуправления.

На современном этапе развития исторической науки одним из актуальных и перспективных направлений является изучение становления городского самоуправления как института представительной влас-

Павел Олегович Саввинов – младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: pavel_savvinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>.

Pavel O. Savvinov – Assistant scientist, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems SB RAS.

ти, наиболее близкого к населению. В публикациях, посвященных революционным событиям и гражданской войне 1917–1920 гг., а также в обобщающих исследованиях по истории отдельных сибирских городов (Иркутск, Томск, Барнаул, Новониколаевск, Омск) отслеживается процесс демократизации органов городского самоуправления, проведение выборов на принципах всеобщего избирательного права, с выдвижением кандидатов в гласные по партийным спискам, анализируется участие муниципалитетов в политическом процессе, рассматриваются их взаимоотношения с органами государственной власти. Однако специальных работ по указанным проблемам недостаточно для воссоздания полной картины [Шиловский, 2004, с. 5–11]. Среди крупных работ, посвященных изучению городского самоуправления Сибири в годы Первой мировой войны и социальной трансформации с 1914 по 1918–1919 гг., выделяются монографии А.Б. Храмцова [2010, с. 58–74] и О.В. Чудакова [2013, с. 54–106]. Деятельность органов общественного самоуправления в годы Первой мировой войны изучал М.В. Шиловский. По его мнению, в условиях войны началось сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время [Шиловский, 2015, с. 302]. В изучении истории восточносибирских городов (Иркутск, Красноярск, Чита, Якутск и др.) исследования такого рода отсутствуют. Специалист по истории Якутска П.П. Петров, уделивший большое внимание истории городского самоуправления Якутска в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.), отметил лишь, что Якутская городская дума и управа стали ареной борьбы различных политических сил [Петров, 2012, с. 38–41]. Однако деятельность органов городского самоуправления в данной ситуации остается практически неизученной.

В научный оборот автором статьи вводятся источники, отражающие структуру органов городского самоуправления и избирательный процесс в Якутске в 1917 г.: это комплекс разноплановых материалов, хранящихся в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)) и Российского государственного исторического архива (РГИА). Среди них следует отметить законодательные акты и постановления Временного правительства, делопроизводственные документы, образовавшиеся в процессе функционирования городских органов власти, материалы справочно-статистических изданий и местной периодической печати.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Революция внесла качественные изменения во взаимоотношения власти и местного самоуправления. Государственная дума в лице Временного коми-

тета взяла в свои руки управление страной с целью создания власти, пользующейся доверием общества. В Сибирь сведения о Февральской революции приходили с опозданием, к тому же телеграммы из центра специально задерживались местными властями, стремившимися не допустить у себя распространения революции и занявшими выжидательную позицию. 2 марта 1917 г. весть о революции и свержении монархии дошла до городского головы Якутска П.А. Юшманова, которому от имени Временного комитета Государственной думы рекомендовали сохранять спокойствие, сосредоточить внимание на обороне и продовольственном вопросе. События в Петрограде обыватели Якутска встретили восторженно, 3 марта 1917 г. начались массовые митинги и собрания горожан. При этом город продолжал жить обычной жизнью. Местная власть заняла выжидательную позицию. Исполняющий обязанности губернатора барон Д.О. фон Тизенгаузен и городской голова П.А. Юшманов в этот день посетили спектакль Г. Ибсена «Доктор Штокман» в клубе приказчиков [Федоров, 2013, с. 316–319].

Во многих сибирских городах Комитеты общественной безопасности создавались по инициативе городских дум, на собраниях и совещаниях гласных городских дум и представителей общественных организаций, на митингах. В ночь с 3 на 4 марта 1917 г. в Якутске эсеры и социал-демократы создали коалиционный Якутский революционный комитет – первый временный орган управления областью, который сложил свои полномочия на следующий день, 4 марта, после избрания горожанами Якутска легального органа власти – Якутского комитета общественной безопасности (ЯКОБ) [Архипова и др., 2020, с. 191; Федоров, 2021, с. 65]. Председателем комитета был избран большевик Г.И. Петровский. В марте 1917 г., когда Временное правительство назначило Г.И. Петровского областным комиссаром, председателем ЯКОБ избрали меньшевика Г.О. Охнянского¹. Если в 1917 г. в некоторых частях Сибири де-юре утвердилось многовластие государственных и самодельных структур и организаций (комиссары Временного правительства, КОБы, Советы, профсоюзы, городские думы, партийные и национальные комитеты, кооперативы и т.п.), то в Якутии установилась власть социалистов-революционеров и социал-демократов – по сути, власть коалиции левых сил [Шиловский, 2003, с. 41].

Временное правительство поддерживало сохранение дореволюционного местного самоуправления вплоть до проведения реформ, учитывая, что обеспечение местных нужд, организация тыла все еще осу-

¹ Вестн. Исполнительного комитета общественной безопасности города Якутска. 1917. 14 марта.

ществлялись силами городских дум. В регионах, где не было земств, в частности в Сибири, предполагалось опереться на подготовленные кадры городских самоуправлений [Архипова и др., 2020, с. 191]. Поэтому в конце марта 1917 г. Временное правительство выпустило специальный циркуляр о демократизации земских собраний и городских дум, за счет пополнения их «неценовым элементом» с правом решающего голоса². В большинстве сибирских городов процесс демократизации шел в основном двумя путями: пополнение состава городских дум или же их переизбрание. Например, 23 марта 1917 г. гласными Иркутской городской думы было принято решение пополнить состав думы 38 «демократическими элементами» [Чудаков, 2013, с. 70–71]. Однако в Якутске 4 марта революционный комитет предложил распустить городскую думу и передать полномочия по управлению городом ЯКОБу. Гласные городской думы не препятствовали, а наоборот, выражали полную солидарность с предложением комитета³. На заседании ЯКОБ 5 марта была избрана временная народная управа Якутска, в состав которой вошли представители эсеров (В.А. Панкратьев, В.Н. Соловьев) и РСДРП (А.Д. Широких, А.Д. Красносельский и П.Ю. Перконь)⁴. Временный орган городского самоуправления начал прием кассы, делопроизводственных документов и хозяйства от городской управы. Также собрание ЯКОБ приняло решение провести перепись горожан Якутска для установления перед выборами общего числа гласных Якутской городской думы, привлекая с этой целью учащихся и граждан, поддерживающих комитет.

РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Преследуя цель преобразования органов местного самоуправления, 26 марта 1917 г. в Петербурге начало работу Особое совещание по реформе земского и городского самоуправления под председательством князя Г.Е. Львова. Оно выработало основной пакет документов по реформе городского самоуправления и земства, которым Временное правительство и Государственная дума уделяли серьезное внимание. Реформа городского самоуправления базировалась на стремлении сохранить приоритет центральной администрации, единообразие системы управления в стране [Храмцов, 2010, с. 77]. 15 апреля 1917 г. вышло постановление Временного правительства об организации выборов в органы городского самоуправления. Неравноправные цензовые выборы заменялись всеобщими и равными, к выборам городской

думы допускались граждане России с 20 лет без различия национальности и вероисповедания. В гласные и кандидаты могли избираться граждане, не проживавшие и не имевшие недвижимого имущества в городе. Каждый избиратель имел один голос. Всеобщее избирательное право, включая женщин, стало утверждаться как новое, прогрессивное явление общественной жизни. До революции избиратели женского пола могли выражать свою политическую волю на выборах только посредством родственников мужского пола⁵. Гласные городской думы избирались на срок до 1 января 1919 г. Права участвовать в выборах лишались осужденные по уголовным делам и за преступления против избирательного права, а также находящиеся в местах заключения или отбывающие ссылку сроком не более трех лет, кроме того, содержатели публичных домов. В городских выборах не участвовали представители региональной (уровня губернии, области, градоначальства и уезда) административной власти, работники местной милиции, монахи, лица, признанные душевнобольными, психически нездоровыми и глухонемыми. Для проведения выборов создавалась городская избирательная комиссия под председательством городского головы, в каждом городском поселении организовывался один избирательный округ, разделенный на отдельные участки⁶. По мнению членов Временного правительства, городские выборы должны были закрепить идею всеобщего избирательного права в государственном устройстве и общественном сознании граждан; апробирование процедуры выборов создавало бы условия для успешного проведения выборов в Учредительное собрание⁷.

В большинстве сибирских городов выборы в городские думы прошли в июле–августе 1917 г. Их главной особенностью было то, что впервые городские выборы состоялись на принципе пропорциональности – по партийным спискам кандидатов. Например, в Красноярске избирательная кампания проходила в июне 1917 г., всего от различных партий было выставлено 8 списков. Выборы в городскую думу Красноярска состоялись 2 июля 1917 г., по результатам которых большевики получили большинство голосов (около 49,5 %) и сумели провести на должность городского головы своего представителя – Я.Ф. Дубровинского. В Иркутске выборы в городскую думу проходили 30 июля 1917 г. Избирателям было представлено 10 избирательных списков: 6 от политических партий – эсеров, меньшевиков, сионист-

² Вестн. Временного правительства. 1917. 29 июня.

³ Вестн. Исполнительного комитета общественной безопасности города Якутска. 1917. 4 марта.

⁴ Там же. 8 марта.

⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁶ Вестн. Временного правительства. 1917. 16 апр. (29 апр.).

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 5 1917 г. 2 доп. Д. 51. Л. 17.

тов, кадетов, народных социалистов, большевиков, а также от союза домовладельцев, жителей Нагорного района и окраин и союза служащих правительственных учреждений. На выборах победили эсеры. В целом к концу 1917 г. в органах городского самоуправления Сибири наиболее значительную роль играли социалисты, кадеты и беспартийные. Большевики имели значительное, но не преобладающее влияние в крупных городах и незначительное – в уездных. Так, в Омске, Иркутске, Верхнеудинске, Новониколаевске, Томске в результате выборов в городскую думу большинство голосов получили левые политические силы (эсеры и большевики). На выборах в уездных городах Томской губернии (Бийске, Каинске, Славгороде, Татарске) социалисты потерпели поражение, большинство мест здесь получили либералы [Чудаков, 2013, с. 88 – 101].

ВЫБОРЫ В ЯКУТСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

С весны 1917 г. велась подготовка к выборам в органы городского собрания Якутска. Согласно мнению А.Л. Соловьева (якутского мещанина, служащего счетоводного бюро), в Якутске правила о выборах в органы городского самоуправления, изданные Временным правительством, не были опубликованы, а вместо этого 22 апреля 1917 г. временный комиссариат по делам городского хозяйства ЯКОБ издал основные положения по выборам в Якутскую городскую думу⁸. Согласно данному положению городская дума избиралась на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания. Активное избирательное право принадлежало всем проживавшим на территории Якутска горожанам, достигшим 18 лет. Избирательных прав лишались душевнобольные и психически нездоровые, заключенные, подданные военно-политического блока центральных держав. Пассивное избирательное право не ограничивало граждан территорией их проживания. Избирательные списки публиковались для ознакомления горожан за семь дней до начала выборов с целью дать возможность гражданам внести коррективы. Количество гласных городской думы устанавливалось в 50 чел.⁹

Данное положение существенно развивало становление Временного правительства об организации выборов в органы городских самоуправлений. Оно расширяло круг избирателей за счет снижения возрастного ценза, включения в число избирателей представителей региональной власти, лишало права голоса подданных стран – военных противников.

В положении определялось точное количество гласных городской думы.

Среди жителей имелись и те, кто считали организацию проведения выборов гласных городской думы неправильной. Так, 15 мая 1917 г. вышеупомянутый А.Л. Соловьев потребовал от областного комиссара В.Н. Соловьева, который вступил в должность 10 мая: 1) перенести выборы в органы городского самоуправления на сентябрь 1917 г., когда будут завершены все сельскохозяйственные работы и Якутск покинут все лица, не связанные с городом; 2) немедленно обнародовать положения о выборах гласных городской думы для руководства и обсуждения населением о правильности организации выборов; 3) опубликовать настоящее заявление и назначить 18 мая 1917 г. плебисцит по двум вопросам. Первый вопрос – о доверии населения областному комиссару В.Н. Соловьеву и местным органам Временного правительства. Ответ на второй вопрос должен был выяснить, «поддерживает население требования А.Л. Соловьева или нет?». По итогам плебисцита в случае недоверия граждан областному комиссару и местным органам власти последние должны были сложить свои полномочия и передать обязанности областному управлению до приезда нового областного комиссара, которое «лучше» разбиралось в областном земском самоуправлении.

Следует отметить, что А.Л. Соловьев не указал, кем должны были быть представлены региональные власти. Для проведения выборов и проверки избирательного списка планировалось организовать межведомственную комиссию – областное по городским и земским делам присутствие в составе прокурора, юриста, советников из областного управления и двух горожан во главе с председателем окружного суда. В обязанность данного органа должен был входить контроль над деятельностью городских комиссаров¹⁰. А.Л. Соловьев не указывает также, о каких городских комиссарах идет речь, возможно, о временной народной управе, состоящей из членов ЯКОБ. В ответ на жалобу областной комиссар В.Н. Соловьев поручил городской милиции провести обыск в доме А.Л. Соловьева с целью обнаружить любые письменные документы и агитационные тексты против Временного правительства, которые могли стать основанием для его ареста¹¹. Однако в доме А.Л. Соловьева городская милиция ничего не обнаружила, о чем ее начальник сообщил в революционный трибунал ЯКОБ¹².

На избирательный процесс существенное влияние оказывала бурная внутрипартийная жизнь, активно создавались партийные организации. Видную

⁸ НА РС (Я). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–5.

⁹ Вестн. Якутского комитета общественной безопасности. 1917. 26 апр. (9 мая).

¹⁰ НА РС (Я). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 4–5.

роль в этом процессе сыграли политические ссыльные. Ссылные были членами более 25 политических партий, фракций и групп. Из 1024 ссыльных в Сибири, о которых имеются данные, больше всего было социал-демократов – 625 чел. (61 %), из них: большевиков – 420 чел., меньшевиков – 112; эсеров – 250 чел. (24,4 %), анархистов – 26 чел. (2,5 %), сторонников других партий и течений – 59 чел. (5,8 %) [Шиловский, 2003, с. 43].

В Якутии политические ссыльные также были выразителями идеи создания политических организаций. К февралю 1917 г. в области действовали две политические партии – в лице эсеров и социал-демократов. Большевики и меньшевики продолжали состоять в единой организации РСДРП, без отдельно оформленных фракций. Это объяснялось территориальной удаленностью, информационной изолированностью окраин. Организация партии эсеров была самой крупной и влиятельной среди населения области. Значительное влияние имел якутский союз «Свобода» – организация общественно-просветительского характера, на основе которой в июне 1917 г. была создана региональная политическая партия «Якутский трудовой союз федералистов». Эта партия рассматривала государственное устройство России как федеративную демократическую республику во главе с президентом, а парламент (Всероссийская законодательная палата) – как высший орган страны. Федералисты являлись последователями сибирских областников и видели будущее Сибири в качестве автономии во главе с думой. В ведение Сибирской областной думы предполагалось передать весьма широкий круг вопросов, включая бюджет, выбор исполнительной власти, распоряжение всеми землями, колонизацию и др. [Дьячкова, Радченко, 2020, с. 57–61]. Союз федералистов выступал за реализацию основных прав и свобод граждан России. Члены партии особое внимание уделяли земскому и городскому самоуправлениям, которые, по их мнению, следует ввести повсеместно на основе всеобщего избирательного права. По земельному вопросу якутские федералисты тяготели к традициям общинного землевладения, их программа была близка к эсеровской [Федоров, 2013, с. 340–343]. На учредительной конференции была определена тактика союза: сотрудничество с партией эсеров и борьба с РСДРП [Новгородов, 1991, с. 34].

Широкий размах в Якутске получило профсоюзное движение. Ввиду малочисленности рабочих на мелких предприятиях профсоюзы создавались по профессиям, а не по предприятиям. К маю 1917 г. в городе существовали 12 профсоюзов, с численностью около 1500 чел. [Макаров, 1979, с. 259; Федоров, 2013, с. 326–349]. Все партии, профсоюзы и политические организации, придерживающиеся левой платформы, вошли в социалистический блок город-

ской думы, целью которого было согласование общего списка кандидатов¹³. В результате от блока социалистов был выставлен единый список, куда вошли 50 чел. (блок не включал альтернативных кандидатов от других объединений).

В состав Центрального избирательного бюро по выборам в городскую думу вошли А.Ф. Черенков – от ЯКОБ, А.Д. Красносельский – от комиссариата городского хозяйства, М.М. Константинов – от РСДРП, М.С. Васильев – от партии эсеров, А.И. Сафронов – от Якутского союза «Свобода»¹⁴. Список избирателей по выборам в органы городского самоуправления состоял из 4877 чел. (более конкретные данные об участии избирателей в выборах отсутствуют)¹⁵. В городе было открыто 5 избирательных участков¹⁶. 18 мая 1917 г. состоялись выборы в Якутскую городскую думу. По итогам выборов в состав гласных вошли 50 чел. вместо 35 чел., как было установлено правительством¹⁷. Городская дума сформировалась из представителей партий РСДРП – 15 чел. и эсеров – 15 чел., Якутского союза «Свобода» – 9 чел., союза учителей – 4 чел., союза торгово-промышленных служащих – 2 чел. и по 1 представителю из союза столяров, союза почтово-телеграфных служащих, казачьего сословия, еврейских и мусульманских общин¹⁸. Как следует из доклада городского головы И.Н. Эверестова в августе 1917 г. областному комиссару В.Н. Соловьеву, предвыборная межпартийная борьба показала, что большая часть населения города отнеслась к выборам «с полным сознанием их важности»¹⁹. В период избирательной кампании социалистические партии и профсоюзные движения объединились в блок и выставили общий список кандидатов, демонстрируя согласованность действий представителей левых сил в городе.

21 мая 1917 г. состоялось первое заседание Якутской городской думы, на котором предлагалось забыть фракционную борьбу и начать совместную работу. Так, большевик Г.И. Петровский, меньшевик Г.О. Охнянский, эсер П.А. Куликовский и другие в своих речах призывали к «дружной работе гласных»²⁰. На заседании городской думы встал вопрос о численности членов управы. Комитет городского хозяйства предлагал избрать лишь 3 членов

¹³ Вестн. Якутского комитета общественной безопасности. 1917. 24 апр. (7 мая).

¹⁴ Там же. 6 мая (19 мая).

¹⁵ НАРС (Я). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 13. л. 80-85; Ф. И-165. Оп. 1 Д. 3647. Л. 4.

¹⁶ Вестн. Якутского комитета общественной безопасности. 1917. 24 апр. (7 мая).

¹⁷ НАРС (Я). Ф. И-165. Оп. 1 Д. 3647. Л. 4–5.

¹⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5 1917 г. 2 доп. Д. 51. Л. 5

¹⁹ НАРС (Я). Ф. И-165. Оп. 1 Д. 3647. Л. 5.

²⁰ Там же. Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

управы в связи с финансовым состоянием города, причем, по мнению комитета, главная работа должна лечь на комиссии из гласных во главе с председателем, должность которого оплачивалась. Большинство гласных думы выступали за избрание управы в составе 5 чел. По их мнению, члены комиссии, обремененные зарабатыванием средств к существованию, не будут в состоянии работать в управе 24 часа, между тем как от городской управы зависит обеспечение функционирования городского хозяйства. В итоге городская дума склонилась к организации городской управы из 5 чел.²¹ Гласные установили размер содержания городскому голове и членам управы – по 180 руб. каждому в месяц.

Гласными городской думы были выдвинуты 2 кандидата на должность городского головы: П.Ю. Перконь – от РСДРП, И.Н. Эверестов – от партии эсеров²². Предложение В.Д. Виленского открыть прения по кандидатурам было отклонено, поскольку кандидатуры были заранее согласованы в фракциях. В результате городским головой был избран И.Н. Эверестов, который имел опыт работы в качестве директора Якутского городского общественного банка. Членами городской народной управы выбрали: Н.А. Ожигова – политссыльного, врача, Е.М. Мезенцеву – служащую торговой фирмы «Наследники Кушнарева», П.П. Филиппова и Р.И. Оросина – членов «Союза свободы», рекомендованных фракцией эсеров. Впервые в штат городской управы была включена женщина. Председателем представительного органа власти Якутска избрали не городского голову, а члена союза «Свобода» Г.В. Ксенофонтова, кандидатура которого была предложена партией эсеров. При этом фракция РСДРП от голосования воздержалась²³.

Итак, образовалась коалиция партий социалистов-революционеров и трудового союза федералистов во главе с эсерами. В 1920 г. в эсеровской газете «Голос труда» вышла статья «К истории Якутской организации социалистов-революционеров». Ее автор писал, что отсутствие в городской управе социал-демократов и бывшее сотрудничество с якутскими федералистами являлись ошибкой²⁴. Это неудивительно, так как статья была выпущена эсерами, недовольными деятельностью своей организации, причем уже после установления в Якутии советской власти.

В ходе проведения выборов в городские думы случались нарушения избирательного закона. 25 мая 1917 г. А.Л. Соловьев написал жалобу в Правительствующий сенат о нарушениях в проведении выборов

в гласные городской думы Якутска. Он просил Правительствующий сенат обнулить результаты выборов в Якутске и предлагал организовать новые выборы в городское самоуправление. По мнению А.Л. Соловьева, в Якутске выборы проводились с нарушениями, ведь они основывались на положении по выборам в Якутскую городскую думу, принятом ЯКОБом, которое не вполне соответствовало постановлениям Временного правительства: 1) возрастной ценз составлял 18 лет вместо 20 лет, установленных Временным правительством; 2) в избирательные списки были включены граждане, не проживавшие и не имевшие недвижимого имущества в Якутске: служащие областного управления и милиции, ссыльнопоселенцы, жившие в регионе не менее трех лет и осужденные по уголовным делам. (Нужно отметить, что 27 мая 1917 г. Временное правительство дополнительно сообщило, что при выборах местного самоуправления признает избирательные права областного комиссара и сотрудников милиции)²⁵; 3) при оглашении списков избирателей не были соблюдены сроки, так как их напечатали за неделю до выборов; 4) избирательная комиссия, назначенная ЯКОБом, была организована с нарушением правил, установленных Временным правительством; 5) нарушены были принципы пропорциональности и тайного голосования, т.е. были выдвинуты все кандидаты от социалистического блока, а альтернативным кандидатам от союза женского равноправия не предоставили места (при этом некоторые члены вышеуказанного союза объявляли самоотвод своей кандидатуры в связи с поддержкой списка социалистического блока²⁶); 6) в Якутске не были опубликованы постановления Временного правительства об организации выборов в городскую думу от 15 апреля 1917 г.²⁷, по решению областного комиссара В.Н. Соловьева жалоба А.Л. Соловьева была оставлена без движения, так как заявления такого рода рассматривались в окружном суде, а не в Правительствующем сенате. В августе 1917 г. городской голова И.Н. Эверестов в своем сообщении областному комиссару В.Н. Соловьеву признавал наличие нарушений на выборах, именно в отношении количества гласных, возрастного ценза, непропорциональности списка кандидатов²⁸.

Члены городского самоуправления в Якутске сохраняли лояльность Временному правительству и Учредительному собранию. Летом 1917 г. в Якутии положение эсеров было устойчивым. Они стояли во главе ЯКОБ, городской думы и управы и вступили в

²¹ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3647. Л. 2.

²² Там же. Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Голос труда. 1920. 7 марта.

²⁵ НА РС (Я). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

²⁶ Вестн. Якутского комитета общественной безопасности. 1917. 9 мая (22 мая); 17 мая (30 мая).

²⁷ НА РС (Я). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 31. Л. 10–11.

²⁸ Там же. Л. 4–5.

союз с национальной интеллигенцией через партию ТСФ. Большевикам принадлежало подавляющее большинство в местном отделении РСДРП, они сотрудничали с эсерами. По результатам выборов в Совет рабочих депутатов меньшевики руководили его деятельностью [Макаров, 1980, с. 47]. Позиции большевиков были довольно слабыми. В конце августа 1917 г. была предпринята попытка Корниловского мятежа. События, происходившие в центре страны, нашли отклик и в Якутии. Члены ЯКОБ приветствовали А.Ф. Керенского как «верховного вождя народа» [Радченко, 2019, с. 59–60]. 2 сентября 1917 г. узнав о неудачном выступлении генерала Л.Г. Корнилова, Якутская городская дума заявила об осуждении «посягательств на основы государственного строя и завоеваний революций» и выразила полную поддержку Временному правительству²⁹. К моменту вооруженного захвата большевиками в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. власти, установленные до февраля 1918 г. советской власти на большей части территории бывшей Российской империи политическая власть в Якутии находилась в руках сторонников Февральской революции и Временного правительства, а Советы рабочих депутатов оставались в руках меньшевиков, осудивших вооруженный захват власти в стране большевиками [Федоров, 2013, с. 383–392]. Либеральной модели парламента большевики противопоставили «советский тип демократии», оказавшийся более понятным для большинства населения, жаждавшего мира, земли, труда, прав и свобод [Федоров, Боякова, 2021, с. 73]. Как и в большинстве сибирских городов (Барнаул, Бийск, Змеиногорск, Славгород, Иркутск и т.д.), партийный состав городской думы определил ее отношение к октябрьским событиям в Петрограде. Якутская городская дума выразила поддержку Временному правительству и признала правомерными решительные меры борьбы с большевиками³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, узнав о свержении самодержавия 3 марта 1917 г., представители старой власти в Якутске заняли выжидательную позицию. Эсеры и социал-демократы Якутска объединились в коалиционный революционный комитет, который стал первым временным органом управления после свержения самодержавия. Созданный на этой идейно-организационной основе Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) отстранил от власти старую администрацию сначала в Якутске, а затем во всем

регионе. Если в большинстве сибирских городов в марте – апреле 1917 г. состав дореволюционных городских дум демократизировался путем пополнения или переизбрания, то в Якутске органы городского самоуправления, как и губернаторская администрация, практически передали свои полномочия ЯКОБ. Законы Временного правительства обеспечивали правовую базу процесса демократизации на основе выборов в местное самоуправление. Но ЯКОБ взял на себя инициативу по проведению выборов и разработал собственное положение по выборам в городскую думу, которое адаптировало постановление Временного правительства к местной ситуации. Вследствие объединения левых политических партий и профсоюзных движений в единый блок, с выставлением на выборы согласованного списка кандидатов, в предвыборной кампании отсутствовала острая межпартийная борьба. В результате выборов 18 мая 1917 г. в Якутскую городскую думу на место старых гласных-«цензовиков» пришли представители партий социалистической направленности (социал-демократы, эсеры, федералисты). Однако солидарность внутри левого движения в органах городского самоуправления пошла на убыль с оформлением блока партий эсеров и федералистов во главе с первыми. В состав исполнительного органа городского общественного управления не вошел ни один социал-демократ. Впервые был избран на должность председателя представительного органа городской власти не городской голова, а лидер местных национальных сил (член союза «Свобода» Г.В. Ксенофонтов), продвигаемый эсерами. Городским головой был избран кандидат от эсеров, имевший наибольший управленческий опыт (И.Н. Эверестов). После октября 1917 г. власть в регионе сохранялась у сторонников Февральской революции и Временного правительства. Партийный состав членов городского самоуправления Якутска определял их отношение к петроградским событиям октября 1917 г., выражавшееся в сохранении лояльности свергнутому большевиками Временному правительству и Учредительному собранию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова А.И., Борисов А.А., Бурнашева Н.И., Захарова Т.В., Макарова А.И., Петров П.П., Радченко Н.Н., Юрганова И.И.* Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII – начало XX вв.). Иркутск: 2020. 267 с.
2. *Дьячкова А.Н., Радченко Н.Н.* Национальный лидер Якутии Г.В. Ксенофонтов и политические партии в 1917 г. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11 (79). С. 57–61.
3. *Макаров Г.Г.* Октябрь в Якутии. Якутия накануне и в период Февральской революции. Якутск: Кн. изд-во, 1979. Ч. 1. 280 с.
4. *Макаров Г.Г.* Октябрь в Якутии. Установление Советской власти. Якутск: Кн. изд-во, 1980. Ч. 2. 248 с.

²⁹ НА РС (Я).Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

³⁰ Там же. Л. 35.

5. Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа. Якутск: Кн. изд-во, 1991. 231 с.
6. Петров П.П. Города Якутск: представительные органы управления (1622 – 2012 гг.). Якутск: Якутская городская дума, 2012. 110 с.
7. Радченко Н.Н. Отношение якутских социал-демократов и эсеров к политике Временного правительства России // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 9. С. 57–61.
8. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900 – 1919). 2-е изд. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. 676 с.
9. Федоров В.И. Февральская революция и падение царского режима. Первые политические партии и организации // История Якутии: в 3 т. Новосибирск: Наука, 2021. Т. III. С. 64–73.
10. Федоров В.И., Боякова С.И. Октябрьская революция и Якутия // История Якутии: в 3 т. Новосибирск: Наука, 2021. Т. III. С. 73–78.
11. Храмов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.
12. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 г.). Омск, 2013. 423 с.
13. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
14. Шиловский М.В. Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 5–11.
15. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
2. Chudakov O.V. (2013). Urban self-government in Siberia during the First World War and the social cataclysms' period (July 1914 – the first half of 1918). Omsk, 423 p. (In Russ.)
3. Dyachkova A.N., Radchenko N.N. (2020). G.V. Ksenofontov, the national leader of Yakutia, and political parties in 1917. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 11, pp. 57–61. (In Russ.)
4. Fedorov V.I. (2013). Yakutia in the era of wars and revolutions (1900–1919). 2nd ed. Novosibirsk: Geo, 676 p. (In Russ.)
5. Fedorov V.I. (2021). February Revolution and the fall of the tsarist regime. The first political parties and organizations In: *Istoriya Yakutii*. Novosibirsk, Nauka, vol. 3, pp. 64–73. (In Russ.)
6. Fedorov V.I., Boyakova S.I. (2021). The October Revolution and Yakutia. In: *Istoriya Yakutii*. Novosibirsk, Nauka, vol. 3, pp. 73–78. (In Russ.)
7. Khramtsov A.B. (2010). Power and society in the cities of Tobolsk Province of the late XIX – early XX centuries. Tyumen: TyumGASU, 316 p. (In Russ.)
8. Makarov G.G. (1979). October in Yakutia. Yakutia on the eve and during the February Revolution. Part one. Yakutsk: Kn. izd-vo, 280 p. (In Russ.)
9. Makarov G.G. (1980). October in Yakutia. Establishing the Soviet power. Part two. Yakutsk: Kn. Izd-vo, 248 p. (In Russ.)
10. Novgorodov S.A. (1991). In the name of enlightenment of the native people. Yakutsk: Kn. Izd-vo, 231 p. (In Russ.)
11. Petrov P.P. (2012). The city of Yakutsk: representative governing bodies (1622–2012). Yakutsk: Yakutskaya Gorodskaya Duma, 110 p. (In Russ.)
12. Radchenko N.N. (2019). The attitude of the Yakut Social Democrats and Social Revolutionaries to the policy of the Provisional Government of Russia. *Manuskript*, vol. 12, iss. 9, pp. 57–61. (In Russ.)
13. Shilovskiy M.V. (2003). Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917–1920. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 428 p. (In Russ.)
14. Shilovsky M.V. (2004). Results and prospects of studying urban self-government in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. In: *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vekov: sbornik materialov regional'noy nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf, pp. 5–11. (In Russ.)
15. Shilovsky M.V. (2015). World War I of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk, Autograf, 330 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Arkhipova A.I., Borsiov A.A., Burnasheva N.I., Zakharova T.V., Makarova A.I., Petrov P.P., Radchenko N.N., Yurganov I.I. (2020). Yakutia under conditions of reforming the management system of imperial outskirts (the XVIII – early XX centuries). Irkutsk: Ottisk, 267 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.02.2022

Дата рецензирования 31.03.2022

Статья принята к публикации 04.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220211

УДК 050(091)+94(571.1)

С.В. АБРОСЬКИН

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ ПЕРВЫХ ЧАСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ТОМСКА

Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

Цель статьи – дать обзор и анализ информационного содержания коммерческих объявлений на страницах первых частных периодических изданий Томска – «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника». При этом коммерческие объявления рассматриваются как средство продвижения товаров и услуг на местном рынке; выявляются основные группы рекламируемой продукции; определяются общие и отличительные черты рекламы томских газет. Периодика в конце XIX – начале XX в. становилась эффективным каналом прямого общения предпринимателя с потенциальным покупателем. Автор делает вывод о важности рекламных объявлений как источника по истории регионального предпринимательства и торговли. На основе этих материалов возможно не только определить ассортимент товаров, расширить сведения о торговых и промышленных заведениях, отдельных купцах, методах конкурентной борьбы, но и составить схему торговых связей томского купечества.

Ключевые слова: торговля, Томск, коммерческая реклама, частные периодические издания.

S.V. ABROSKIN

COMMERCIAL ADVERTISING IN THE PAGES OF THE FIRST PRIVATE PERIODICALS OF TOMSK

Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation

The article reveals the informational content of commercial advertisements in the pages of the first private periodicals of Tomsk («Sibirskaya Gazeta» and «Sibirsky Vestnik») as a means of promoting goods and services in the local market. The author solves the following tasks in the publication: to identify the main groups of advertised products; highlight the common and distinctive features in advertising of Tomsk newspapers. Advertising was directly related to sale of products and informed readers about the range of products, current prices, new arrivals, and discounts. According to the publications, non-food products (cultural and household, medical, agricultural equipment, household and luxury items, etc.), grocery, gastronomic, fruits and vegetables, fish and meat, as well as crop products were widely represented in the local market. The service sector (passenger and cargo transportation, insurance, printing, hotel service and photography) was characterized by a gradual increase in the number of ads. Products in the first private periodicals were advertised both by Tomsk, and foreign, metropolitan, and other Siberian entrepreneurs, that stimulated the development of the local market of goods and services. The ads differed in a certain structure (the name of product or service, price, owner's name, designation and address of the trading establishment, etc.) and design (font, frames, product image). The author concludes that advertising publications are an important historical source on the history of regional entrepreneurship and trade. Based on these materials, it becomes possible to identify systemic changes in the Tomsk society of the late XIX – early XX century, characterize the practical interests of population, reveal the world of commerce and the attitude of public opinion to it, draw up a scheme of trade relations of Tomsk merchants.

Key words: trade, entrepreneurs, Tomsk, commercial advertising, private periodicals.

ВВЕДЕНИЕ

Реклама является важнейшей частью социально-экономических процессов, протекавших в различные исторические периоды. На основе анализа периоди-

ческих изданий Томска появляется возможность выявить системные изменения в томском обществе конца XIX – начала XX в., охарактеризовать практические интересы населения, составить представление о

Сергей Васильевич Аброськин – аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: abroskin1997@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0618-7059/>

Sergej V. Abroskin – Postgraduate Student, Altai State Pedagogical University.

состоянии местной промышленности и торговли, отношение к коммерции общественного мнения. История возникновения и развития коммерческой рекламы представляет собой актуальное научное направление, поскольку знание истоков рекламного дела закладывает основу для использования наилучших идей прошлого в настоящее время. Реклама всегда стимулировала потребительский спрос на товары и услуги и являлась одним из средств конкурентной борьбы.

Целью данной работы является характеристика информационного содержания коммерческих объявлений на страницах первых частных периодических изданий Томска, рассматриваемых прежде всего как средство продвижения товаров и услуг на местном рынке.

В конце XIX в. появились первые отечественные работы по рекламе, в которых обсуждалась роль рекламирования различных товаров и услуг в жизни общества и отмечалась необходимость учитывать региональную специфику и психологию населения. В начале XX в. сформировалась профессиональная методическая литература, в которой давались практические советы по рекламе различных товаров. Авторы советовали продвигать рекламные технологии в провинциальные города, так как реклама трактовалась как верная гарантия успеха в торгово-промышленном деле [Айзенштейн, 1912; Веригин, 1898; Верховой, 1902; Ратнер, 1909; Хойновский, 1913].

В советское время интерес к изучению истории рекламы активно начался в 1970–1980-е гг.: были опубликованы монографии Л.В. Корнилова и Н.Б. Фильчиковой [1978], Н.М. Богачевой [1969]. Реклама характеризовалась ими как историческое явление, которое по мере развития экономики расширяло сферы своего влияния. Историю газетной рекламы в трудах по истории печати рассматривали Б.И. Есин [1981], А.П. Киселев [1990] и А.Н. Боханов [1984]. Н.В. Жиликова изучала рекламные тексты на страницах томских газет в контексте общественно-политической жизни и истории журналистики в регионе [2008, 2011; Шевцов, 2014]. Она рассматривает рекламу в историко-культурном контексте эпохи, специально не акцентируя ее влияние на становление рыночных отношений в регионе.

Из сказанного следует, что в историографии специально не анализировались информационное содержание объявлений и степень влияния рекламных публикаций в частных периодических изданиях на развитие торговли, не отмечались отличительные черты в рекламировании местной и иногородней продукции.

Источниковую основу статьи составили первые частные периодические издания Томска: «Сибирская газета» (1881–1888 гг.) и «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.). Работа опирается на теорию модер-

низации, понимаемой как процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. Среди ее признаков важно здесь отметить утверждение городского образа жизни и рыночной экономики, неотъемлемой частью которых становится реклама. В методологическом плане продуктивным представляется использование метода контент-анализа, позволившего выявить основные группы рекламируемых товаров и услуг, классифицировать рекламодателей по типу производимой и реализуемой ими продукции, а также анализ способов построения, оформления и места рекламного объявления в периодических изданиях.

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Во второй половине XIX в. Томск являлся важным административным центром Сибири. Рост экономики, наличие платежеспособного спроса населения стимулировали развитие торговли и обрабатывающей промышленности. Возникают первые крупные мануфактуры (папиросная фабрика, несколько кожевенных заводов и др.), открываются банки (Сибирский общественный банк – в 1844 г., отделение Государственного банка – в 1865 г. и др.), начинают возвышаться купеческие фамилии (Кухтерины, Королевы, Макушины, Фуксманы и др.). В 1866 г. в Томске располагалось 154 промышленных заведения разной величины, в том числе 32 сравнительно крупных [Дмитриенко, 2004].

В начале 1880-х гг. владелец Сибирского книжного магазина и собственной типографии, просветитель и меценат П.И. Макушин взялся за организацию частной газеты. Первый номер «Сибирской газеты» напечатан 1 марта 1881 г. Издание выходило еженедельно по воскресеньям, а с 1888 г. – два раза в неделю – по четвергам и воскресеньям. Годовая подписка на газету составляла 7 руб., отдельные номера стоили по 20 коп. [Город Томск в прошлом и настоящем, 1890, с. 116]. За объявление, которое печаталось впервые (как правило, на последней странице в специально оформленном разделе «Объявления») цена за строку обыкновенного шрифта составляла – 30 коп., мелкого – 35 коп., за второе и последующие объявления – вдвое меньше¹. В дальнейшем реклама стала размещаться не только на последней, но и на первой полосе газеты. Подписчиков у газеты было: в 1881 г. – 800 чел., 1882 г. – 1020, 1883 г. – 1189, 1884 г. – 1080, 1885 г. – 1074, 1886 г. – 980, 1887 г. – 1006, 1888 г. – 1200 чел. Тираж составлял 1000–1200 экз. За все годы вышло 376 номеров газеты [Город Томск в прошлом и настоящем, 1890, с. 117].

¹ Сибирская газета (Томск). 1881. 1 марта. № 1.

В первом выпуске «Сибирской газеты» было напечатано два совместных объявления В.В. Михайлова и П.И. Макушина: в одном рекламировали «Сибирский книжный магазин», а в другом – типографию и литографию. Из публикации читатели узнавали, что принимались заказы на такие типолитографические работы, как изготовление книг, бланков, чертежей, ярлыков всевозможных сортов и т.п. В этом же номере размещалась реклама Северного страхового общества в г. Томске (агенты: В.В. Михайлов и П.И. Макушин) и одно частное объявление следующего содержания: «Репетирую и приготавливаю в гимназии, реальное училище и другие учебные заведения, до IV-го класса включительно, по всем предметам, за исключением языков». Автор рекламы подчеркивал, что имеет диплом об окончании курса в одном из специальных учебных заведений².

Кроме объявлений в первом номере содержалась сводка цен на продукты и хозяйственные товары (всего 36 наименований) по состоянию на 28 февраля 1881 г., с указанием стоимости провоза (за пуд) от Томска до Красноярска (65 коп.), Енисейска (1 руб. 20 коп.), Иркутска (2 руб. 70 коп.), Барнаула (25 коп.)³. В дальнейшем публикация ассортимента продукции и ее стоимости на местном рынке стала обязательной частью каждого номера газеты.

Во втором номере «Сибирской газеты» к указанным объявлениям добавилась реклама магазина в Гостином дворе: «В самом непродолжительном времени ... будет получен полный выбор резиновых галош, мужской, дамской и детской обуви, чемоданов, саквояжей, портфелей, дорожных сумок, багажных ремней, кожаных и гуттаперчевых непромокаемых пальто, большой выбор мужских весенних и летних шляп, шапок и фуражек самых новейших фасонов, а также ... дамских шляп»⁴. В этом же номере томский купец Д.Г. Малышев сообщал, что контора Российского страхового общества от огня по г. Томску и Томской губернии размещалась при отделении Сибирского торгового банка и была открыта ежедневно⁵.

В третьем номере рекламировался магазин К.Е. Чертолина, в котором был представлен большой выбор свежих бакалейных товаров, табак, сигары и папиросы. Автор подчеркивал доступность цен и возможность скидки за наличный расчет⁶.

В дальнейшем на страницах «Сибирской газеты» рекламу размещали владельцы томских магазинов, различные фирмы (фабрично-торговое товари-

щество «А.И. Абрикосова Сыновей», банкирская контора «Ф. Мертенс и К^о»). Предприниматели продвигали свои товары на рынке с помощью объявлений в газете, в которых оповещали о широком ассортименте, качестве, относительной дешевизне и т.д.

Периодически в «Сибирской газете» появлялись объявления о распродажах. Так, 20 апреля 1881 г. по случаю прекращения торговли проходила реализация товаров в «Модном магазине» по набережной Ушайки в доме купца Пастухова⁷. В другом объявлении «Дешевый магазин» извещал, что по случаю отъезда распродается весь товар по доступным ценам⁸.

На страницах «Сибирской газеты» можно встретить маркетинговый ход, заключающийся в ориентации потребителя не только на конкретный продукт, но и на товарную марку и предостережение от подделок. Так, товарищество «Брокеръ и К^о» (одна из крупнейших парфюмерных фирм России в конце XIX – начале XX в. с филиалом в Томске) просило покупателей обращать внимание на официальный герб продукции и медали, полученные на различных выставках⁹. Аналогичный прием использовался в рекламе столового вина торгового дома Ложникова и Быховской, сообщавшего, что его продукцию можно распознать по серебристо-золотой этикетке и штампу фирмы, которые вытиснены на капсюлях бутылок. Авторы рекламы подчеркивали, что очистка всех сортов столового вина производится на приобретенном в Бельгии винно-очистительном аппарате посредством гидравлического фильтрования через прессованный березовый уголь с использованием полученной из заграничной атмосферной печи системы Пайэна. В результате, по утверждению рекламодателя, достигалась «самая высокая очистка вина». Продажа производилась в ренсковом магазине-погребе, торгующем алкогольными напитками навынос и в торговых заведениях Карнакова и Фельзенмайера¹⁰.

Объявления на страницах «Сибирской газеты» свидетельствуют о том, что сибирские и столичные предприниматели предлагали горожанам большой ассортимент товаров. Так, по нашим подсчетам, основная часть рекламы за весь период существования газеты приходилась на продовольственные товары (15 %), непродовольственные (60 %), сельскохозяйственные – продукты растениеводства и скотоводства (6 %), медицинские (5 %), промышленные сооружения и станки (4 %), а также услуги (10 %).

В группе продовольственных товаров основную часть составляли гастрономические, которые на местном рынке были представлены молочными про-

² Сибирская газета (Томск). 1881. 1 марта. № 1.

³ Там же.

⁴ Там же. 8 марта. № 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 15 марта. № 3.

⁷ Там же. 20 апр. № 8.

⁸ Там же. 19 июля. № 21.

⁹ Там же. 18 марта. № 12.

¹⁰ Там же. 1884. 26 авг. № 35.

дуктами, кондитерскими изделиями, алкогольными и безалкогольными напитками. Значительное место занимали бакалейные товары: мука, сахар, крупа, соль, чай, кофе и т.п. Небольшую часть продовольственных продуктов составляли мясо и свежая рыба.

В группе непродовольственных товаров основное место принадлежало культурно-бытовой продукции, представленной книгами, канцелярскими принадлежностями, музыкальными инструментами, игрушками, а также оружием. Значительную часть составляла продукция легкой промышленности, к которой можно отнести галантерейные и парфюмерно-косметические товары, принадлежности для рукоделия, обувь, готовое платье и белье, ткани, головные уборы и меховые изделия. Большая доля непродовольственных товаров приходилась на предметы домашнего быта: швейные машины, различные инструменты и орудия, краски, посуда, строительные материалы, мебель и т.д. Незначительную часть занимали золотые, серебряные и бриллиантовые украшения.

Разнообразием отличались сельскохозяйственные товары: овощи, хмель, табак, семена и др. Важная часть приходилась на торговлю крупным рогатым скотом, лошадьми.

В группе медицинской продукции в основном рекламировались оптические и хирургические инструменты, а также лекарственные препараты, которые в Томске реализовывались в большинстве случаев в магазине Н.И. Тельных. Часто рекламировали зубные средства из салициловой кислоты, приготовленные в Томской аптеке П.И. Ливена.

Из промышленных заведений рекламировались винокурные, кожевенные, масляные и другие заводы, мельницы, золотосодержащие прииски, которые выставлялись на продажу либо сдавались в аренду. Незначительное место занимало используемое производственное оборудование. Услуги, рекламируемые на страницах «Сибирской газеты», включали пассажиро- и грузоперевозки, страхование, типографские работы, гостиничный сервис и фотосъемку. Значительная часть из них приходилась на рекламу типографий.

На страницах «Сибирской газеты» прослеживаются сезонные изменения в количестве и содержании рекламных объявлений. Так, весной во многих магазинах начиналась распродажа, предусматривались скидки, сообщалось о продаже оставшихся зимних вещей. В феврале 1885 г. было опубликовано объявление магазина С.С. Кальмеера, в котором на оставшиеся товары устанавливалась скидка от 10 до 15 %¹¹. Увеличивалось количество рекламных извещений накануне праздников. Перед Пасхой можно

было встретить объявления о большом выборе и о заказах пасхального товара в магазинах Карнакова, Сквородова и Фельзенмайера¹². Аналогичная ситуация наблюдалась в преддверии Рождества.

В 1881 г. на страницах «Сибирской газеты» объявления выделялись с помощью шрифта (жирного, узорного, заглавного и т.д.). С 1882 г. появляются рамки и изобразительные элементы (указательные пальцы, герб, фирменное клеймо и др.). Позднее надписи в объявлениях стали располагаться в основном по вертикали или диагонали страницы. Изображения товара в рекламе встречаются редко. Шрифты на всем протяжении существования газеты не претерпели изменений, однако происходило незначительное усложнение узора рамок.

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА «СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА»

С 1885 по 1905 г. выходила вторая частная газета Томска – «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни». Издателем и официальным редактором являлся томский адвокат В.П. Картамышев, а с 1886 г. (с № 87) – его жена М.Ф. Картамышева и бывший ссыльный, общественный деятель, журналист М.Н. Загибалов. Газета выходила еженедельно (1885 г.), затем два раза в неделю (с № 1 по № 32 за 1886 г.), три раза (с № 33 за 1886 г.), а позднее – ежедневно (с № 77 за 1894 г.). Годовая подписка на газету составляла 7 руб., отдельные номера стоили по 20 коп. [Город Томск в прошлом и настоящем, 1890, с. 118]. За одноразовые объявления, которые первоначально печатались, как правило, на последней странице в специально оформленном разделе «Объявления», стоимость за строку петита составляла 10 коп. С конца 1885 г. в отдельных номерах под рекламу отводилось до трех страниц: первая, предпоследняя и последняя.

Первоначально в 1885 г. подписчиков у газеты было 511 чел., а в 1889 г. уже 1708 чел. В дальнейшем число подписчиков только возрастало. Тираж в первый год издания (1885 г.) составлял около 500 экз., а к 1889 г. увеличился до 1788 экз. К этому времени у газеты сформировалась стабильная аудитория, ее тираж в следующие годы доходил до 3000 экз. [Город Томск в прошлом и настоящем, 1890, с. 118]. Таким образом, число подписчиков и тираж «Сибирского вестника» превосходили соответствующие показатели у «Сибирской газеты», что делало «Сибирский вестник» более привлекательным для потенциальных рекламодателей.

Первый выпуск «Сибирского вестника», как и в рассмотренном выше издании, содержал рекламу

¹¹ Сибирская газета (Томск). 1885. 17 февр. № 7.

¹² Там же. 1884. 26 авг. № 35.

«Сибирского книжного магазина» и типографии и литографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина. В объявлении подчеркивалось, что типографское оборудование кроме ручных станков включало три большие скоропечатные машины, которые позволяли качественно выполнять все необходимые работы¹³. В этом же номере размещалась реклама управляющего фотографией С. Равенского о продаже снимков парохода «Косаговский» в момент отбытия на прогулку 5 мая. Цена одной фотографии составляла 50 коп., при этом половина суммы должна была поступить в пользу «Общества попечения о начальном образовании». Кроме того, в первом и последующих номерах издатель газеты В.П. Картамышев сообщал о ежедневных консультациях по юридическим вопросам и предоставлении защиты в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам.

Кроме объявлений в первом номере «Сибирского вестника» содержалась сводка розничных и оптовых цен на продукты в г. Томске (всего 25 наименований) по состоянию на 15 мая 1885 г.¹⁴ В дальнейшем, как и в рассмотренном выше издании, публикация ассортимента продукции и ее стоимость на местном рынке стала обязательной частью каждого выпуска газеты.

Во втором номере «Сибирского вестника» были напечатаны объявления о продаже «по сходной цене» новой рессорной линейки и фазтона – легкой коляски с откидным верхом на двух задних рессорах, а также «почти нового» тарантаса – четырехколесной конной повозки. В этом же номере сообщалось, что в аренду («кортом») сдаются торговая лавка и постоянный двор¹⁵.

С 1886 г. (№ 15) в «Сибирском вестнике» наряду с информацией о типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина стали активно рекламироваться услуги собственной типографии газеты. Эта реклама размещалась на первой странице и должна была не только содержанием, но и формой демонстрировать читателям все полиграфические возможности предприятия (разнообразие шрифтов, рамок, графических элементов). Принимались заказы на изготовление книг, прейскурантов, каталогов, таблиц, бланков, этикеток, визитных карточек, афиш и другой продукции, которые исполнялись «быстро, аккуратно и дешево». Рекламодатель подчеркивал, что в распоряжении типографии находилась самая большая скоропечатная машина в Сибири новейшей конструкции, и ручной станок для мелких работ¹⁶. Редакция газеты не упускала возможности сообщать о типографских новин-

ках. Так, в № 56 за 1886 г. читателей информировали о том, что был получен «новый транспорт шрифтов, бордюров, украшений и линеек известной словолитни Флинша во Франкфурте-на-Майне, политипажей для аптечных рецептов, чайных и водочных этикеток, счетов, объявлений и пр.»¹⁷.

Как и предыдущее издание, «Сибирский вестник» периодически печатал объявления о распродажах и скидках, например, крымские фрукты из собственных садов братьев Капустинных предлагались покупателям на 30 % ниже розничных цен¹⁸.

Соотношение различных видов товаров, рекламируемых в «Сибирском вестнике», было аналогично в «Сибирской газете». Доля непродовольственных товаров здесь составляла 55 % против 60 % в предыдущем издании. Продовольственная продукция соответственно занимала 13 и 15 %, сельскохозяйственная 7 и 6 %, медицинская 6 и 5 % и промышленные сооружения и станки в обоих изданиях не выходили за рамки 4 %. Следует отметить увеличение доли услуг в «Сибирском вестнике» до 15 % против 10 % в «Сибирской газете». Это свидетельствует о том, что сфера услуг в губернском городе постепенно развивалась.

Внимание покупателей в объявлениях акцентировалось с помощью шрифта (жирного, заглавного, узорного и др.), изобразительных элементов (указательного пальца, виньеток, графических элементов). В отличие от рассмотренного ранее издания, оформление «Сибирского вестника» отличалось большим разнообразием. В ряде рекламных публикаций использовалось изображение реализуемой продукции. Объявления постоянных рекламодателей печатались в едином стиле.

«Сибирский вестник», как и «Сибирская газета», помещали объявления не только томских, но и других сибирских, а также столичных и иностранных предпринимателей. Доля томской рекламы в обоих изданиях была самой многочисленной и составляла около 75 %.

На рекламу из столиц приходилось около 16 % от общего числа объявлений. Столичная реклама ориентировалась в основном на перекупщиков и на тех покупателей, у которых имелась возможность заказать товары либо непосредственно посетить магазины Санкт-Петербурга и Москвы. При этом столичная реклама в «Сибирском вестнике» по сравнению с «Сибирской газетой» отличалась большим разнообразием торговых фирм и ассортимента товаров. Столичные предприниматели рекламировали различные товары – сладости, пряности, алкогольную и табачную продукцию, чернила, кожаные приводные ремни

¹³ Сибирский вестник (Томск). 1885. 16 мая. № 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. 23 мая. № 2.

¹⁶ Там же. 1886. 20 февр. № 15.

¹⁷ Там же. 17 июля. № 56.

¹⁸ Там же. 1905. 1 янв. № 1.

и брезент, пожарные рукава, краски, семена, мебель, рояли, часы, парфюмерию, лекарственные препараты, полиграфические и пишущие машины, фабричные и железнодорожные принадлежности, а также предлагали финансовые и страховые услуги. Так, в «Сибирской газете» в числе первых появилась реклама московского фабрично-торгового (кондитерского) товарищества «А.И. Абрикосова Сыновей», а в «Сибирском вестнике» – березового бальзама доктора Ленгиля, который можно было приобрести в ряде аптек Москвы.

Доля рекламных публикаций предпринимателей из других регионов страны составляла около 8 %. На страницах «Сибирской газеты» были представлены объявления рекламодателей из Перми, Красноярска, Екатеринбургa, Тюмени, Омска, Бийска и других городов. Иногородние предприниматели предлагали томским покупателям аптекарские товары, книги, изделия из уральских камней, семена, писчебумажную продукцию, нефтепродукты и многое другое, а также библиотечные и типографические услуги. В «Сибирском вестнике» кроме указанных выше городов можно было встретить рекламодателей из Одессы, Саратова, Тобольска, Кольвани и других мест. Они продавали книги, алкогольные напитки, мебель, валяную обувь, канаты и другие товары, а также предоставляли услуги по пассажиро- и грузоперевозкам. Иностранные рекламодатели крайне редко размещали объявления на страницах томских газет: их доля в обоих периодических изданиях не выходила за рамки 1 %. Они предлагали покупателям из Томска чайные и столовые приборы из серебра торгового заведения «Британия» (заказы адресовали Рудольфу Пламингеру в Вену).

В 1888 г. «Сибирская газета» была закрыта Министерством внутренних дел по ходатайству попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского, который счел ее публикации «вредными» для студентов первого Сибирского университета. В связи с этим «Сибирский вестник» шесть лет оставался монополистом на томском рынке частных газет вплоть до 1894 г., когда появилось новое частное издание.

Последний номер «Сибирского вестника» вышел 30 декабря 1905 г. Издание закрыли за оппозиционный характер некоторых публикаций. Попытки возродить газету под названием «Вестник Сибири» оказались неудачными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, расширение предпринимательской активности в Томске в конце XIX – начале XX в. сопровождалось ростом рекламных объявлений на страницах частных газет. Реклама была непосред-

ственно связана с реализацией продукции и информировала читателей об ассортименте товаров, текущих ценах, новых поступлениях, распродажах и скидках. Согласно газетным публикациям, на местном рынке были широко представлены культурно-бытовые и медицинские товары, предметы роскоши, сельскохозяйственная техника, составлявшие до 70 % всей рекламируемой продукции. Реклама бакалейных, гастрономических, плодовоовощных, рыбных и мясных товаров, а также продуктов растениеводства составляла примерно 15 % от общего числа объявлений. Сфера услуг (пассажиры- и грузоперевозки, страхование, типографские работы, гостиничный сервис и фотосъемка) характеризовалась постепенным ростом числа рекламных публикаций (до 15 %). В периодических изданиях рекламные публикации помещали не только местные, но и столичные, и другие иногородние и иностранные предприниматели, что стимулировало развитие местного рынка товаров и услуг. Постоянная востребованность в рекламе привела к выработке шаблонов и изобразительных средств, используемых в публикациях. Объявления отличались определенной структурой (наименование товара или услуги, цена, фамилия владельца, название и адрес торгового заведения) и дизайном (шрифт, рамки, изображение товара).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштейн К.А.* Как рекламировать с успехом. СПб., 1912. 110 с.
2. *Богачева Н.М.* Реклама, ее возникновение и некоторые сведения из истории развития. М.: М-во торговли СССР. Междунар. совет по рекламе, 1969. 120 с.
3. *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
4. *Веригин А.* Русская реклама. СПб.: Изд-во газеты «Русский труд», 1898. 23 с.
5. *Верховой Н.В.* Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. Ярославль: Типография Губернского правления, 1902. 12 с.
6. *Город Томск в прошлом и настоящем / сост. А.В. Адрианов.* Томск: Издание «Сибирского книжного магазина» Михайлова и Макушина: Типография Михайлова и Макушина, 1890. 433 с.
7. *Дмитриенко Н.М.* В городе торговом жили: продажи и покупки в Томске во второй половине XIX – XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. 2004. Вып. 2. С. 102–112.
8. *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. М.: Изд-во МГУ, 1981. 132 с.
9. *Жилыкова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX в.): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
10. *Жилыкова Н.В.* Рекламная политика томских изданий конца XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2008. № 1 (2). С. 96–110.
11. *Киселев А.П.* История оформления русской газеты (1702 – 1917 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1990. 192 с.
12. *Корнилов Л.В., Фильченкова Н.Б.* От глашатая до неона. М.: Знание, 1978. 126 с.
13. *Ратнер А.* Техника рекламы объявлениями. СПб.: Типо-литография К. Биркенфельда, 1909. 16 с.

14. Хойновский В. Успешная реклама и как ею пользоваться: Советы для объявителей. Киев: Изд-во конторы объявлений «Реклама» В.В. Хойновского, 1913. 40 с.

15. Шевцов В.В. Формирование и развитие губернской официальной прессы Сибири во второй половине XIX в. – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2014. 594 с.

REFERENCES

1. *Adrianov A.V. (comp.)* (1890). The city of Tomsk in the past and present. Tomsk: Mikhailov & Makushin Printing House, 433 p. (In Russ.)

2. *Aisenstein K.A.* (1912). How to advertise with success. Saint Petersburg, 110 p. (In Russ.)

3. *Bogacheva N.M.* (1969). Advertising, its origin and some information from the history of development. Moscow: Mezhdunarodnyy sovet po reklame, 120 p. (In Russ.)

4. *Bokhanov A.N.* (1984). Bourgeois press in Russia and big capital. The late XIX century – 1914. Moscow: Nauka, 152 p. (In Russ.)

5. *Dmitrienko N.M.* (2004). In the city of trade lived: sales and purchases in Tomsk in the second half of the XIX – XX century. *Cities of Siberia XVII – early XX century*, vol. 2, pp. 102–112. (In Russ.)

6. *Khoynovsky V.* (1913). Successful advertising and how to use it: Tips for advertisers. Kiev: Izdatelstvo kontory obyavleniy “Reklama” V.V. Khoynovskogo, 40 p. (In Russ.)

7. *Kiselev A.P.* (1990). The history of design of the Russian newspaper (1702–1917). Moscow: MSU Publ., 192 p. (In Russ.)

8. *Kornilov L.V., Filchenkova N.B.* (1978). From the herald to neon. Moscow: Znanie, 126 p. (In Russ.)

9. *Ratner A.* (1909). The technique of advertising by ads. Saint Petersburg: tipolitografiya K. Birkenfelda, 16 p. (In Russ.)

10. *Shevtsov V.V.* (2014). Formation and development of the provincial official press of Siberia in the second half of the XIX century – early XX century: diss. theses. Tomsk, 594 p. (In Russ.)

11. *Verigin A.* (1898). Russian advertising. Saint Petersburg: Russkiy trud Newspaper Publ., 23 p. (In Russ.)

12. *Verkhovoy N.V.* (1902). Advertising in the XX century as a necessity and the only reliable guarantee of success in any commercial and industrial business. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 12 p. (In Russ.)

13. *Yesin B.I.* (1978). Russian newspaper and newspaper business in Russia. Moscow: Izdatelstvo MCU, 132 p. (In Russ.)

14. *Zhilyakova N.V.* (2008). Advertising policy of Tomsk publications of the late XIX century. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, no. 1, pp. 96–110 (In Russ.)

15. *Zhilyakova N.V.* (2011). Journalism of the city of Tomsk (XIX – early XX century): formation and development. Tomsk, 446 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022

Дата рецензирования 24.02.2022

Статья принята к публикации 07.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220212

УДК 94:314.1(571.151+571.513+571.52)''1945/2020''

Е.Е. ТИНИКОВА

ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИК САЯНО-АЛТАЯ В 1945–2020 ГГ.: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
РФ, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

В статье обоснована необходимость применения структурно-функциональной типологии при классификации городских поселений республик Алтай, Тува и Хакасия. Данная типология учитывает степень развитости функциональной структуры городов региона, содержание их функций, экономико-географическое положение, в том числе историю их происхождения и величину. Отмечено влияние деиндустриализации на развитие городских поселений Саяно-Алтая, их репрофилизацию и трансформацию их функций. Показано, что данные процессы особенно характерны для столиц национальных республик региона (Горно-Алтайска, Кызыла, Абакана). На всем протяжении исследуемого периода в пространственно-расселенческой структуре городских поселений региона огромное значение имеют монопрофильные города с индустриально-хозяйственными функциями, что обусловлено их количеством, а также их негативным влиянием на всю региональную городскую систему. В качестве особых типов поселения в статье рассматриваются монопрофильные города с административно-хозяйственными функциями и поселки городского типа.

Ключевые слова: урбанизация, города, поселки городского типа, структурно-функциональная типология городских поселений, Алтай, Тува, Хакасия.

Е.Е. TINIKOVA

URBAN SETTLEMENTS OF THE SAYAN-ALTAIAN REPUBLICS IN 1945–2020: THE STRUCTURAL AND FUNCTIONAL TYPOLOGY

Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkina str., Abakan, 655017, Russian Federation

The article substantiates the need to apply the structural and functional typology in the urban settlement classification of the Altai, Tuva and Khakassia Republics. This typology is based on highlighting the development degree of the urban functional structure in the region, the territorial content of their functions and their economic and geographical position, it takes into account the history of their origin and size as well. The paper shows influencing deindustrialization on the development of the Sayan-Altai urban settlements, their reprofiling and their functions transformation. These processes are particularly characteristic of the capitals of national republics (Abakan, Gorno-Altai and Kyzyl). Throughout the period under study, the monotowns with industrial and economic functions played an important role in the spatial settlement structure of urban settlements in the region due to their number, and negative impact on the entire intraregional urban system. The article considers monotowns with administrative and economic functions as a special type of settlements – such are urban villages in Tuva (Turan, Chadan and Shagonar). During their history, they faced problems of the poor quality of life related to the low level of able-bodied population's employment, a small city-forming base, low investment attractiveness, insufficient level of developing sphere of the social and consumer service, underdevelopment of recreation areas, limited opportunities for self-realization of the youth. The specific feature of the region, and Siberia as a whole, is a significant role of urban villages in the urban settlement system. The author demonstrates how their role changed during the second half of the XX – early XXI centuries.

Key words: urbanization, towns, urban villages, urban settlement structural and functional typology, Altai, Tuva, Khakassia.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках проекта проведения научных исследований «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», № 19-49-190001.

Елена Евгеньевна Тиникова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, e-mail: lena.tinikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8940>.

Elena E. Tinikova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке вопросы типологизации городов обсуждаются со времени выхода в свет монографии В.П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России», где была предложена классификация городских поселений страны на основе трех шкал: людность, бойкость торгово-промышленного оборота и степень участия промышленности в торгово-промышленном обороте [Семенов Тян-Шанский, 1910, с. 4].

Первая советская функциональная типология городов была разработана О.А. Квиткиным – одним из руководителей Всесоюзной переписи населения 1926 г. Его типология учитывала такие характеристики городских поселений, как величина, людность и набор выполняемых функций [Квиткин, 1927].

Однако настоящий прорыв в исследовании систем и сетей городского расселения был сделан отечественными географами-урбанистами в середине XX в. И.М. Маергойз создал общую концепцию территориального развития процесса урбанизации, выделив регионально-типологические особенности урбанизации разных стран мира на основе характеристик их социально-экономической структуры, уровня развития, размера территории, особенностей размещения производительных сил и специфики физико-географического положения [Маергойз, 1987]. Предложенная им схема анализа географического положения городов применяется урбанистами и сегодня [Мироненко, 2008].

С необходимостью анализа материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. связано появление новой функциональной типологии городов, построенной на анализе экономической структуры населения всех городов страны численностью свыше 20 тыс. жителей и разработанной в Ростовском финансово-экономическом институте [Смейле, 2007, с. 187]. По существу, основным критерием группировки городов в предложенной типологии являлась степень развития промышленности.

Функциональная типология отечественных городов получила дальнейшее развитие в трудах Б.С. Хорева, Г.М. Лаппо, А.С. Сенявского. Несмотря на то, что их подход основан на выделении характера трудовой деятельности городского населения в качестве доминантного признака того или иного типа городского поселения, ученые значительное внимание уделяют проблемам развития городов в исторической ретроспективе. Так, А.С. Сенявский отмечает, что монофункциональность является типичной чертой для всех городов на ранних этапах их становления [Сенявский, 2003, с. 161]. Затем в процессе дальнейшего развития город обрывает новыми функциями. Г.М. Лаппо выразил данную формулу городского развития следующим образом: «курс на полифункциональность стал законом развития городов разных уровней» [Лаппо, 2019, с. 5].

Сибирские исследователи в основе своих классификаций городов региона также в качестве главных маркеров рассматривают их величину, функциональную структуру и время возникновения. Автор одной из наиболее популярных типологий сибирских городов Е.Н. Перцик особое внимание уделяет специфике географического местоположения городов, так как условия освоения различных природных ресурсов и территориальное расположение крупных промышленных комплексов оказывают влияние на судьбу всех групп поселений, их планировку и в целом облик [1980, с. 233–234]. По мнению Н.В. Гониной, предложенный Е.Н. Перциком генетический подход наиболее близок историческому методу и поэтому его можно использовать в качестве основного метода в конкретно-исторических исследованиях городов Сибири [Гонина, 2016, с. 19]. Ею предложена оригинальная концепция классификации городов Ангаро-Енисейского региона, связанная с выделением таких типов городов, как исторические города дореволюционной эпохи, развивавшиеся в качестве административных центров; раннеиндустриальные города, становление которых пришлось на первую половину XX в.; позднеиндустриальные города, возникшие в Восточной Сибири в послевоенный период благодаря политике индустриализации.

Иной подход к городу как социально-культурному феномену, а, следовательно, и к его типологизации, предлагают Л.В. Занданова и Л.М. Салахова. Не отрицая важности фактора людности поселения в социокультурных процессах развития городов, они акцентируют внимание на значимости таких факторов, как удаленность города от исторически сложившихся культурных центров Восточной Сибири и степень обжитости сибирским населением (старожилами) территории, на которой был построен город, «т.е. возник ли он на ранее незаселенной или малообжитой территории, или на месте исторически сложившихся очагов традиционной культуры» [Занданова, 2010, с. 28].

Данный подход актуален для исследований городов национальных субъектов Сибири, так как городские поселения здесь изначально были полиэтничными. Вместе с тем своеобразие городских поселений национальных республик Саяно-Алтая диктует при разработке их типологизации необходимость проведения комплексного анализа их хозяйственной структуры и функций с учетом их уникальности и истории возникновения. Во-первых, урбанизация региона началась относительно поздно (первый город в Туве был основан в 1914 г., на Алтае – в 1928 г., в Хакасии – в 1931 г.). Во-вторых, в ее развитии большую роль играли административные преобразования. С момента вхождения Тувы в состав Советской Рос-

сии и окончания Великой Отечественной войны политика градобразования и градостроительства определялась необходимостью закрепления и хозяйственного освоения территории, а также дальнейшим промышленным освоением Саяно-Алтайского региона, богатого природными ресурсами. Эти государственные цели предопределили будущую траекторию развития городских поселений региона. Большинство из них сегодня, за исключением республиканских столиц, являются монопрофильными поселениями, а также поселками городского типа (ПГТ), которые так и не смогли дорасти до статуса городов.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ СТОЛИЦЫ – ЦЕНТРЫ С МНОГОПРОФИЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ

Абакан и Кызыл по численности населения, исходя из современной классификации городских поселений по этому признаку, относятся к крупным городам, Горно-Алтайск – к средним. В 2020 г. численность населения столицы Хакасии составила 186,8 тыс. чел., столицы Тувы – 119,4 тыс. чел., столицы Республики Алтай – 64,5 тыс. чел. (табл. 1). Абакан попал в категорию крупных городов еще в начале 1970-х гг., а Кызыл – в начале XXI в. Все три города относятся к молодым, так как их история в качестве городских поселений началась около века назад. Изначально они формировались как административно-политические центры национально-территориальных образований, что обусловило специфику их дальнейшего развития.

Столицы национальных республик с момента появления национальных автономий, являясь инструментом центральной советской власти, призваны были решать общегосударственную задачу национального строительства. За столицами закрепилась роль центров сохранения и воспроизводства культуры коренных народов. В Абакане, Кызыле и Горно-Алтайске строились театры, библиотеки, создавались творческие и художественные коллективы, научно-исследовательские институты языка и культуры коренных народов Саяно-Алтая. Они, согласно сложившейся в Советском Союзе практике, стали также

экономическими, научными, образовательными и культурными центрами своих регионов. При этом столичный статус сопровождался их лидерством в социально-культурной и производственной сферах.

В советский период в этих городах быстрыми темпами развивались строительная, энергетическая, машиностроительная и металлообрабатывающая, транспортная (внутренний транспорт) отрасли, сфера услуг, пищевая и легкая отрасли промышленности. В производственном плане из трех столичных городов выделялся Абакан, где с начала 1970-х гг. в связи с формированием Саянского ТПК появились Абаканский вагоностроительный завод, Абаканский асфальтобетонный завод, завод монтажных заготовок, Абаканское объединение предприятий стройиндустрии, комбикормовый завод, Абаканский свиноплекс, производственная база треста «Абаканпромжилстрой», Абаканский пивзавод и швейная фабрика [Тугужекова, 2016, с. 129].

Распад СССР повлек за собой значительные изменения в хозяйственной жизни столичных городов региона, последствиями нестабильных в экономическом плане 1990-х гг. стали снижение объемов производства предприятий этих городов и даже их частичная деиндустриализация. Единственным возможным сценарием развития экономики региональных столиц стала их репрофилизация.

В хозяйственной структуре Абакана произошло значительное сужение промышленного профиля. В постсоветский период столица Хакасии потеряла статус крупного центра легкой промышленности. В 2000-е гг. здесь потерпели банкротство такие крупные фирмы, как трикотажная фабрика «Хакасия», обувная фабрика «Саяны», швейная фабрика «Элегант» [Шулбаев, 2015, с. 151]. В условиях высокой конкуренции и отсутствия государственных заказов были закрыты многие предприятия машиностроения и металлообработки (ОЭМЗ, ОЭРМЗ, завод «Легмаш»).

В результате Абакан из крупного промышленного центра, отраслевая структура которого была представлена предприятиями машиностроения, металлообработки, лесной и деревообрабатывающей

Таблица 1

Численность населения столичных городов национальных республик Саяно-Алтая в 1945–2020 гг., тыс. чел.*

The population of the capital cities of the national republics of Sayano-Altai in 1945–2020 (thousand people)

Город	1945 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Абакан	36,7 (1939)	56,4	90,1	129,4	153,0	166,3	164,6	186,8
Горно-Алтайск	24,0 (1939)	27,5	34,4	40,3	46,4	53,5	56,9	64,5
Кызыл	6,4	34,5	51,7	66,0	84,6	104,1	109,9	119,4

* Источник: официальные данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

промышленности, легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, постепенно в начале XXI в. превратился в город торговый и индустриально-транспортный, о чем свидетельствуют официальные данные его экономического развития за последние годы¹. Главными отраслями специализации Абакана сегодня являются пищевая промышленность и производство стройматериалов.

Схожие процессы характерны для развития постсоветского Кызыла. Город «вернулся к специализации, характерной для первых лет после его основания, а именно, стал транспортным и логистическим узлом, ограничив производством функциями жизнеобеспечения» [Беззи, 2019, с. 55]. В столице Тывы доминирующей сферой занятости населения, как и в Абакане, является торговля, на долю которой приходится более половины валового оборота в экономике.

В структуре экономики Алтая промышленность никогда не играла ведущей роли, но тем не менее непредсказуемая сложная социально-экономическая ситуация сложилась и здесь. В 1990-е гг. в целом по стране объемы промышленного производства сократились в 1,62 раза, а в Республике Алтай – в 2,68 раза, что свидетельствует о более глубоком спаде промышленного производства в регионе [Гонохов, 2007, с. 24]. Значительную роль в экономическом развитии Алтая и его столицы продолжает играть туризм. До 2010 г. Горно-Алтайск имел статус исторического поселения, однако Приказом Министерства культуры РФ от 29 июля 2010 г. город был лишен этого статуса².

Абакан, Горно-Алтайск и Кызыл, несмотря на их столичный статус, являются городами провинциальными, отдаленными от крупных городских центров, в том числе сибирских. Все три города занимают относительно небольшую площадь. Абакан – самый большой из них – 112,4 км², площадь Кызыла составляет 97,4 км², Горно-Алтайска – 95,5 км². При постоянном росте численности горожан плотность населения в них в настоящее время достаточно высокая: в Кызыле – 1191 чел. на км², Абакане – 1616,8, Горно-Алтайске – 663 чел. на км².

Таким образом, развитие столиц национальных республик Саяно-Алтая имеет ряд специфических черт, обусловленных как их географическим положением, так и набором выполняемых ими функций. Перспективы их дальнейшего развития во многом

определяется возможностями их социально-экономического, социально-демографического развития, а также сохранением за ними статуса культурных, образовательных, научных и политических центров своих регионов.

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА С ИНДУСТРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ФУНКЦИЯМИ

Значение монопрофильных поселений в пространственно-расселенческой структуре городских поселений национальных республик Саяно-Алтая велико, что обусловлено не только их количеством и численностью проживающего в них населения, но также их негативным влиянием на всю внутререгиональную городскую систему. Сегодня существует множество подходов к определению понятий «моногород», «монопрофильное поселение» и «город-завод», которые весьма противоречивы и различаются основными классификационными признаками. Из всего многообразия существующих подходов максимально расширяет смысловую нагрузку термина, а также придает ему концептуальность подход, основанный на выявлении общих критериев, определяющих монопрофильность города, а также учитывающих характер отношений между основными группами интересов в моногороде. К обобщающим критериям, определяющим монопрофильные города, относятся: наличие одной или нескольких компаний с однородными производствами, которые тесно или безальтернативно связаны друг с другом и служат единому конечному рынку; зависимость доходных поступлений муниципального бюджета от успешной реализации товаров градообразующих предприятий, а также от складывающихся отношений между владельцами предприятий и городскими властями; однородность профессиональной специализации населения города; значительная удаленность города от экономических центров; определяющее влияние градообразующего предприятия на ситуацию в городе с занятостью населения, его воздействие на инфраструктуру и социально-демографическую структуру [Шаститко, 2015, с. 11, 13; Антипова, 2017, с. 28]. Сегодня данным критериям соответствуют 5 городов в изучаемом регионе. Следует оговориться, что не все они включены в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации, определенный распоряжением Правительства России³. Так, тувинский г. Ак-Довурак не попал в федеральный перечень, но особенности его развития соответствуют названным критериям.

¹ Паспорт муниципального образования город Абакан. URL: <https://абакан.рф/main/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya/pasport-municipalnogo-obrazovaniya-gorod-abakan.html> (дата обращения: 08.03.2022).

² Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.01.2010. № 3. Ст. 335.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)» (с изменениями от 21 января 2020 г.).

Итак, к монопрофильным городским поселениям с индустриально-хозяйственными функциями в национальных республиках Саяно-Алтая относятся 5 городов из 11. Из них 4 города находятся в Хакасии – Саяногорск, Черногорск, Абаза, Сорск, 1 город в Туве – Ак-Довурак. Все эти городские поселения по выполняемым функциям представляют категорию именно монопрофильных промышленных центров. Хотя монопрофильность поселений не всегда носила постоянный характер, у части из них она стала приобретенной в ходе развития городского поселения. Используя концепцию генетической типологии монопрофильных поселений России [Кузнецова, 2003], можно сгруппировать моногорода Саяно-Алтая следующим образом. Большинство моногородов региона относится к типу городов, возникших в качестве монопрофильных и сохранивших эту функцию. Причем часть из них – это города, изначально возникшие из заводского поселка или фабричного села, а затем сохранившие функцию монопрофильности до настоящего времени. К этому типу моногородов относятся Черногорск, Абаза и Сорск.

Черногорск возник как узкоспециализированный город угледобычи, выросший из рабочего поселка Черногорские Копи. Однако с 1970-х гг. в ходе формирования Саянского ТПК отраслями его специализации также стали помимо угледобычи легкая и пищевая отрасли промышленности, производство строительных материалов, металлообработка. К 1980-м гг. город уже был одним из промышленных центров Красноярского края. Однако после распада СССР в 1990-е гг. в Черногорске прекратили свое существование камвольно-суконный комбинат, завод железобетонных конструкций, комбинат «Искож», комбинат «Сибирь», Хакассский комбинат строительных материалов (самый большой в Восточной Сибири), деревообрабатывающий комбинат и др. Сегодня Черногорск вновь специализируется только на добыче угля. Он входит в перечень моногородов России и отнесен ко второй категории моногородов, т.е. к монопрофильным поселениям, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения.

Города Сорск и Абаза также выросли из рабочих поселков: Сорск – из Соры, специализировавшейся на добыче молибдена, Абаза – из поселка, деятельность которого была связана с разработкой Абаканского железорудного месторождения. Динамичное развитие обоих городов в постсоветский период прекратилось. Наиболее сложная ситуация наблюдается сегодня в Абазе [Тиникова, 2021а, с. 350], поэтому город включен в список монопрофильных городов Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением.

К молодым «ресурсным» городам, приуроченным к крупным запасам полезных ископаемых, относится г. Ак-Довурак. Он возник в 1964 г. в связи с появлением комбината «Тываасбест», на котором производится длинноволокнистый асбест, не имеющий аналогов (по сорту) в России, шифер и некоторая другая продукция. После распада СССР в 1990-е гг. комбинат фактически остановился и, сменив несколько частных собственников, в последнее время делает попытки возобновить работу.

Особое место среди моногородов региона занимает Саяногорск, который относится к типу исторических поселений, получивших узкую специализацию в годы индустриализации в советский период вследствие размещения крупного предприятия обрабатывающей промышленности. Саяногорск был основан в 1975 г. в связи со строительством Саяно-Шушенской ГЭС и Саянского алюминиевого завода на месте существовавшего с начала XIX в. с. Означенного. Ему подчинены находящийся в 10 км от него старинный, с 245-летней историей поселок городского типа Майна и совершенно новый, построенный в тайге на берегу Енисея у створа гидростанции поселок городского типа Черемушки. Наличие в муниципальном образовании промышленных гигантов всероссийского и даже континентального значения во многом обусловили высокие показатели социально-экономического развития этого города.

Важное значение для функционирования моногорода имеет близость к региональному центру. Это в первую очередь связано с доступностью недостающего набора услуг для жителей моногородов, которые характеризуются низким уровнем развития социальной инфраструктуры. Для жителей моногородов, совершающих с этой целью поездки в многопрофильный центр, преодолимый в среднем считается расстояние до 100 км [Антипова, 2017, с. 30]. Этому параметру соответствуют лишь Черногорск, расположенный в непосредственной близости от Абакана, и Саяногорск, который сам обладает достаточно развитой социальной инфраструктурой. Абаза и Сорск – города, отдаленные от столицы Хакасии. Еще более обособленным является Ак-Довурак, расстояние между ним и Кызылом составляет 309 км, расстояние до Абакана – 428 км.

По численности населения лишь Черногорск относится к средним городам, все остальные монопрофильные городские поселения региона – к малым городам. Динамика численности в моногородах Хакасии и Тувы не отличается однородностью (табл. 2). Общая закономерность для всех поселений данного типа – стабильный рост численности городского населения в советский период. После распада Советского Союза траектории динамики численности насе-

Таблица 2

Численность населения моногородов национальных республик Саяно-Алтая в 1945–2020 гг., тыс. чел.*
The population of single-industry towns of the national republics of Sayano-Altai in 1945–2020 (thousand people)

Город	1945 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Абаза	–	11,6	15,2	15,8	17,6	18,1	17,1	15,0
Ак-Довурак	–	2,2	9,6	13,2	15,2	13,0	13,5	13,6
Саяногорск	–	–	–	21,9	50,2	50,3	50,0	46,0
Сорск	–	–	10,6	12,2	15,1	13,3	12,1	11,2
Черногорск	17,4 (1939)	51,1	60,0	71,4	79,4	73,1	72,1	75,4

* Источник: официальные данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

ления выглядят по-разному и во многом зависят от ситуации в каждом населенном пункте.

**МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА
С АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ
ФУНКЦИЯМИ**

Три из пяти городов Тывы – Чадан, Шагонар, Туран – являются районными центрами, т.е. местом сосредоточения базовой жизненной инфраструктуры для окружающих поселений. Созданные в 1945 г., они прошли разный путь, и векторы их сегодняшнего развития различны. Шагонар выгодно отличается уровнем своего социально-экономического и демографического развития. Небольшой по численности населения Туран даже визуально больше напоминает сельское поселение.

Вместе с тем в истории этих поселений можно найти много схожего. Они возникли первоначально в качестве сельских поселений, в 1870–1880-х гг. В 1873 г. при впадении рч. Хондергей в р. Чадан был основан буддийский монастырь Алды-Хурээ. Вскоре в непосредственной близости от монастыря появилось поселение, которое до 1929 г. именовалось Артаадыт, после оно было переименовано в Чадан. В 1945 г. это поселение получило статус города и стало центром Дзун-Хемчикского района.

В 1885 г. был основан Туран – первое русское поселение в Урянхайском крае. В 1945 г. он стал городом и административным центром Пий-Хемского района. История его развития в XX в. во многом предопределена его географическим положением – город находится в 65 км от Кызыла на Усинском тракте.

История Шагонара началась в 1888 г. и также связана с освоением региона русскими поселенцами. В XIX в. этот населенный пункт назывался Шагаан-Арыг. В 1945 г. Шагонар стал городом и административным центром Улуг-Хемского района, его экономическое развитие планировалось увязать с промышленным производством. Но судьба городского

поселения резко изменилась после решения о строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Город попадал под затопление, как и близлежащие месторождения угля, кобальта. В 1970 г. открывается новая страница в истории Шагонара – появляется фактически новый город, в нескольких километрах от старого поселения.

Эти города связывают и задачи, которые ставили центральные советские органы управления при формировании новой системы городского расселения Тывы. Одной из основных функций новых городов – Чадана, Шагонара и Турана – являлось стать проводником советской власти, способствовать ее закреплению на вновь присоединенной территории. В этих малых городах предполагалось развивать промышленное производство. Планировалось, что Шагонар станет главным производителем цемента высокого качества, асбеста, железобетонных конструкций и основным поставщиком стройматериалов в Туве. После открытия каменноугольного месторождения вблизи Чадана началась его разработка и добыча угля открытым способом.

На Туран, Чадан и Шагонар, как на административные центры районов, были возложены и функции предоставления транспортных услуг, социальное обслуживание населения района с учетом его сельскохозяйственной деятельности. Сегодня деятельность этих городов не выходит за рамки местного аграрно-промышленного комплекса. Здесь расположены мелкие предприятия пищевой промышленности – маслозавод, хлебопекарня и райпромкомбинат.

Численность населения этих городов остается стабильно низкой (табл. 3), не достигает даже принятой в стране для городов квалитметрической нормы в 12 тыс. чел. На фоне самого малочисленного из них – Турана, население которого за весь период его существования оставалось практически неизменным, численность жителей Чадана и Шагонара росла и за более чем 70-летнюю историю увеличилась в 2 и 2,7 раза соответственно. Рост количества населения в них был обусловлен наличием рабочих мест и сохра-

Таблица 3

Численность населения городов – центров административных районов национальных республик Саяно-Алтая в 1959–2020 гг., тыс. чел.*

The population of the cities – centers of the administrative districts of the national republics of Sayano-Altai in 1959–2020 (thousand people)

Город	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Туран	5,6	4,5	5,1	6,0	5,6	5,0	4,9
Чадан	4,7	7,6	9,0	10,8	9,5	9,0	9,4
Шагонар	4,2	4,5	5,5	10,1	11,0	11,0	11,2

* Источник: официальные данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

нением производств. Помимо функционирования предприятий пищевой промышленности и развития скотоводческих общин-хозяйств в Шагонаре организовано производство стройматериалов индивидуальными предпринимателями, в Чадане – добыча каменного угля.

Как и большинство малых городов страны, Туран, Чадан и Шагонар на всем протяжении своей истории сталкивались с проблемами низкого качества жизни населения. Эти проблемы были связаны с пониженным уровнем занятости трудоспособного населения, слабой градообразующей базой, низкой инвестиционной привлекательностью, недостаточным уровнем развития сферы социально-бытового обслуживания, неразвитостью мест отдыха, ограниченными возможностями для самореализации молодежи.

ПОСЕЛКИ ГОРОДСКОГО ТИПА

В системе городского расселения национальных республик Саяно-Алтая, как и Сибири в целом, особое место занимают поселки городского типа (ПГТ), совмещающие черты сельского быта и индустриального типа производства. Первые такие поселения появились в регионе на рубеже 1920–1930-х гг. Отличительной особенностью этого периода в истории градообразования в СССР является более основательный подход, по сравнению с предыдущим периодом, к вопросам присваивания статуса городских поселений, в том числе и ПГТ. На получение данного статуса могли претендовать лишь населенные пункты, которые «действительно имели перспективы развития и превращения в будущем в настоящие города» [Симагин, 2009а, с. 21]. В Хакасии в 1931 г. статус города получил Абакан, в 1936 г. – Черногорск, а статус ПГТ в 1929 г. – Сарала, в 1932 г. – Балахчин, Балыкса, Знаменитый, Коммунар (Богомдарованный), Кизас и Усть-Абакан (Лесозавод, ранее улус Подкунье). Так свершилась настоящая «городская революция» в Хакасской автономной области.

В 1940-е гг. ряды ПГТ в Хакасии дополнили населенные пункты Золотогорский, Орджоникидзевский, Приисковский, Сон, Туим. После вхождения Тувы в состав России регион захлестнула волна модернизации и полунасильственной урбанизации. Во вновь присоединенной национальной области появилось 4 ПГТ – Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми, которые, по сути, являлись поселениями при золотодобывающих приисках. Неудивительно, что уже в 1950-е гг. они утратили статус городских поселений.

Жизнь новых ПГТ выстраивалась вокруг поселкообразующих предприятий. В регионе это были либо золотодобывающие рудники (Балахчин, первоначально Балыкса, Коммунар, Приисковский, Бай-Сют, Нарын, Харал, Эми), либо предприятия, ведающие охраной и разведением леса, развитием деревообрабатывающей промышленности (Кизас, Усть-Абакан), а также Саралинская ЦЭС (Орджоникидзевский). Особой категорией ПГТ стали транспортные центры – поселения Сон и Туим при Ачинско-Минусинской железной дороге, Аскиз, Бирикчуль – станции железнодорожной ветки Абакан – Междуреченск.

С 1950-х гг. отношение к ПГТ со стороны центральной власти меняется, о чем свидетельствуют как нормативные акты⁴, так и сложившаяся практика. К этому времени ПГТ стал восприниматься как особый тип поселений, занимающий промежуточную позицию между селом и городом, без претензий на дальнейшее преобразование в город.

В 1950–1960-е гг. в Саяно-Алтайском регионе появилось 13 новых ПГТ: 9 – в Хакасии, 2 – в Туве и 2 – на Алтае. Функционально их деятельность также была связана с организацией работы предприятий добывающих отраслей промышленности (Абаза, Дзержинский (Сора), Бельтырский (Новостройка), Майна,

⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сент. 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков».

Хову-Аксы, Акташ, Веселая Сейка), а также с обслуживанием железнодорожных магистралей (Копьево, Шира). Причем хакасские поселки Балахчин и Кизас утратили этот статус, в первую очередь из-за низкой численности населения – менее 2,5 тыс. чел. в каждом из них (законодательно в стране на ПГТ распространялась норма – не менее 3 тыс. чел. постоянного населения).

В 1974 г. в Хакасии появился новый ПГТ – Черемушки, поселок гидростроителей и эксплуатационников Саяно-Шушенской ГЭС. В те же годы в связи с формированием Черногорского промышленного узла развивается Предзаводской микрорайон, который в 1986 г. получил статус ПГТ, его деятельность была связана с функционированием комбината «Сибирь». Единственный курортным поселком региона стал населенный пункт Озеро Шира, получивший соответствующий статус в 1976 г. и переименованный в Жемчужный.

В 1990-е гг. ПГТ оказались в наиболее тяжелом положении по сравнению с другими категориями поселений, так как «негативно проявился переходный характер ПГТ между «настоящими» городами и сельскими поселениями, когда они совместили недостатки и тех и других, «не располагая соответствующими достоинствами» [Симагин, 2009б, с. 51]. Постсоветский период ознаменовался административной рурализацией, которая в исследуемом регионе затронула исключительно ПГТ. Этот процесс свидетельствует о слабости социально-экономического потенциала тех поселений, которые утратили свой городской статус. Закрывание поселкообразующих предприятий стало для них приговором, а получение статуса сельских населенных пунктов и в связи с этим соответствующих льгот – одним из механизмов решения проблем. Сегодня ПГТ больше нет ни в Тыве, ни на Алтае, а в Хакасии их осталось 7.

Самый распространенный тип ПГТ в Хакасии сегодня – пригородные центры (Майна, Черемушки, Пригорск). Эти поселения изначально образовались в качестве поселений-спутников городов Черногорск и Саяногорск. Аскиз и Бискамба являются транспортными центрами – железнодорожными станциями Красноярской железной дороги. Усть-Абакан представляет собой центр Усть-Абаканского района, при этом по факту также поселение-спутник Абакана. Его численность (15,2 тыс. чел.) даже выше, чем в городах – районных центрах Тувы. Лишь Вершина Теи является единственным поселком, все еще специализирующимся на добыче и переработке полезных ископаемых (железной руды). В целом в регионе отсутствуют «перспективные» ПГТ, которые в будущем могли бы претендовать на самостоятельное существование в качестве города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди городских поселений региона сложилась своеобразная иерархия по степени их благосостояния, данным качеством обладают только республиканские столицы. Это обусловлено, прежде всего, их административной ролью, так как в результате перепрофилизации и деиндустриализации в последние десятилетия они утратили роль индустриальных центров. Значимыми факторами развития остальных городских поселений остаются степень их удаленности от центра региона и востребованность производимой ими продукции градообразующих предприятий на внешних рынках. Разные векторы развития городов в постсоветский период повлияли на трансформацию урбанистической структуры региона.

На территории Алтая, Тувы и Хакасии важнейшие факторы градообразования в середине XX в. носили экзогенный характер и были связаны с необходимостью освоения региона, политикой индустриализации и переселения населения с целью обеспечения промышленных объектов квалифицированными кадрами и рабочими руками. В советский период урбанизации региона основу городского расселения составляли малые города – центры добывающей промышленности и поселки городского типа.

В постсоветский период траектория развития процессов градообразования резко изменилась на противоположную, что выразилось в административной рурализации. Вектор урбанизационного развития региона в последние 30 лет связан с усилением значимости региональных столиц, усилением концентрации населения вокруг них, ростом жилой застройки их пригородных территорий, формированием агломераций [Тиникова, 2021б]. Остальные городские поселения региона в большей степени деградировали, так как стали заложниками своей монопрофильности.

В целом структурно-функциональная типология городских поселений региона позволяет не только объяснить причины происходящих в отдельных населенных пунктах социально-демографических и экономических процессов, но также проследить закономерности развития каждой из предложенных категорий и наметить траектории их развития. Общим условием для успешного и стабильного роста всех городских поселений является необходимость усложнения их функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова Е., Тутов А. Современный портрет белорусского монопрофильного города // Земля Беларуси. 2017. № 2. С. 27–35.
2. Бегзи А.Д. Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Тыве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл: Тув. ин-т комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, 2019. С. 52–59.

3. Гонина Н.В. Типология как метод конкретно-исторического исследования городов Ангаро-Енисейского региона во второй половине XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 18–22.
4. Гонохов А.Г. История социально-экономического развития Горного Алтая в 1991–2000 годы: автореф. дис... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2007. 26 с.
5. Занданова Л.В., Салахова Л.М. Формирование новых подходов к типологизации индустриальных сибирских городов второй половины XX в. в историко-культурных исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 25–29.
6. Квиткин О.А. Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 13–19.
7. Ларпо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Сер.: Географическая. 2019. № 4. С. 3–23.
8. Маергойз И.М. Географическое учение о городах. М.: Наука, 1987. 119 с.
9. Мироненко Н.С., Полян П.М., Трейвиш А.И. Исаак Моисеевич Маергойз (к 100-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5.: География. 2008. № 4. С. 3–6.
10. Семенов Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
11. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
12. Симагин Ю.А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века // Вестн. МГПУ. Сер.: Естественные науки. 2009а. № 1. С. 20–27.
13. Симагин Ю.А. Социально-экономическое значение поселков городского типа в регионах России // Угрозы и безопасность. 2009б. № 20. С. 50–55.
14. Смайле Ю.В. Функциональная типология крупных городов СССР. (Исторический аспект) // Вестн. Ростов. гос. экон. ун-та. 2007. № 1. С. 185–191.
15. Тиникова Е.Е. Проблемы ЖКХ в монопрофильных поселениях Республики Хакасия в постсоветский период // Язык. Культура. Этнос: Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспийковых: сб. науч. стат. Новокузнецк: КГПИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2021а. С. 343–352.
16. Тиникова Е.Е. Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. 2021б. Т. 14, № 2. С. 275–290.
17. Тугузжекова В.Н., Тиникова Е.Е. Рост благосостояния населения юга Красноярского края в условиях интенсивного индустриального развития в 1970–80-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2. С. 128–134.
18. Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7–35.
19. Шулбаев В.К. Размещение промышленности в Хакасии. Абакан: Бригантина, 2015. 160 с.
20. Begzi A.D. (2019). The main factors, stages and features of urbanization in Tuva. *Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kyzyl, pp. 52–59. (In Russ.)
21. Gonina N.V. (2016). Typology as a method of concrete historical research of the Angara-Yenisei region cities in the second half of the XX century. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 1, pp. 18–22. (In Russ.)
22. Gonokhov A.G. (2007). History of socio-economic development of the Altai Mountains in 1991–2000: diss. abstr. Gorno-Altaysk, 26 p. (In Russ.)
23. Zandanova L.V., Salakhova L.M. (2010). Formation of new approaches to the typologization of industrial Siberian cities of the second half of the XX century in historical and cultural studies. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 25–29. (In Russ.)
24. Kvitkin O.A. (1927). The first results of the 1926 census. *Statisticheskoye obozreniye*, no. 1, pp. 13–19. (In Russ.)
25. Lappo G.M. (2019). Diversity of cities as a factor of successful spatial development of Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 4, pp. 3–23. (In Russ.)
26. Maergoiz I.M. (1987). Geographical doctrine of cities. Moscow, Nauka, 119 p. (In Russ.)
27. Mironenko N.S., Polyana P.M., Trayvish A.I. (2008). Isaac Moiseevich Maergoiz (to the 100th anniversary of his birth). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 4, pp. 3–6. (In Russ.)
28. Semenov Tyan-Shansky V.P. (1910). City and village in European Russia. An essay on economic geography with 16 maps and cartograms. Saint Petersburg, V.F. Kirshbaum Tip, 212 p. (In Russ.)
29. Senyavsky A.S. (2003). Urbanization of Russia in the XX century: the role in the historical process. Moscow, Nauka, 286 p. (In Russ.)
30. Simagin Yu.A. (2009). Changing the role of urban-type settlements in the settlement system of Russia during the twentieth century. *Vestnik MGPU. Seriya «Estestvennye nauki»*, no. 1, pp. 20–27. (In Russ.)
31. Simagin Yu.A. (2009). Socio-economic significance of urban-type settlements in the regions of Russia. *Ugrozy i bezopasnost'*, no. 20, pp. 50–55. (In Russ.)
32. Smale Yu.V. (2007). Functional typology of large cities of the USSR. (Historical aspect). *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta «RINKh»*, no. 1, pp. 185–191. (In Russ.)
33. Tinikova E.E. (2021a). Problems of housing and communal services in single-industry settlements of the Republic of Khakassia in the post-Soviet period. *Yazyk. Kul'tura. Etnos. Chteniya pamyati E.F. i F.G. Chispiyakovykh*. Novokuznetsk, Krasnoyarsk, pp. 343–352. (In Russ.)
34. Tinikova E.E. (2021b). Urbanization of the national republics of Altai Sayan through the prism of modernization theory. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 2, pp. 275–290. (In Russ.)
35. Tuguzhekova V.N., Tinikova E.E. (2016). The growth of the welfare of the population of the south of the Krasnoyarsk Territory in the conditions of intensive industrial development in the 1970s–80s. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 2, pp. 128–134. (In Russ.)
36. Shastitko A.E., Fatikhova A.F. (2015). Monotowns: a new look at an old problem. *Baltiyskiy region*, no. 1, pp. 7–35. (In Russ.)
37. Shulbaev V.K. (2015). Placement of industry in Khakassia. Aбакан, Brigantina, 160 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Antipova E., Titov A. (2017). Modern portrait of the Belarusian monotown. *Zemlya Belarusi*, no. 2, pp. 27–35. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

Дата рецензирования 16.03.2022

Статья принята к публикации 04.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220213

УДК 94:314.1(571.1/.5)"1951/2000"(091)"

Н.В. ГОНИНА

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлен обзор современных сибирских исторических исследований, в которых демографическая динамика раскрывается как одна из составляющих процессов урбанизации в советский период. Дана характеристика понятийного аппарата, обзор историографии, выявлены основные направления и тенденции исследований, акцентированы региональные отличия, отмечены слабо разработанные аспекты темы. Соединение теории модернизации с концепциями урбанистического и демографического переходов имеет большие перспективы в историческом анализе и позволяет получить новое знание о жизни и характеристиках населения сибирского города в позднесоветский период, а также о специфике процессов урбанизации в целом. Однако другие методологические подходы исследователями практически не используются. Такие проблемы, как эпидемиологический переход, миграции, образ жизни, влияние ведомственности, межнациональные браки, и другие требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: урбанизация, историческая демография, историография, Сибирь, численность населения, горожане, образ жизни, советский город.

N.V. GONINA

SIBERIAN URBAN RESIDENTS AT THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY: HISTORIOGRAPHY ISSUES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The first historical writings on Siberian urban residents in the second half of the XX century date back to 1960s. They were primarily dedicated to the working class. In 1990s, the writings were further broadened in the context of historical demography and urban development in historical perspective.

The Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Science became the center to research Siberian towns and cities and their dwellers. S. Bukin, N. Guschin, V. Isaev and V. Isupov are among the most prominent scholars. In 2000s, the historians published a series of monographs, miscellanies and articles of conceptual significance. They introduced the concept of Siberian demographic transition and characterized it by the delayed and fragmentary nature of processes.

East Siberian historical demography is less studied. L. Slavina pointed out delayed demographic transition. S. Rafikova argued for accelerated urbanization and young population in Siberian towns and cities.

The researchers from the Republics of Khakassia and Tuva prepared a multitude of publications discussing the historical urban demography of the second half of the XX century. V. Kyshpanakova, N. Barantseva, Ye. Tinikova, Z. Anaiban, V. Boiko and Z. Dorzhu should be pointed out among them. The researchers suggested delayed demographic transition among the indigenous peoples of Siberia, urban residents including. They argued for Soviet industrialization of the region and its related urbanization.

The analysis allows concluding that historical Siberian urban demography is expanding. Linking theory of modernization and concepts of urban and demographic transitions in historical analysis is an area of great promise and substantial potential. It allows gaining new knowledge about life and characteristics of Siberian urban population during the late Soviet period and noteworthy features of processes of urbanization. At the same time, other methodological approaches have not been implied. The works of foreign authors are poorly used. None of the above-mentioned researches has included either any comparative analysis, or mathematical modeling in their study. Such issues as epidemiological transition, migration, the way of life, departmentalism, mixed-nationality marriages, etc. require further research.

Key words: urbanization, historical demography, historiography, Siberia, population, citizens, lifestyle, Soviet city.

Наталья Владимировна Гонина – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, email: nvg7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6229-4767>

Natalia V. Gonina – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования о городе, как правило, полидисциплинарны. Историческая урбанистика, по мнению Л.П. Репиной, является, «вероятно, самым удачным детищем междисциплинарного взаимодействия истории, социологии и экономики» [2009, с. 23]. Причем междисциплинарные союзы могут включать не только указанные науки, но и архитектуру, географию, демографию, культурологию и др. Вопрос заключается в том, насколько гармонично будет выстраиваться диалог дисциплин в процессе исследования.

Распространенный ранее в изучении города краеведческий подход, с одной стороны, уже включает привлечение и географии, и архитектуры, а с другой стороны трудно взаимодействует с методами других наук. Несмотря на то, что в самом определении понятия «урбанизация» есть слова «исторический процесс», во многих исторических работах, посвященных городу, не хватает широты освещения, комплексности [Стась, 2015]. Есть и другая проблема: как не потерять в междисциплинарности «дух и букву» исторического исследования. Как отмечает Е. Трубина, «академические исследования, нацеленные на понимание городов, представляют собой сравнительно молодую отрасль знания: им немногим более ста лет» [2011, с. 13]. Продолжим эту мысль. Академические исторические исследования города еще моложе.

Изучение города возможно и с другой стороны – через его жителей. Исследование населения, динамики его социальных и демографических процессов неизбежно ставит вопрос об условиях его жизни и факторах развития, т.е. выводит в поле урбанистики. При этом возникает вопрос: кого следует считать горожанином. И здесь ведется много дискуссий о постоянном и пришлом населении, о статусе мигрантов и городском образе жизни. Открытым остается и вопрос о том, считать ли горожанами население пригородов, малых неиндустриальных городов и поселков городского типа. При этом важно учесть замечание Е. Трубиной, что один из главных вопросов исследования – городские ли это проблемы или общесоциальные, особенно остро проявляющиеся в городах [2011, с. 17].

Изучение городского населения можно вести различными способами. Мы остановимся на исторической демографии. Треугольник урбанистика–демография–история создает междисциплинарное исследовательское поле, позволяющее глубоко раскрыть диалектику модернизационного и демографического переходов и выявить локальную специфику сибирских городов. Особую роль в этом контексте играет тема миграций, которая позволяет показать город как узел пространственной сети движения населения и как элемент единого пространства страны.

Успешный баланс позволяет обеспечить, в частности, теория модернизации. Она равно значима и для урбанизации, и для демографии. Это хорошо показал А.Г. Вишневский. Он писал о незавершенности российской модернизации, ее догоняющем характере и отмечал, что двумя основными векторами развития общества, совершающего переход от сельского строя к городскому, являются модернизация и контрмодернизация. В годы советской власти страна шла по пути модернизации (хотя отдельные стороны жизни выпадали из этого процесса), причем одним из основных ее результатов, ее «триумфом» стало формирование городского сообщества, получившего доступ к образованию, здравоохранению, достижениям культуры и удобствам городской жизни [Вишневский, 2004, с. 20].

Большое значение имеет временной период. Если город Средневековья и Нового времени изучен достаточно полно, то городу XX в., особенно его второй половины, уделяется намного меньше внимания.

Целью данной статьи является анализ современной сибирской историографии такой сложной темы, как эволюция городского населения во второй половине XX в. в контексте урбанизационных процессов.

СИБИРСКИЕ ГОРОЖАНЕ
КАК ЧАСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ И МИРА

Первые труды историков по городскому населению в Сибири второй половины XX в. появились в 1960-е гг. и были связаны с изучением рабочего класса, а их развитие в контексте исторической демографии и исторической урбанистики датируется второй половиной 1980-х гг. «Перестройка» позволила снять цензурные ограничения и ввести в научный оборот ряд новых понятий, в том числе «урбанизация».

Крупным центром изучения истории советского города и его населения стал Институт истории СО РАН. Первой академической публикацией является сборник статей «Урбанизация советской Сибири» [1987]. Среди авторов сборника – ведущие специалисты В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк, В.А. Исупов, Г.М. Макиевский и др. Книга во многом заложила основы для развития исследований в области исторической урбанистики. В ней были поставлены цели и определены задачи изучения процессов урбанизации в Сибири, рассмотрена динамика численности городского населения Сибири, изменение его состава, уделено внимание районам нового промышленного освоения, а также формированию социально-бытовой инфраструктуры и образу жизни населения городов. Во втором сборнике новосибирских ученых – «Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг.» [1989] – в одной из глав рассматриваются вопросы влияния индустриального освоения Сибири на демографическое развитие городов.

В 1990-е гг. был опубликован ряд монографий, освещающих как узкоспециальные, так и общие вопросы развития сибирских городов во второй половине XX в. В 1991 г. в Новосибирске вышла работа В.А. Исупова «Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 1930-х–конец 1950-х гг.)», раскрывающая демографические последствия сталинской политики. В.А. Исупов первым использовал метод типологизации городов в историко-демографическом исследовании, а также обратил внимание на долговременные последствия военных потерь, которые сказываются не только в течение одного поколения, но и последующих [Исупов, 1984].

В том же году С.С. Букин опубликовал исследование «Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х–1950-е гг.)». В монографии анализируются вопросы развития социально-бытовой сферы сибирских городов: обеспечение потребления и досуговой сферы населения, денежные доходы горожан, развитие жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранение [Букин, 1991].

В 1995 г. вышла монография под редакцией Н.Я. Гущина и В.А. Исупова «Население Сибири в XX веке» [1997]. В ней впервые в историографии осуществлен комплексный анализ демографического развития Сибири, в том числе показана эволюция городского населения в контексте политических, социально-экономических и культурных процессов в стране. Выявлена специфика региона в сравнении с общероссийскими показателями.

В 2009 г. в Институте истории СО РАН был создан сектор историко-демографических исследований во главе с В.А. Исуповым. В качестве научных приоритетов были определены: исследование специфики демографического перехода в Сибири, взаимодействие социально-экономических и демографических процессов, влияние среды на эти процессы, изучение особенностей территориального и этнонационального распределения демографических феноменов.

В этот период был издан ряд крупных монографий и статей, имеющих концептуальное значение, а также вышло несколько коллективных монографий и серия сборников статей [Проблемы ..., 2015; Демографическое пространство ..., 2014; Демографическая история ..., 2014]. В работах В.А. Исупова показано, что ускоренная индустриализация стала причиной «квазиурбанизации», когда город являлся приложением к предприятию. Обоснована концепция сибирской специфики демографического перехода, которая выражается в отсроченном и фрагментированном характере процессов, сделан вывод, что демо-

графическая история нашей страны – столь специфический, исключительно «советский» феномен, который, по-видимому, не будет воспроизведен ни в одной стране мира [Исупов, 2000, 2013, 2018].

В целом, как заметил Г.Е. Корнилов, сформировалось понимание того, что изучение социально-экономических, политических и культурных процессов должно опираться на ретроспективный анализ демографических изменений в обществе. Именно поэтому в центре внимания историков оказались важнейшие проблемы демографии, такие как численность, возрастной состав, воспроизводство населения [Корнилов, 2019].

Важный вклад в разработку теоретических и историографических аспектов темы внесли работы С.С. Букина и В.И. Исаева [Исаев, 2009, 2010; Букин, 2012]. История Сибири XX в. в рамках теории модернизации рассматривается как период становления общества индустриально-урбанистического типа. Историки утверждают, что урбанизацию Сибири следует трактовать как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации.

В первые два десятилетия 2000-х гг. в Институте истории СО РАН было подготовлено несколько коллективных монографий, посвященных урбанизации Сибири в XX в. В исследовании «Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе» [Букин, Долголюк и др., 2011] рассматривается создание Урало-Кузбасского комбината, формирование системы территориально-производственных комплексов и их воздействие на социальные трансформации населения, его демографические и профессиональные характеристики, уровень культуры и повседневную жизнь. Отмечается, что переход от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому в Урало-Сибирском регионе происходил в рамках мирового общецивилизационного процесса и вместе с тем приобретал отчетливо выраженное своеобразие под сильным влиянием политических, социально-экономических и географических факторов.

В работах С.А. Рафиковой [Rafikova, 2017; Рафикова, 2019], посвященных истории повседневности, много внимания уделяется также демографии сибирского города. Автор отмечает факт ускоренной урбанизации и молодость населения сибирских городов. Уникальность ее исследований заключается в концепте «живая история» и разработке шкалы параметров оценки городского образа жизни (ГОЖ). Можно сказать, что это пример самого гармоничного сочетания количественных и качественных методов с получением реального результата.

Таким образом, учеными постепенно определялись методология и понятийный аппарат исследова-

ний, формировались историческое видение и общая картина событий. Работы по исторической демографии и исторической урбанистике были созданы разными авторами в рамках единого исследовательского поля в тесном диалоге друг с другом. Сибирь рассматривалась в контексте общегосударственных и общемировых процессов.

ИЗУЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДОВ В СИБИРИ

В трудах О.Б. Дашинамжилова рассматривается история городского населения Западной Сибири в 1960 – 1980-х гг. На большом статистическом материале показаны демографические процессы и определены характеристики особой модели урбанизации в регионе, отличительная характеристика которой заключается в том, что демографические процессы в городах Западной Сибири в 1960–1980-е гг. носили непоследовательный характер. Например, средняя продолжительность жизни в городских поселениях Западной Сибири была по многим вышеназванным причинам ниже, чем в РСФСР [Дашинамжилов, 2018а].

Монографическое исследование О.Б. Дашинамжилова [2018б] стало одной из первых историко-демографических работ, где даны характеристики демографических процессов по типам городов, в комплексе проанализированы численность, возрастной и национальный состав, естественное движение и миграция городского населения в рассматриваемый период. Автор соединяет теории урбанизационного и демографического переходов, погружая их в исторических контекст. О.Б. Дашинамжилов констатирует, что интенсивный этап урбанизационного перехода в Западной Сибири обладал весьма своеобразными чертами. Нелинейное социально-экономическое развитие привело к тому, что затухание демографического роста городов носило непоследовательный, волнообразный характер. Урбанизация в 1960–1980-е гг. дольше сохраняла экстенсивные черты. По мере медленного снижения демографического потенциала европейских районов страны возмещение дефицита рабочих рук происходило за счет других ее регионов. В результате национальная структура городских поселений Западной Сибири на протяжении второй половины XX столетия становилась все более полиэтничной и сложной по составу.

Западной Сибири и ее отдельным территориям и поселениям посвящены труды А.А. Бурматова. Автор отмечает влияние ведомственности на развитие городов, уделяет внимание миграциям, ставит вопрос о влиянии урбанизации на демографические процессы, отмечая экологическое неблагополучие городской

среды, рост числа онкологических заболеваний [Бурматов, 2018а, б]. Я.А. Кузнецова также рассматривает историю городского населения в диалоге урбанистического и демографического переходов [Кузнецова, 2012].

В коллективной монографии «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.)» [2017] показана эволюция демографических процессов в течение длительного периода времени. Выявлена крайняя разбалансированность всех демографических характеристик, незавершенность демографического перехода, отставание от российских показателей на 10–15 лет.

Большая работа по изучению северных городов ведется в Тюмени лабораторией исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета. С 2020 г. здесь открыта магистерская программа «Историческая урбанистика». И.Н. Стась [2018], изучая северные города Западной Сибири, пишет, что с начала 1980-х гг. государство (его нефтяные ведомства) взяло курс на сплошное городское освоение непосредственно в местах производства, в том числе на дальних добывающих территориях. Фактически началась тотальная урбанизация населения. Этот курс проводился советским государством уже с конца 1920-х гг. и был тесно связан с политикой социалистической индустриализации, поскольку он не требовал сложных логистических схем освоения, хотя и был на порядок дороже, так как подразумевал комплексное обустройство территорий.

Стратегии развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в итоге привели к урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа. За относительно короткий срок – чуть более 30 лет – в округе выросло 15 городов, а к концу XX в. их было 16. По количеству городов регион был на втором месте в РСФСР. Урбанизация содействовала тому, что в округе быстро совершился демографический переход. Его особенностью являлся высокий уровень рождаемости, брачности и разводимости (выше, чем в России и Западной Сибири в целом) и очень низкий – смертности (в 2 раза ниже, чем в среднем в стране). В условиях демографического перехода в городах нефтяного края сформировалась нуклеарная семья современного типа.

Не менее значимая работа проводилась в 1990–2000-х гг. учеными Омска и Кемерова. В 1995 г. в Омске был опубликован сборник статей «Урбанизация и культурная жизнь Сибири» [1995]. Авторы статей сосредоточили свое внимание на социально-культурном развитии сибирских городов. В этот период был написан ряд диссертаций по проблемам населения Кузбасса [Реховская, 1998; Бельков, 2007].

В трудах Л.Н. Славиной [2010, 2016], посвященных сельскому населению Восточной Сибири, немало сказано об урбанизации и ее влиянии на село, поскольку большинство сибирских горожан были выходцами из сельской местности. Миграция населения в города резко снизила численность сельских жителей, а тренд на снижение рождаемости снизил естественный прирост. Вместе с тем происходит распространение городского образа жизни в деревне, что меняет ее облик и быт. Автор приходит к выводу об отсроченном демографическом переходе.

Красноярский исследователь И.В. Копылов изучает вопросы демографического развития городского населения Красноярского края в конце 1950-х – начале 1990-х гг., что нашло отражение в его диссертации и ряде статей [Копылов, 2013, 2014, 2019, 2020]. Им проанализированы в основном данные Всесоюзных переписей.

Интерес исследователей также обращен к истории закрытых городов. В работах Г.А. Реута [2007, 2012] демографические процессы рассматриваются в ходе становления и развития города. Отмечается, что ситуация аналогична молодым городам – большая ротация населения, приток молодежи, высокая рождаемость. Однако влияние статуса закрытого административно-территориального образования на демографическую ситуацию не раскрыто.

Автором данной статьи в сотрудничестве с коллективом кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета было выполнено исследование по гранту 19-49-240002 «Население крупнейших региональных центров Восточной Сибири во 2-й половине 1950–1980-х гг.» при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки. Фокусом исследования стало население крупнейших городов региона. По полученным результатам опубликовано несколько статей и подготовлена монография [Гонина, 2021; Павлюкевич, 2021; Рябов, Сентябова и др.; 2021; Сентябова, 2021].

Большой интерес представляют работы иркутского ученого Ю.В. Черновой [2002]. Ею изучаются особенности строительства, управления и демографии молодых сибирских городов, формирующихся под влиянием индустриального развития, а также освещаются проблемы благоустройства городского населения.

С.А. Янюшкин исследует вопросы адаптации мигрантов в районах промышленного освоения. Урбанизация рассматривается им как средство привлечения и закрепления рабочих рук [Янюшкин, 2015].

Большая работа по исследованию исторической демографии городов второй половины XX в. ведется в национальном научно-исследовательском институте Хакасии и Тувинском государственном университете. Она была начата еще в 1970-е гг. и получила активное развитие в 1990-е – 2000-е гг.: это труды В.А. Кышпанакова, Н.А. Баранцевой, Е.Е. Тиниковой (Ивандаевой). Интересно, что В.А. Кышпанаков, как и В.А. Исупов, отмечает, что в городах коэффициент смертности продолжал оставаться выше, чем на селе. Эти же тренды были характерны для Сибири в целом и связаны с высокой сельско-городской миграцией, в результате которой бывшие сельские жители, заканчивая свою жизнь в городе, статистикой учитывались как городское население. Снижение рождаемости в городских поселениях на фоне снижения смертности было связано с интенсивным притоком мигрантов, формирующейся полиэтнической средой, повышением уровня санитарно-гигиенической грамотности городского населения, более активным вовлечением женщин-горожанок в производственную сферу [Кышпанаков, 1995].

Н.А. Баранцева характеризует население городских поселений юга Средней Сибири в условиях начального этапа урбанизационного перехода [2011]. Е.Е. Тиникова (Ивандаева) дает характеристику особенностей формирования городского населения Хакасии во второй половине XX в. [Ивандаева, 2009; Тиникова, 2018, 2021а, б]. Е.Е. Тиникова указывает, что демографический переход в национальных республиках Саяно-Алтая начался в 1950-е гг. Именно с этого периода фиксируется стабильное снижение смертности в регионе. Одновременно сохраняется высокая рождаемость. Большое значение имела советская индустриализация региона, в первую очередь строительство Саяно-Шушенского территориально-производственного комплекса и связанная с ним урбанизация. Региональные столицы стали центрами притяжения населения. Например, в Кызыле проживает треть всего населения республики и почти 2/3 городского населения. Это во многом определило мозаичность города. В Абакане проживает каждый третий хакас, но их доля среди горожан республики невелика.

Демографические процессы у городского населения Тывы исследовали В.И. Бойко [1981], З.В. Анайбан [2011], З.Ю. Доржу [2014]. Авторы отмечают специфику природных и исторических условий региона и их влияние на динамику населения, в том числе удаленность от основной зоны расселения, малонаселенность и слабую освоенность. Для развития городов Тывы большое значение имело индустриальное освоение региона в советский период.

В данный период выявлен резкий рост городского населения за счет естественного и механического прироста. В то же время сохранялась высокая смертность населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом в изучении демографического развития сибирских городов в Западной Сибири достигнуты значительные успехи. Разработана теоретическая база исследований, систематизированы данные за весь период по региону в целом и его отдельным территориям, выявлены региональные характеристики урбанизационного и демографического переходов. Происходит переход от обобщающих работ к узкоспециализированным исследованиям.

В Восточной Сибири историческая демография городов изучена не так плотно, как в Западной. Можно сказать, что исследование локальных процессов в этом регионе – задача сегодняшнего дня. В то же время историки юга Восточной Сибири достигли значительных успехов в раскрытии общей динамики населения и выявлении ее местной специфики. Однако локальные аспекты урбанизации, их связь с демографией остаются не выявленными.

Соединение теории модернизации с концепциями урбанистического и демографического переходов в историческом анализе в современных исследованиях позволяет получить новое знание о жизни и характеристиках населения сибирского города в позднесоветский период и специфике процессов урбанизации в целом. Основой таких исследований являются теоретические разработки С.С. Букина, Н.Я. Гущина, В.И. Исаева, В.А. Исупова, потенциал которых еще не исчерпан.

Вместе с тем некоторые методологические подходы практически не применяются. Слабо используются наработки зарубежных авторов в области изучения миграционных процессов, заболеваемости и смертности. Не получил распространения компаративный анализ, не используются возможности микроанализа. Сравнение данных по Сибири с другими регионами мира позволило бы уточнить, насколько уникальны выявленные авторами процессы. Никто из указанных авторов не использует потенциал математического моделирования. Слабо применяются цифровые технологии. В то же время пример исследований, выполненных для других исторических периодов и регионов (например, труды Б.Н. Миронова), наглядно показывает высокий потенциал этой работы. Такие проблемы, как эпидемиологический переход, миграции, образ жизни, городская среда, влияние ведомственности, межнациональные браки, требуют дальнейшего изучения.

Рассматривая городское население через статистические данные, не следует забывать об уникальности каждого города. Экономико-географические характеристики и путь исторического развития не только оказывают влияние на статус и развитие города, но и отражаются в образе жизни горожан, темпах и успехах модернизации, динамике миграционных процессов. Поэтому необходим высокий уровень микроанализа, инструменты которого еще предстоит разработать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анайбан З.В.* Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 130–150.
2. *Баранцева Н.А.* Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX в. Абакан, 2011. 206 с.
3. *Бельков А.В.* Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 188 с.
4. *Бойко В.И.* Городское население Тувинской АССР. Новосибирск: Наука, 1981. 222 с.
5. *Бужин С.С.* Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е годы). Новосибирск, 1991. 237 с.
6. *Бужин С.С.* Модернизационные процессы в Сибири и социальные трансформации населения в XX столетии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 75–79.
7. *Бужин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011. 336 с.
8. *Бурматов А.А.* Воспроизводство населения в условиях урбанизации в Западной Сибири во второй половине XX в. // ЭКО. 2018. № 7(529). С. 41–56.
9. *Бурматов А.А.* Миграция населения Западной Сибири в 1950–1970 гг.: причины и последствия // Гуманитарные науки в Сибири. 2018б. Т. 25, № 4. С. 39–45.
10. *Вишневский А.Г.* Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 17–25.
11. *Гонина Н.В.* Демографическая диалектика Красноярск в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 163–173. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-15.pdf>
12. *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018а. 368 с.
13. *Дашинамжилов О.Б.* Нетипичная модель урбанизации Западной Сибири и ее демографические последствия в 1960–1980-е гг. // ЭКО. 2018б. № 7(529). С. 23–40.
14. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.): кол. моногр. / В.А. Зверев, В.А. Исупов, Н.С. Коробейникова. Новосибирск: Апостроф, 2017. 350 с.
15. Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сборник материалов Междунар. науч. конф., Новосибирск, 31 авг. – 03 сент. 2013 г. / отв. ред.: В.А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2014. 216 с.
16. *Доржу З.Ю.* Социальное и демографическое развитие Тувы (90-е годы XX – начало XXI в.) // Журн. Сиб. федерал. ун-та. Гуманитарные науки. 2014. Т. 7, № 11. С. 1916–1926 гг.
17. *Ивандаева Е.Е.* Особенности социально-демографического развития городского населения Хакасии во второй половине XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. Барнаул: АлтГУ, 2009. № 4. С. 93–95.

18. Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток, 1946–1960 гг. / В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк [и др.]. Новосибирск, 1989. 310 с.
19. *Исаев В.И.* Формирование населения Новокузнецка в процессе советской урбанизации // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 100–119
20. *Исаев В.И.* Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17–20
21. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. 288 с.
22. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
23. *Исупов В.А.* Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории // Историческая демография. 2013. № 2(12). С. 34–36.
24. *Исупов В.А.* Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7(529). С. 7–22.
25. *Копылов И.В.* Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2013. № 4(26). С. 259–263;
26. *Копылов И.В.* Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2014. № 3(29). С. 149–153.
27. *Копылов И.В.* Демографическое развитие городского населения Красноярского края (конец 1950 – начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 2019. 20 с.
28. *Копылов И.В.* Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 164–173. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf>
29. *Корнилов Г.Е.* Городское население Западной Сибири: Рец. на кн. «Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование» // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 157–165.
30. *Кузнецова Я.А.* Особенности урбанизации и формирования городского населения в Сибири (на примере Республики Бурятия) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск, 2012. С. 473–478.
31. *Кыштанков В.А.* Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. 348 с.
32. *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. 168 с.
33. Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н.Я. Гущина и В.А. Исупова. Новосибирск, 1997. 170 с.
34. *Павлюкевич Р.В.* Динамика естественного движения населения в городских поселениях в 1957–1963 гг. // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 20–22 апр. 2021 г. Красноярск, 2021. С. 355–357.
35. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Издательство «Апельсин», 2015. Вып. IV. 387 с.
36. *Рафикова С.А.* Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск, 2019. 484 с.
37. *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. 320 с.
38. *Реут Г.А.* Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск, 2012. 423 с.
39. *Реут Г.А., Савин А.П.* Становление и развитие г. Железногорска (Красноярск – 26) как закрытого административно-территориального образования атомной промышленности (1950–1991 гг.). Красноярск, 2007. 280 с.
40. *Реховская Т.А.* Население Кузбасса в 1960–1980-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 175 с.
41. *Рябов Ю.В., Сентябова М.В., Смирнова Е.В.* Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 142–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-13.pdf>
42. *Сентябова М.В.* Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950-х–1960-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник 2021. Иркутск, 2021. С. 388–397;
43. *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2010. 450 с.
44. *Славина Л.Н.* Особенности урбанизации Красноярского края в последние десятилетия советского периода: социально-демографический аспект // Экономическое развитие Сибири: материалы Сиб. ист. форума, Красноярск, 12–13 окт. 2016 г. Красноярск, 2016. С. 197–201.
45. *Стась И.Н.* Историческая урбанистика в Сибири // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. стат. Всерос. конф. с междунар. участием, Сургут, 14 нояб. 2014 г. Сургут, 2015. С. 28–46.
46. *Стась И.Н.* Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган, 2018. 168 с.
47. *Тиникова Е.Е.* Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.
48. *Тиникова Е.Е.* Демографическая модернизация республик Саяно-Алтая: сроки, этапы, особенности // Исторический курьер. 2021а. № 4 (18). С. 186–194. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-17.pdf>
49. *Тиникова Е.Е.* Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. 2021б. Т. 14, № 2. С. 275–290.
50. *Трубина Е.Г.* Город в теории. М., 2011. 520 с.
51. Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23–25 марта 1995 г. / редкол.: Д.А. Алисов и др. Омск, 1995. 292 с.
52. Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
53. *Чернова Ю.В.* Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: ИГЭА, 2002. 255 с.
54. *Яношкин С.А.* Развитие городов как фактор адаптации населения в районах промышленного освоения Восточной Сибири в 1950–80-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 4(22). С. 140–147.
55. *Rafikova S.A.* The second Soviet legalization of abortions and its impact on reproductive behavior of Krasnodar region towns women. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2017. N 1(75). P. 172–175.

REFERENCES

- Alekseev V.V., Bukin S.S., Dolgolyuk A.A.* et al. (1989). Industrial development of Siberia: the experience of post-war five-year plans, 1946–1960. Novosibirsk, 310 p. (In Russ.)
- Alekseev V.V. (Ed.)* (1987). Urbanization of Soviet Siberia. Novosibirsk: Nauka, 224 p. (In Russ.)
- Alisov D.A. (Ed.)* (1995). Urbanization and cultural life of Siberia. Omsk, 292 p. (In Russ.)
- Anaiban Z.V.* (2011). Characteristics of ethnodemographic processes of Tuva in the Soviet period. *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 2/3, pp. 130–150. (In Russ.)
- Barantseva N.A.* (2011). Ethnosocial and ethnodemographic processes in the south of Central Siberia in the late XIX – late XX century. Abakan, 206 p. (In Russ.)

6. Belkov A.V. (2007). Urban population of Kuzbass in the 1920s – early XXI century: diss. theses. Kemerovo, 188 p. (In Russ.)
7. Boyko V.I. (1981). Urban population of Tuva ASSR. Novosibirsk: Nauka, 222 p. (In Russ.)
8. Bukin S.S. (1991). Experience of social and everyday development of Siberian cities (the second half of the 1940s – 1950s). Novosibirsk, 237 p. (In Russ.)
9. Bukin S.S. (2012). Modernization processes in Siberia and social transformations of the population in the XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 75–79. (In Russ.)
10. Bukin S.S., Dolgolyuk A.A., Isaev V.I., Timoshenko A.I. (2011). Formation of an industrial-urbanistic society in the Ural-Siberian region. Novosibirsk, 336 p. (In Russ.)
11. Burmatov A.A. (2018a). Reproduction of the population under conditions of West Siberia urbanization in the second half of the XX century. *EKO*, no. 7, pp. 41–56. (In Russ.)
12. Burmatov A.A. (2018b). Migration of the population of West Siberia in 1950s–1970s: causes and consequences. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 25, no. 4, pp. 39–45. (In Russ.)
13. Chernova Yu.V. (2002). New cities of the Irkutsk region (1950–1980). Historical research: diss. theses. Irkutsk, IGEA, 255 p. (In Russ.)
14. Dashinamzhilov O.B. (2018a). The urban population of West Siberia in the 1960s–1980s: a historical and demographic study. Novosibirsk, 368 p. (In Russ.)
15. Dashinamzhilov O.B. (2018b). Atypical model of urbanization of West Siberia and its demographic consequences in the 1960s–1980s. *EKO*, no. 7, pp. 23–40. (In Russ.)
16. Dorzhu Z.Yu. (2014). Social and demographic development of Tuva (in the 1990s – early XXI century). *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*, vol. 7, no. 11, pp. 1916–1926. (In Russ.)
17. Gonina N.V. (2021). Demographic dialectics of Krasnoyarsk in the 1960s. *Istoricheskiy kur'er*, no. 4(18), pp. 163–173 [Available online]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-15.pdf>. (In Russ.)
18. Gushchin N.Ya. (Ed.) (1997). The population of West Siberia in the XX century. Novosibirsk, 170 p. (In Russ.)
19. Isaev V.I. (2009). Forming Novokuznetsk population in the process of Soviet urbanization. In: *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organizatsiy po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v XX – nachale XXI vv.* Novosibirsk, pp. 100–119. (In Russ.)
20. Isaev V.I. (2010). Problems of studying the history of the industrial and urban society formation in Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 17–20. (In Russ.)
21. Isupov V.A. (1991). Urban population of Siberia: from catastrophe to rebirth (late 1930s – late 1950s). Novosibirsk, 288 p. (In Russ.)
22. Isupov V.A. (2000). Demographic catastrophes and crises of Russia in the first half of the XX century. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 244 p. (In Russ.)
23. Isupov V.A. (2013). Demographic modernization of Siberia: paradoxes of history. *Istoricheskaya demografiya*, no. 2, pp. 34–36. (In Russ.)
24. Isupov V.A. (Ed.) (2015). Problems of historical demography of Siberia: collection of scientific papers. Issue IV. Novosibirsk: Apel'sin, 387 p. (In Russ.)
25. Isupov V.A. (Ed.) (2017). Demographic history of West Siberia (the late XIX–XX century.). Novosibirsk: Apostrophe, 350 p. (In Russ.)
26. Isupov V.A. (2018). Urbanization of West Siberia: a historian's view. *EKO*, no. 7, pp. 7–22. (In Russ.)
27. Ivandaeva E.E. (2009). Features of socio-demographic development of the urban population of Khakassia in the second half of the XX century. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 93–95. (In Russ.)
28. Kopylov I.V. (2013). Aging of the urban population of the Krasnoyarsk Territory in the mirror of the formed industrialization (1960–1980s). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, no. 4, pp. 259–263. (In Russ.)
29. Kopylov I.V. (2014). Demographic policy in the Krasnoyarsk Territory in the 1960s – 1980s. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, no. 3, pp. 149–153. (In Russ.)
30. Kopylov I.V. (2019). Demographic development of the urban population of Krasnoyarsk Territory (late 1950 – early 1990's): diss. abstr. Novosibirsk, 20 p. (In Russ.)
31. Kopylov I.V. (2020). The influence of migration on the birth rate of the urban population of the Krasnoyarsk Region in the 1960s–1980s. *Istoricheskiy kur'er*, no. 4, pp. 164–173. [Available online]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf>. (In Russ.)
32. Kornilov G.E. (2019). Urban population of West Siberia. Review of the book “The urban population of West Siberia in the 1960s–1980s: a historical and demographic study”. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 3, pp. 157–165. (In Russ.)
33. Kuznetsova Ya.A. (2012). Features of urbanization and formation of urban population in Siberia (by the example of the Republic of Buryatia). In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2012*. Irkutsk, pp. 473–478. (In Russ.)
34. Kysphanakov V.A. (1995). Population of Khakassia: 1917–1990. Abakan, 348 p. (In Russ.)
35. Lamin V.A. (Ed.) (2014). Demographic space of Asia: history, modernity, hypotheses of the future: proceedings of the International Scientific Conference, Novosibirsk, August 31 – September 03, 2013. Novosibirsk: Parallel, 216 p. (In Russ.)
36. Moskovsky A.S., Isupov V.A. (1984). Formation of the urban population of Siberia (1926–1939). Novosibirsk, 168 p. (In Russ.)
37. Pavlyukevich R.V. (2021). Dynamics of natural population movement in urban settlements in 1957–1963. In: *Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 20–22 aprelya 2021 g.* Krasnoyarsk, pp. 355–357. (In Russ.)
38. Rafikova S.A. The second Soviet legalization of abortions and its impact on reproductive behavior of Krasnodar region towns women. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 1(75), pp. 172–175.
39. Rafikova S.A. (2019). The living history of everyday life: Siberian townspeople in the 1960s. Krasnoyarsk, 484 p. (In Russ.)
40. Rekhovskaya T.A. (1998). The population of Kuzbass in the 1960s–1980s: diss. theses. Kemerovo, 175 p. (In Russ.)
41. Repina L.P. (2009). “New historical science” and social history. Moscow, 320 p. (In Russ.)
42. Reut G.A. (2012). Closed administrative-territorial formations of Siberia: socialism behind barbed wire. Krasnoyarsk, 423 p. (In Russ.)
43. Reut G.A., Savin A.P. (2007). Formation and development of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk 26) as a closed administrative-territorial entity of the atomic industry (1950–1991). Krasnoyarsk, 280 p. (In Russ.)
44. Ryabov Yu.V., Sentyabova M.V., Smirnova E.V. (2021). Infant and child mortality in Krasnoyarsk (1959–1965). *Istoricheskiy kur'er*, no. 4, pp. 142–153 [Available online]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-13.pdf>. (In Russ.)
45. Sentyabova M.V. (2021). Dynamics of morbidity and work in the field of child health in Krasnoyarsk in the 1950s – 1960s. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. 2021. Irkutsk, pp. 388–397. (In Russ.)
46. Slavina L.N. (2010). Rural population of Eastern Siberia (1960–1980s): diss. theses. Novosibirsk, 450 p. (In Russ.)
47. Slavina L.N. (2016). Features of the urbanization of the Krasnoyarsk Territory in the last decades of the Soviet period: socio-demographic aspect. In: *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri: materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma, Krasnoyarsk, 12–13 oktyabrya 2016 g.* Krasnoyarsk, pp. 197–201. (In Russ.)

48. Stas I.N. (2014). Historical urbanism in Siberia. In: *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda: sbornik nauchnykh statey Vserossiiskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Surgut, 14 noyabrya 2014 g.* Surgut, pp. 28–46. (In Russ.)
49. Stas I.N. (2018). Becoming a citizen: urbanization and population in the oil region (1960s – early 1990s). Kurgan, 168 p. (In Russ.)
50. Timikova E.E. (2018). Transformation of urban settlement in the national republics of Southern Siberia in the mid XX – early XXI centuries. *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 4, p. 235–257. (In Russ.)
51. Timikova E.E. (2021a). Demographic modernization of the Altai-Sayan Republics: terms, stages, features. *Istoricheskiy kur'er*, no. 4, pp. 186–194 [Available online]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-17.pdf>. (In Russ.)
52. Timikova E.E. (2021b). Urbanization of the national republics of Altai-Sayan through the prism of modernization theory. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 2, pp. 275–290. (In Russ.)
53. Trubina E.G. (2011). *City in theory*. Moscow, 520 p. (In Russ.)
54. Vishnevsky A.G. (2004). Modernization and countermodernization: who will take it? Social sciences and modernity. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 17–25. (In Russ.)
55. Yanushkin S.A. (2015). Urban development as a factor of adaptation of the population in the areas of industrial development of Eastern Siberia in the 1950s–80s. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 4(22), pp. 140–147. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2021

Дата рецензирования 24.02.2022

Статья принята к публикации 16.03.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20220214
УДК 001.32(470)"2022"

Б.В. БАЗАРОВ, А.М. ПЛЕХАНОВА, Е.В. НОЛЕВ

ВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ИНСТИТУТА МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В статье освещаются основные этапы и достижения 100-летнего исторического пути Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Институт ведет свою историю с Бурят-Монгольского ученого комитета (Буручком) – первого в истории Бурятии научно-исследовательского учреждения, основанного 1 июля 1922 г. Сегодня ИМБТ СО РАН является уникальным научным учреждением на востоке России, осуществляющим многоплановые исследования в области истории и культуры народов Центральной и Восточной Азии. В фокусе особого внимания – комплексное изучение проблем монголоведения, буддологии и тибетологии, закономерностей социально-экономического, политического, исторического и культурного развития монголоязычных народов России и стран Центральной Азии. Разработки коллектива по научному освоению востоковедного пространства способствуют позитивному диалогу Запада и Востока, а институт уверенно смотрит в будущее.

Ключевые слова: монголоведение, буддология, тибетология, Сибирское отделение Российской академии наук.

B.V. BAZAROV, A.M. PLEKHANOVA, E.V. NOLEV

CENTENNIAL ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE FOR MONGOLIAN, BUDDHIST AND TIBETAN STUDIES OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The article highlights the main stages and achievements of the 100-year historical path of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The Institute traces its history back to the Buryat-Mongolian Academic Committee (Buruchkom) – the first research institution in the history of the Buryatia, which was founded on July 1, 1922. Today IMBT SB RAS is a

---

Борис Ванданович Базаров – академик РАН, д-р ист. наук, профессор, директор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: bazarov60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-1317>.

Анна Максимовна Плеханова – д-р ист. наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: plehanova.am@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6573-4262>.

Евгений Владимирович Нолев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: nolev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7756-7791>.

Boris V. Bazarov – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Anna M. Plekhanova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Evgenii V. Nolev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.

unique academic institution in the East of Russia which carries out multidimensional research projects in the field of history and culture of the peoples of Central and East Asia. Specifically, it focuses on a comprehensive study of the problems of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, patterns of socio-economic, political, historical and cultural development of the Mongolianspeaking peoples of Russia and Central Asia. The results aimed at academic development of the Oriental space contribute to developing a positive dialogue between the West and the East, while the Institute itself looks ahead with confidence.

Key words: *Mongolian studies, Buddhist studies, Tibetan studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.*

1 июля 2022 г. исполняется 100 лет старейшему научному учреждению в Республике Бурятия, одному из ведущих центров востоковедных исследований международного уровня – Институту монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

История института началась 1 июля 1922 г., когда на заседании объединенной конференции по культурным делам представителей Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР, проходившей в с. Додо-Анинское Хоринского аймака, было принято решение о создании Временного ученого комитета, который, по словам известного ученого Ц.Ж. Жамцарано, должен стать «тем ядром, которое в дальнейшем, быть может, разовьется в Бурятскую академию наук». Председателем комитета был избран выдающийся российский востоковед Б.Б. Барадин. В соответствии с принятым 19 апреля 1923 г. Положением (Уставом), Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком) объявлялся «высшим ученым учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов для выполнения научно-теоретических работ в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительных задач бурят-монгольского народа». Ключевыми задачами были определены изучение национальной культуры, языка, литературы и истории.

Дальнейшая история Буручкама – первой научной организации в Бурятии, заложившей основу для будущего развития академической науки в регионе, была сопряжена с неоднократными переименованиями и реорганизациями. В 1923 г. Буручком вошел в состав Наркомата просвещения республики, а спустя два года стал самостоятельным научно-исследовательским учреждением в составе Бурят-Монгольского Центрального исполнительного комитета. В мае 1929 г. Буручком был переименован в Государственный институт культуры (ГИК) БМАССР. Реорганизация 1936 г. привела к появлению Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории (БМГИЯЛИ). Дальнейшее расширение спектра исследовательских направлений нашло отражение в изменении названия института в период Великой Отечественной войны: в 1944 г. Был создан Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (БМНИИКЭ) с подчинением Совету народных комиссаров БМАССР. В 1949 г. в связи с организацией в Иркутске годом

ранее Восточно-Сибирского филиала АН СССР, перед которым была поставлена задача изучения природных богатств и перспектив развития экономики Восточной Сибири, в том числе Бурятии, институт был реорганизован в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (БМНИИК).

Новый этап в развитии института связан с образованием в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР. Уже в 1958 г. на базе БМНИИК был создан Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (БКНИИ СО РАН), в котором традиционные гуманитарные подразделения соседствовали с естественнонаучными отделами. В 1966 г. БКНИИ СО АН СССР был преобразован в Бурятский филиал СО АН СССР в составе двух крупных подразделений – Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН БФ СО АН СССР) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН СО АН СССР). В 1988 г. Бурятский филиал СО АН СССР был преобразован в Бурятский научный центр СО АН СССР, а в 1991 г. БИОН СО АН СССР стал Бурятским институтом общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук.

В 1997 г. институт получил свое современное название – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, под которым в течение последних 25 лет приобрел широкую известность в научном мире, и не только. Инициатива переименования института принадлежала выдающимся ученым России – академикам РАН Н.Л. Добрецову, А.П. Деревянко, В.И. Молодину и Н.Н. Покровскому. Именно в эти годы был поставлен вопрос о развитии в сибирских институтах исследований международного уровня. Так у Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН определились новые задачи, обусловленные изучением закономерностей социально-экономического и межкультурного взаимодействия народов Внутренней Азии.

Среди сотрудников института, которые внесли огромный яркий вклад в развитие гуманитарных и междисциплинарных исследований и составляют золотой фонд российской науки, следует назвать: Б.Б. Барадина, Ц.Ж. Жамцарано, Г.Ц. Цыбикова, Е.М. Залкина, Б.В. Семичова, Г.Н. Румянцева, Л.Е. Элиасова, В.Ц. Найдакова, А.Б. Соктоева, В.И. Рассадина, Ф.А. Кудрявцева, К.М. Герасимову, Р.Е. Пубаева, П.Б. Балданжапова, Д.Д. Лубсанова,

П.Т. Хаптаева, И.А. Асалханова, Г.Л. Санжиева, Т.М. Михайлова, Г.Д. Санжеева, К.М. Черемисова, И.Д. Бураева, Л.Д. Шагдарова, М.П. Хомонова, А.И. Уланова, Е.В. Баранникову, М.И. Тулохонова, Ш.Б. Чимитдоржиева и многих других выдающихся ученых. Сегодня в России и за рубежом институт известен благодаря исследованиям П.Б. Коновалова, Ц.П. Ванчиковой, Б.В. Базарова, Л.Л. Абаевой, С.Ю. Лепехова, Л.Е. Янгутова, М.Н. Балдано, Г.А. Дырхеевой, Л.С. Дампиловой, Л.В. Кураса, С.Г. Жамбаловой и др.

За сто лет проведено более 350 экспедиций в регионах России, Монголии и КНР, в том числе 26 многолетних; различными научными фондами поддержано 300 грантовых проектов ученых ИМБТ СО РАН; организовано более 300 научных конференций, треть из которых имела международный формат; в диссертационных советах института состоялись защиты 244 диссертаций по филологическим наукам, в том числе 38 докторских, и 251 – по историческим наукам, в том числе 53 докторских.

Сегодня институт занимается изучением ключевых проблем Внутренней Азии в диалоге цивилизаций «Восток–Запад», касающихся социально-экономического и межкультурного взаимодействия народов, государств и обществ Азии. Проводятся исследования в соответствии с фундаментальными направлениями гуманитарного знания, связанными с долгосрочной стратегией сосуществования народов, взаимодействия этносов и культур в полиэтничных регионах трансграничья России, Монголии и Китая. Как и прежде, огромный интерес представляет изучение истории и культуры народов Байкальского региона, совместно проживающих в течение нескольких столетий, сохраняющих многовековые ценности и традиции. В настоящее время к числу приоритетных исследовательских задач относятся дальнейший анализ региональных социально-экономических, политических и культурных процессов, всестороннее изучение межрегионального взаимодействия и взаимовлияния культур региона и сопредельных территорий, по отношению к которым Байкальская Азия выступает в качестве трансконтинентального перекрестка. Сотрудники института принимают участие в разработке законопроектов и государственных программ в соответствии с профилем научного учреждения, осуществляют экспертную работу по инвестиционным проектам из Восточной Азии (Китай, Монголии, Южной Кореи).

Структура института в настоящее время включает отдел истории, этнологии и социологии; отдел истории и культуры Центральной Азии; отдел философии, культурологии и религиоведения; отдел литературоведения и фольклористики; отдел языковедения; центр восточных рукописей и киелогографов; ла-

бораторию археологии, этнологии и антропологии; лабораторию «Центр переводов с восточных языков», а также научно-организационный отдел и отдел аспирантуры. Кадровый состав института – 128 чел., из которых 102 научных сотрудника, в том числе 1 академик РАН, 32 доктора и 54 кандидата наук. В институте работают диссертационный совет (24.1.083.01) по историческим наукам, рассматривающий диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук по трем специальностям: 5.6.1 – отечественная история; 5.6.2 – всеобщая история; 5.6.5. – историография, источниковедение и методы исторического исследования; активно действуют профсоюз и Совет молодых ученых.

Развивая академическую науку в Бурятии, институт в разное время поддерживал и поддерживает деятельность значимых общественных научных объединений в регионе: Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, Бурятского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедения, Общества востоковедов России, Российского общества монголоведов, Ассоциации молодых историков, общественно-научного центра «Сибирь», Региональной общественной организации «Совет молодых ученых Республики Бурятия». В 2015 г. на базе ИМБТ СО РАН создано региональное отделение Российского исторического общества в Республике Бурятия.

Сегодня институт признан мировым научным сообществом как крупный международный научный центр, представляющий российское востоковедение в условиях геополитического взаимодействия России с Центральной и Восточной Азией. С 2014 г. в сотрудничестве с монгольскими коллегами ученые института реализуют крупный источниковедческий проект по переводу и изучению многотомного исторического источника «Правдивые записи о монголах Цинской империи», позволяющего по-новому взглянуть на переломные моменты и ключевые события в истории Внутренней Азии. В 2017 г. проект института «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» под руководством академика РАН Н.Н. Крадина и академика РАН Б.В. Базарова стал победителем конкурса мегагрантов Правительства Российской Федерации. В марте 2022 г. в ежегодном докладе Президента Российской академии наук, академика РАН А.М. Сергеева Президенту Российской Федерации В.В. Путину совместный проект ИМБТ СО РАН, Сибирского отделения РАН, Высшего колледжа информатики Новосибирского государственного университета и Центра искусственного интеллекта компании МТС по дешифровке тибетских рукописей был представлен в качестве одного из пяти важнейших достижений российской науки в 2021 г.

История института не раз становилась предметом научных исследований, отраженных в моногра-

фических изданиях, сборниках статей и публикациях в научных журналах. К юбилею института опубликовано издание «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет» в трех томах: это коллективная монография «От Буручкома к ИМБТ СО РАН» [Институт монголоведения... Т. I, 2022] и два научно-справочных издания «Наука в лицах и событиях» [Институт монголоведения... Т. II, 2022], а также «Результаты научной деятельности: первые сто лет» [Институт монголоведения...Т. III, 2022]. С 30 июня по 2 июля 2022 г. на базе института пройдет международная научная конференция «Мир Центральной Азии – V», посвященная столетию ИМБТ СО РАН.

Осмысление пройденного пути помогает коллективу института уверенно строить стратегии и планы будущих исследований в твердом убеждении, что мы прошли только первые 100 лет.

Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Гуманитарные науки в Сибири» поздравляют Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук со славным юбилеем и желают дальнейшего процветания, высоких научных

достижений, реализации новых стратегий развития на благо российской и мировой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет: кол. моногр. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2022. Т. I. От Буручкома к ИМБТ СО РАН. 308 с.
2. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2022. Т. II. Наука в лицах и событиях: науч.-справ. изд. 392 с.
3. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2022. Т. III. Результаты научной деятельности: первые сто лет: науч.-справ. изд. 340 с.

REFERENCES

1. Bazarov B.V. (Ed.) (2022). The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Science: 100th anniversary. Vol. 1. From Buruchkom to IMBT SB RAS, 308 p. (In Russ.)
2. Bazarov B.V. (Ed.) (2022). The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Science: 100th anniversary. Vol. 2: Science in persons and events, 392 p. (In Russ.)
3. Bazarov B.V. (Ed.) (2022). The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Science: 100th anniversary. Vol. 3: Results of scientific activity: the first hundred years. 340 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.05.2022

Дата рецензирования 03.06.2022

Статья принята к публикации 08.06.2022

DOI: 10.15372/HSS20220215

УДК 94(571)17/19"

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: БУШУЕВА Е.С.
НАСЛЕДИЕ НЕРЧИНСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ:
ПРИХОДСКОЙ ХРАМ И ЕГО НАСТОЯТЕЛИ 1775–1930 гг.
(к 300-летию основания монастыря) / Науч. ред. П.А. Новиков.
Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. 319 с., ил.**

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Монография Е.С. Бушуевой посвящена особенностям и истокам архитектуры Успенской церкви Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря, а также судьбам людей, связанных с его деятельностью. Источниками для монографии стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Забайкальского края и Национальном архиве Республики Бурятия. Внимательное отношение автора к архивным материалам, адекватная их трактовка позволили поставить единичное в контекст культуры, выявить общее и особенное. Результаты исследования говорят об ошибочности мнения о провинциальной заброшенности сибирских областей. Многие из них в свое историческое время были форпостами на путях развития и продвижения России, здесь находили воплощение современные идеи архитектуры и искусства, возводились значимые сооружения. Рецензируемая книга является важным вкладом в изучение религиозной жизни Сибири.

Ключевые слова: архитектура, Успенская церковь, Нерчинский Свято-Успенский мужской монастырь, Нерчинск, религиозная жизнь Сибири.

A.Y. MAINICHEVA

**BOOK REVIEW: BUSHUEVA E.S.
THE LEGACY OF THE NERCHINSK HOLY DORMITION MONASTERY:
THE PARISH CHURCH AND ITS ABBOTS 1775–1930.
(to the 300th anniversary of the monastery foundation) / Ed. by P.A. Novikov. –
Irkutsk: IGU, 2016. 319 p., ill.**

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Ac. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The monograph by E.S. Bushueva is devoted to the architecture peculiarities and origin of the Assumption Church of the Holy assumption Monastery, as well as the fate of people related to its activities. The monograph sources were documents deposited in the State Archives of the Trans-Baikal Region and National Archives of the Republic of Buryatia. The author's attentive attitude to archival materials, their adequate interpretation made it possible to place the singular in the context of culture, to identify the general and the special. The research results indicate the fallacy of the view on the provincial abandonment of Siberian regions. In their historical period, many of them were outposts on the paths of development and advancement of Russia, modern ideas of architecture and art were embodied there, culturally significant buildings were created. The book, full of historical facts, evidence-based arguments, and the author's reasoning, has become an important contribution to studying the religious life of Siberia.

Key words: architecture, Assumption Church, Nerchinsk Holy Assumption Monastery, Nerchinsk, religious life in Siberia.

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: ann-maini@gmail.com, <https://orcid.org/0002-0784-4252>.

Anna Y. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

Монография Е.С. Бушуевой посвящена, казалось бы, частным вопросам религиозной жизни сибирской провинции: в центре внимания исследовательницы один приходской храм и его причт. Вместе с тем автору удалось осветить особенности и истоки архитектуры Успенской церкви Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря, судьбы людей, вписав их в широкую историческую канву. Основными источниками для монографии стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Забайкальского края и Национальном архиве Республики Бурятия.

После заключения первого русско-китайского мирного договора 1689 г. были созданы благоприятные условия для развития торговых отношений между Россией и Китаем. Очень быстро г. Нерчинск приобрел статус главного перевалочного пункта торговли с Цинской империей. В начале XVIII в. он стал одним из крупнейших городов, расположенных за Байкалом. Нерчинск являлся, по сути, приграничной торговой базой для купечества. В городе началось каменное строительство. Первым крупным зданием из «камня» стала пятиглавая Успенская церковь Нерчинского монастыря, которую возвели в 1712 г.

Нерчинский Свято-Успенский мужской монастырь, основанный в 1706 г. по указу Петра I, сыграл значительную роль в становлении православия и духовном освоении сибирских территорий. Он был самым удаленным от столицы монастырем, служившим делу распространения православных догматов, прибежищем и утешением прихожан. В 1773 г. монастырь был упразднен по реформе секуляризации монастырских владений и имущества, но его Успенская церковь продолжала жить, став приходским храмом.

В книге – две главы, основной текст предваряется введением, главные выводы содержатся в заключении, исследование сопровождается научно-понятийным аппаратом, библиографией. Тексту сопутствуют иллюстрации, таблицы, графики, списки и перечни.

Глава 1 посвящена истории и архитектуре каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря. Автор последовательно и доказательно идентифицирует архитектурный стиль здания, показывает его особенности, связи с другими церковными постройками сибирского региона. Аналогами архитектуры Успенской церкви выступают Верхотурский Троицкий и Иркутский Богоявленский соборы. Все три храма связывают не только работа мастеров одной артели, но и один образец, использованный уставщиком Василием Горяевым при сооружении восьмигранных шатровых колоколен – Никольская церковь в с. Ныроб. Успенский храм оказал значительное влияние на развитие архитектуры региона, что улавливается в принципах построения Нерчинской соборной Троицкой церкви, Курлычен-

ской Спасской и Читинской Михайло-Архангельской церквей.

На основе документальных данных подробно и точно реконструируется интерьер церкви, что является редкостью для исследований, посвященных сибирским храмовым сооружениям. Много внимания уделено чинам иконостаса, восстановлен состав утраченного иконостаса начала XVIII в. Создатели пятиярусного иконостаса строго следовали традиции: он был установлен в восточной части церкви и состоял из местного чина с царскими вратами и «деисус в четыре става». Образ Успения Пресвятой Богородицы имел отделку из драгоценных металлов, жемчуга, парчи. Венцы Богоматери и Спасителя были выполнены из серебра, душа Пречистой Девы – в виде спеленатого младенца «чеканной работы под золотом», ее одежда была усыпана аквамаринами, сердоликами, аметистами, турмалинами, шерлами, топазами и другими самоцветами. На прикладе размещались серьги серебряные и «подвесы» из китайского жемчуга. Под иконой располагалась пелена из камки с вышивкой золотыми нитями, украшенная шелковыми кистями. Другие иконы имели богатое золочение, бархатные пелены с кистями. Церковь освещалась многочисленными лампадами со свечами, в стенах были устроены слюдяные оконца со вставками из белого железа. Изобилие редких иностранных и местных товаров позволило создать пышное убранство внутреннего пространства церкви, резко контрастирующего с аскезой ее внешнего облика, что отвечает мировоззренческим установкам православия, утверждающего первенство внутренней красоты человека перед внешней.

Не лишней в контексте описаний церковного интерьера кажется реконструкция церемониального облачения священнослужителей Успенской церкви, которое дополняет образ обстановки и визуального ряда во время служб. Пышность и богатство церкви подчеркивались игрой красок дорогих восточных тканей риз, декорированных жемчугом, самоцветами, европейскими серебряными и золотыми кружевами.

Уместно в главе жизнеописание устроителя Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря – игумена Панкратия, в миру казака Никиты Титова сына Варламовых, что позволяет полнее раскрыть историю строительства обители. В возрасте около 70 лет Никита Варламовых начал хлопотать об учреждении монастыря, после строительства которого многие из его воинских товарищей в старости получили кров и заботу. За годы его служения настоятелем обитель достигла своего расцвета, обустроилась зданиями различного назначения.

Глава 2 полностью посвящена судьбам священно- и церковнослужителей Успенской церкви в 1775–1930 гг.: настоятеля И.И. Титова в 1775–1784 гг.,

представителей рода Стуковых (1793–1863 гг.), Д.И. Солнцева (1863–1874 гг.), протоиерея И.Г. Знаменского (1874–1910 гг.), настоятелей Я.И. и Н.И. Знаменских (1910–1930 гг.). Автор не обошла вниманием тему священнослужителей, ошибочно причисленных к настоятелям церкви, например, свщмуч. С.И. Знаменского, приведя весомые доказательства и неизвестные ранее факты из его судьбы. Обращение к многочисленным документам, кропотливая работа в архивах стали основой подробных жизнеописаний служителей церкви, членов их семей и потомков, составлены генеалогические древа.

Тщательное изучение архивных материалов позволило автору раскрыть особенности архитектуры Успенской церкви, стилистически связать ее с Верхотурским Свято-Троицким и Иркутским Богоявленским соборами, установить имя зодчего, возглавившего ее строительство – «подмастерья каменных дел», выходца из Ярославля Василия Горяева, а так-

же представить обширные сведения о клире церкви. О чем бы ни писала автор (о внешнем или внутреннем облике церкви, подробностях убранства, о судьбах людей), за деталями она не забывает о необходимости связать материальную сторону с мировоззренческими установками, содержанием священных книг православия, что является методически выверенным приемом, позволяет вписать единичное в общий контекст культуры, выявить общее и особенное. Результаты выполненного исследования опровергают мнение о всегдашней провинциальной заброшенности сибирских областей. Напротив, многие из них являлись форпостами на путях развития и продвижения идеи архитектуры и искусства, были созданы ценные в культурном отношении сооружения. Насыщенная историческими фактами, доказательными аргументами, рассуждениями автора книга вносит важный вклад в изучение религиозной жизни Сибири.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

Дата рецензирования 16.03.2022

Статья принята к публикации 04.04.2022

DOI: 10.15372/HSS20220116

УДК 94(471+571)“199”

¹Н.А. КУПЕРШТОХ, ²И.Н. ЦЕНЮГА

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: СЛАВИНА Л.Н. ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.
ЧАСТЬ 1: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(1990-е гг.): УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. КРАСНОЯРСК, 2021. 256 с.**

¹Институт истории СО РАН,

РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

²Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

РФ, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

Рецензируемое учебное пособие посвящено истории самого сложного периода постсоветской России – 90-х гг. XX столетия. В рецензии отмечается актуальность учебного пособия, подготовленного известным российским историком, профессором Л.Н. Славиной. Отмечается, что в учебнике дан анализ трансформаций всех сфер общественно-политической и социокультурной жизни Российской Федерации. Учебник востребован историческими факультетами российских вузов, поскольку дает основные ответы на самые острые вопросы новейшей истории России.

Ключевые слова: Российская Федерация, история, 1990-е гг.

¹N.A. KUPERSHTOKH, ²I.N. TSENYGA

**BOOK REVIEW: SLAVINA L.N. HISTORY OF MODERN RUSSIA.
PART 1. THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE RADICAL TRANSFORMATION PERIOD
(1990s): A TEACHING AID. KRASNOYARSK, 2021. 256 p.**

Institute of History SB RAS,

8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University,

89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

The textbook under review is devoted to the history of the most difficult period of post-Soviet Russia – the 1990s. The review notes the relevance of the textbook prepared by the famous Russian historian Professor L.N. Slavina. It's marked that the tutorial provides an analysis of transformations of all spheres of the socio-political and socio-cultural life of the Russian Federation. The textbook is in demand by historical faculties of Russian universities, as it gives basic answers to the most pressing questions of Russia's recent history.

Key words: Russian Federation, history, 1990s.

ВВЕДЕНИЕ

Учебник для бакалавров по истории постсоветской России написала д-р ист. наук, профессор Людмила Николаевна Славина. Она – выпускница Мос-

ковского историко-архивного института. Вместе с мужем – физиком В.С. Славиным – приехала в 1970-е гг. в новосибирский Академгородок, окончила аспирантуру Института истории, филологии и философии

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>

Ирина Николаевна Ценюга – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, email: irina.tsenyuga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7712-2071>

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Irina N. Tsenyuga – Candidate of Historical Sciences, associate professor, head Department of National History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

СО АН СССР. Спустя несколько лет вслед за мужем поехала развивать науку в Красноярск. И кандидатскую, и докторскую диссертации Л.Н. Славина защитила в Институте истории СО РАН. В настоящее время профессор Л.Н. Славина – известный ученый-демограф, ее перу принадлежат несколько монографий. Результаты ее многолетней преподавательской деятельности в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева демонстрируют ее ученики, среди которых немало талантливых исследователей, защитивших кандидатские диссертации.

Поскольку глобальным трендом современной России провозглашена интеграция науки и образования, ученым академических учреждений и вузов требуется понимание того, какие процессы происходят в научно-образовательном сообществе страны. Одним из актуальных направлений образовательного процесса является подготовка учебников, адекватно отражающих реалии постсоветской России. В работе над ними задействованы целые коллективы, куда входят представители научно-исследовательских институтов и вузов. Достоинства и недостатки учебных пособий, отражающие историю постсоветской России, постоянно обсуждаются в социуме. Нехватка актуальных учебников по новейшей истории России привела к тому, что преподаватели вузов в ряде случаев самостоятельно готовят и издают учебные пособия. Мы сосредоточимся на учебном пособии для бакалавров педагогических вузов, изданном профессором Л.Н. Славиной. Даже при беглом просмотре книги становится понятным, что автором представлен системный анализ становления новой России в 1990-е гг., охватывающий все сферы российского общества и государства.

Автор учебника поставила цель: при помощи системного подхода к трактовке недавнего прошлого сформировать у студентов четкую гражданскую позицию. Студентам как гражданам своей страны необходимо владеть широким набором представлений о современном обществе для активного межкультурного и межцивилизационного взаимодействия. Следует отметить, что Л.Н. Славина в течение ряда лет апробировала свое учебное пособие на историческом факультете Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. В процессе изучения курса студенты писали рецензии как на каждую главу (тему), так и на пособие в целом. Их замечания и пожелания, насколько возможно, были учтены автором.

Материал книги четко структурирован. Издание состоит из предисловия, девяти глав, заключения, разделов «Даты основных событий» и «Высшая государственная власть РФ», Списка литературы и источников.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В главе 1 «Внешняя политика России» дан анализ новой геополитической ситуации в постсоветский период. Автором показаны глобальные геополитические изменения в мире в результате распада социалистической системы. Формирование концепции самостоятельной внешней политики России происходило не без трудностей, но удалось добиться главного: подтверждения своего статуса правопреемника СССР, ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Л.Н. Славина предпринимает попытку проанализировать, почему надежды РФ получить на свои инициативы зеркальные ответы Запада не оправдались. После ликвидации Организации Варшавского договора НАТО и не думает менять свой статус, более того, активно приглашает в свой состав бывшие социалистические страны Европы. США отказывались признать постсоветское пространство зоной приоритетных интересов России, чего она упорно добивалась. Новая модель организации – Содружество Независимых Государств (СНГ) – могла бы стать (но не стала) механизмом поиска совместных решений проблем для бывших советских республик. Автор анализирует отношения России также со странами Азии, Африки и Латинской Америки, которые были полны противоречий и имели отдельные успехи лишь по некоторым направлениям сотрудничества.

В главе 2 «Формирование новой государственности. Общественно-политическая жизнь» характеризуется система политической власти и управления постсоветской России. Формирование современной российской государственности началось в рамках СССР, когда летом 1990 г. состоялся I Съезд народных депутатов РСФСР, принявший Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Автор подчеркивает, что взгляды российской и союзной властей на будущее страны принципиально различались. Союзная власть выступала за сохранение СССР как единого государства, российская во главе с Б.Н. Ельциным – за либеральную трансформацию России и развитие ее в рамках конфедерации республик. В ноябре 1991 г. в РСФСР было сформировано «правительство реформ», которое возглавил Б.Н. Ельцин. С 25 декабря 1991 г. РСФСР стала называться Российской Федерацией.

Автор рисует картину острого противостояния исполнительной и законодательной властей РФ, приведшего к углублению конституционного кризиса в 1992–1993 гг., разрешившегося силовым путем. Некоторое время жизнь страны регулировали указы президента РФ Б.Н. Ельцина. 12 декабря 1993 г. состоялось всероссийское голосование по проекту но-

вой Конституции. Первая постсоветская Конституция наделила президента широкими полномочиями. В результате анализа становления властных институтов России делается вывод, что Конституция 1993 г. положила начало новому этапу в развитии российской государственности. В 1994–1995 гг. в России сформировалась политическая система, характерная для демократий западного типа, хотя спектр партий и движений был не вполне адекватен российским реалиям.

В главе 3 «“Прыжок в капитализм”. Экономические преобразования» автором учебника раскрывается противоречивость экономической политики постсоветской России. Осенью 1991 г. внимание руководства сосредоточилось на двух задачах: остановить падение экономики и модернизировать ее с целью преодолеть отставание от стран Запада. Программа Е. Гайдара, положенная в основу реформы экономики, предусматривала освобождение цен, либерализацию внутренней и внешней торговли, массовую приватизацию собственности. Л.Н. Славина характеризует рыночную реформу как «шоковую терапию», вызвавшую тяжкие социальные последствия для населения, и показывает отсутствие предпосылок для ее проведения. Возникшая оппозиция реформам потребовала радикального изменения курса, и этот курс попытался смягчить своими решениями VI Съезд народных депутатов 1992 г.

Л.Н. Славина дана характеристика этапов приватизации, которые глобально изменили структуру собственности: в 1998 г. у государства находилось лишь 12,5 % предприятий, остальные перешли в частные руки. Губительным оказался процесс приватизации для предприятий ВПК. Делается вывод, что в целом передел собственности породил тотальную криминализацию экономической жизни, а вместо рыночной экономики формировалась модель спекулятивной экономики. Деятельность высокотехнологичных отраслей была практически свернута, на первое место в экономике вышла примитивная распродажа природных ресурсов, причем львиная доля выручки от экспорта оседала за границей. Автор подчеркивает, что уход государства из сферы регулирования экономики был крупнейшей ошибкой – это способствовало огромной концентрации собственности в руках олигархов.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В главе 4 «Федеративные и межнациональные отношения в России» раскрываются особенности федеративного устройства постсоветской России и процесс самоопределения национальных республик. Автор учебного пособия отмечает, что многие пробле-

мы в этой сфере «перекочевали» из РСФСР. Ельцинский предвыборный призыв 1991 г. «брать суверенитета столько, сколько унесут» привел к параду суверенитетов. Возникли Чеченская Республика, Ингушская Республика, Республика Татарстан, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), и др. Причем Республика Татарстан провозгласила государственную независимость от России. Сложной оставалась ситуация на Северном Кавказе. С целью предотвращения распада Российской Федерации в 1992 г. был подписан Федеративный Договор между ее субъектами и федеральным Центром, согласно которому в состав РФ было включено 89 субъектов: национальные республики, края, области, автономные округа, Еврейская автономная область, два города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург). Конституция 1993 г. закрепила за Россией статус федеративного государства.

Л.Н. Славина характеризует сложность межнациональных отношений в 1990-е гг., которые пропитаны конфликтами между Абхазией и Грузией, Северной Осетией и Ингушетией, драматическими событиями в Чечне. Делается вывод, что федеративные отношения оставались напряженными на протяжении всего десятилетия. Однако в поведении большинства субъектов РФ появились центристские тенденции вследствие того, что большинство субъектов не могли развиваться без дотаций Центра.

В главе 5 «Российское общество в условиях радикальной ломки» анализируется кардинальная социальная трансформация российского общества: возникли новые слои и группы и видоизменились (или исчезли) прежние. Дается характеристика частных предпринимателей (среди которых – крупные бизнесмены, средние и мелкие предприниматели), среднего класса, лиц наемного труда массовых профессий, безработных, сельских жителей. Делается вывод, что в 1990-е гг. сформировалась новая социальная структура общества, и место индивида в ней стал определять более сложный, чем в СССР, набор показателей: отношение к собственности, к власти, уровень доходов, образование, квалификация и т.п.

Автор учебника выделяет три этапа трансформации социальной структуры: 1992–1993 гг. – начало трансформации; 1994–1998 гг. – складывание новой структуры; 1998 г. и далее – очередная ее «встряска» и восстановление после кризиса. Дана характеристика трех компонентов социальной структуры: реформаторский (высший слой, элита), социально-инновационный (средний класс), адаптационный (рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция). В главе также содержится анализ миграции в ее внутреннем и внешнем проявлениях, демографической сферы по целому набору показателей (динамика численности населения, воспроизводство населения и т.д.).

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИИ В 1990-е гг.**

В главе 6 «Повседневность: уровень и условия жизни населения» рассмотрены такие составляющие, как сфера социального обслуживания, доходы населения, повседневная жизнь и т.п. Автор учебника делает акцент на том, что реформы постсоветской России изменили условия жизни людей и привели к перестройке всей сферы социального обслуживания. Раскрываются проблемы в сфере пенсионного обеспечения граждан, в жилищной сфере, здравоохранении. Катастрофическое падение доходов населения усугублялось инфляцией и ростом цен, это привело к тому, что за чертой бедности оказалась четверть населения страны. Одновременно с этим происходила депрофессионализация лиц, потерявших работу. Лишь к концу десятилетия наметились отдельные положительные тенденции в социальной сфере.

Л.Н. Славина приходит к выводу, что перемены в повседневной жизни 1990-х гг. не обошли никого из россиян: у небольшой части населения они были позитивные, у большинства – негативные. Образовалась огромная пропасть в характере и качестве повседневности между разными социальными слоями. Нараставшее неравенство в потреблении «плодов реформ» привело к обострению социально-политической обстановки в обществе.

В главе 7 «Духовное пространство России» анализируются такие сферы общества, как образование, наука, религия, средства массовой информации, Интернет. Автору учебника убедительно удалось показать, что резкое снижение государственного финансирования во всех сферах духовной жизни породило примерно одинаковые тенденции. К примеру, через школу еще ярче высветилась социальная поляризация общества, а платное образование выступало как мощный фактор расслоения молодежи. Образование в обычных школах переживало кризис из-за нищенской зарплаты учителей и потери контроля за качеством образовательных программ. Позитивной тенденцией в высшем образовании стала автономия государственных вузов, которая позволила вернуть им академическую свободу в выборе стратегии и перспектив развития. В научной сфере резкое снижение государственного финансирования вызвало утечку научных кадров за рубеж и в другие сферы деятельности, разрушило отраслевую науку.

Л.Н. Славина дает картину того, как за десятилетие в стране произошли разительные перемены во многих отраслях духовной культуры. Возрождение религиозной сферы охватило все конфессии, а РПЦ возобновила традиции социальной работы среди социально уязвимых прихожан. Одновременно в 1990-е гг. расцвели тоталитарные секты, деятельность которых была запрещена в других странах.

Кардинально менялись средства массовой информации. Вещание первых коммерческих телеканалов сопровождалось рекламой и отличалось новым форматом передач (ток-шоу, зарубежные сериалы и т.п.). Новые подходы были опробованы и на государственных телеканалах. В 1994 г. Россия подключилась к сети Интернет. Л.Н. Славина делает вывод, что все сегменты духовной жизни в 1990-е гг. выступали важнейшими институтами с разнообразными функциями – просветительскими, манипулятивными, мобилизующими, селективными.

В главе 8 «Культура России» автором учебника анализируются основные тенденции перестройки культуры, а также художественное творчество. В условиях, когда культура перестала выступать опорой политической системы, граждане получили право свободно распоряжаться своим временем и потреблять ценности, которые считали нужными. Важность культурной сферы для государства подчеркнута в документе «Основы законодательства РФ о культуре» (1992), в котором сформулированы принципы государственной политики в новых условиях. Нехватка финансирования в культурной сфере породила частную инициативу: возникли частные книгоиздательства, художественные галереи, возродилась благотворительность. В главе представлены новации в сфере культуры в самых разнообразных направлениях. Делается вывод, что в культуре России 1990-х гг. проявились многочисленные, часто противоречивые тенденции, которые отразили переходный характер ее развития.

В главе 9 «Социокультурная и нравственно-психологическая трансформация российского социума» Л.Н. Славина рассмотрела такие проблемы, как крах ожиданий населения от реформ, разобщение и дестабилизация социума, характеристика российской аномии, эволюция общественно-политических настроений. Показано, что девальвация советских идеалов и ценностей болезненно воспринималась большинством населения. Ухудшение уровня жизни и неясность перспектив развития страны привели к возникновению паттернов поведения, еще недавно социально неприемлемых. В результате реформ были деформированы базовые ценности, попорчены идеи социальной справедливости. Автор учебника подчеркивает: опыт 1990-х гг. показал, что пришедшее из советской эпохи общество не было готово к либеральным реформам. В новой России не оказалось социального слоя, который бы отчетливо представлял будущую стратегию развития России. Это привело к победе хищнической стратегии административно-политической элиты, приведшей к тотальной коррупции, вывозу капиталов за рубеж, преобладанию целей личного обогащения над целями социальной справедливости.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ АВТОРА УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

В заключении дается оценка 1990-х гг. как судьбоносной развилки в истории России. Л.Н. Славина формулирует следующие выводы. За десятилетие произошел колоссальный слом прежнего порядка во всех сферах, революционный по масштабам и сути. Ослабление государства стало главным инструментом трансформации России, хотя требовалось обратное – его укрепление. При этом государственное регулирование должно было действовать независимо и во благо рынка, а не в угоду чьим-то политическим или личным интересам. Поэтому на рубеже тысячелетий России пришлось вновь определять, какой предпочесть путь в будущее и как отнестись к наследию 1990-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учебное пособие Л.Н. Славиной выполнено на высоком профессиональном уровне. Книга написана

исследователем, обладающим к тому же огромной практикой преподавательской деятельности. Все это позволило автору подготовить данную работу в рамках классического подхода, характерного для современных исторических исследований отечественной науки. Говоря об учебном пособии в целом, необходимо отметить четкость изложения событий, а также доступный для аудитории стиль. Вопросы, приведенные в тексте и в конце глав, стимулируют познавательную деятельность обучающихся и запоминание материала. Сформулированные Л.Н. Славиной примерные темы эссе по истории современной России могут использоваться как средство реализации компетентностной модели образования и оценивания качества подготовки студентов. В качестве критического замечания и пожелания автору можно сформулировать следующее: дополнить текст учебного пособия историографическими оценками событий. Без них невозможно изучение современности, когда в науке и обществе царит плюрализм взглядов.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021

Дата рецензирования 24.02.2022

Статья принята к публикации 16.03.2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или ttf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.